КНИЖНОЕ ДЕЛО В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Министерство культуры РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Ю.В. [illegible] с уважением и добрыми чувствами И. [illegible] 21 X 83

КНИЖНОЕ ДЕЛО В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

Сборник научных трудов

Ленинград
1983

Научный редактор: И.И.Фролова, канд. ист. наук

СОДЕРЖАНИЕ

Сообщения

Публикации

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных трудов продолжает основные тематические направления, намеченные в предыдущих сборниках Государственной Публичной библиотеки, посвященных истории книжного дела в России во 2-й половине XIX - начале XX вв.*: изучение круга чтения В.И.Ленина (сообщение В.Н.Фойницкого), издание и распространение прогрессивной и революционной книги (статьи И.В.Ханукаевой, В.Е.Кельнера, Ю.А.Горбунова), история студенческой печати (статья Л.А.Шилова), история искусствоведческой книги (О.С.Острой).

В.Н.Фойницкий на основе изучения ленинской фразеологии высказывает предположения о возможности использования В.И.Лениным ряда ранее не установленных литературных произведений. Статья И.В.Ханукаевой продолжает цикл ее работ, посвященных издательской, библиотечной и библиографической деятельности революционных народников 1870-х гг. В работе В.Е.Кельнера рассматриваются некоторые пути распространения в России в этот же период зарубежных нелегальных изданий. Статья Ю.А.Горбунова об одном из ближайших сотрудников Ф.Ф.Павленкова - В.И.Яковенко - содержит ряд новых материалов по истории издательства Ф.Ф.Павленкова и павленковских библиотек. Л.А.Шилов рассматривает совершенно не исследовавшуюся ранее книгоиздательскую деятельность студентов высших учебных заведений в начале XX в. В статье О.С.Острой дается детальная, основанная на архивных документах история создания Д.А.Ровинским его "Подробного словаря русских гравированных портретов".

Остальные материалы сборника посвящены истории провинциального и лубочного книжного дела (статьи С.А.Пайчадзе и Ю.А.Горшкова) и истории народного чтения (статья А.В.Блюма).

Статья С.А.Пайчадзе затрагивает широкий круг проблем, связанных с книгоизданием и книгораспространением на Дальнем Востоке

---

* См.: В.И.Ленин и проблемы изучения книжного дела в России второй половины XIX и начала XX вв.: Сб. науч. тр. Л., 1979, 165 с.; Книжное дело и библиография в России во второй половине XIX - начале XX вв.: Сб. науч. тр. Л., 1980. 170 с.

на рубеже веков. В статье Ю.А.Горшкова сделана попытка осветить экономическую сторону деятельности издателей лубочной литературы в пореформенный период. А.В.Блюм рассматривает систему правительственной регламентации, направленную на ограничение репертуара народного чтения во второй половине XIX в.

Часть статей написана на основе докладов, прочитанных авторами на вторых Павленковских чтениях в октябре 1981 г.

В сборнике публикуются также письма русских издателей, впервые вводимые в научный оборот.

Отзывы о сборнике просим направлять по адресу: 191069 Ленинград, Садовая ул., д.18. Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Заместителю директора по научной работе.

И.В.Ханукаева

БИБЛИОТЕЧНАЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНИКОВ 1870-х гг. И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОГРЕССИВНОЙ КНИГИ В РОССИИ

В первой половине 1870-х гг. представители революционного народничества много внимания уделяли изданию и распространению прогрессивной литературы. Большая заслуга в этом принадлежала Большому обществу пропаганды (известному также под названием "чайковцы"). В различные города и местности России было разослано значительное количество экземпляров сочинений по естественнонаучным и социальным вопросам, в том числе запрещенных и нелегальных изданий. Подбор книг, по замыслу "чайковцев", должен был развивать интересы молодежи в определенном направлении и способствовать формированию у нее революционных взглядов.

Для более широкого ознакомления читателей с прогрессивной литературой народники повсюду создавали библиотеки, подготавливали и активно использовали в руководстве чтением молодежи рекомендательные списки литературы. Это позволило им вести пропагандистскую работу среди интеллигенции, рабочего класса и крестьянства.

Библиотечная деятельность народников 1870-х гг. до настоящего времени не была объектом специального исследования. Народнические библиотеки лишь частично рассматривались в общих трудах по истории народнического движения[1], где содержатся краткие сведения о книжных собраниях при революционных кружках. Некоторым из них были посвящены отдельные статьи[2].

Рекомендательные списки литературы, составленные участниками народнических кружков, привлекли внимание ряда авторов[3]. Наиболее изученными оказались библиографические указатели народников конца 1870-х - начала 1880-х гг., тогда как созданные ими в первой половине 1870-х гг. многочисленные списки книг в помощь общему и политическому самообразованию молодежи остались неизвестными. В результате сложилось мнение, высказанное еще Н.В.Здобновым, что ре-

комендательная библиография играла весьма важную роль в пропагандистской работе глубокого подполья лишь с конца 1870-х гг. Подтверждением тому, по мнению Н.В.Здобнова, служили обнаруженные им "одесский" и "челябинский" каталоги систематического чтения, изданные в самом начале 1880-х гг.

Между тем в архивах сохранился целый ряд рукописных рекомендательных перечней литературы, составленных и активно распространявшихся народниками в первой половине 1870-х гг.

I. Народнические библиотеки 1870-х гг.

Создание сети народнических библиотек

Реакционная политика самодержавия в области библиотечного обслуживания способствовала тому, что в общественной жизни 1870-х гг. народнические библиотеки стали культурными и пропагандистскими центрами, вокруг которых группировались демократические слои населения.

Деятельность народников по созданию библиотек носила целенаправленный, систематический характер, о чем свидетельствуют программные документы революционного подполья того времени, мемуарные, эпистолярные источники. О необходимости устройства библиотек при народнических кружках говорилось в "Программе для кружков самообразования и практической деятельности", обсуждавшейся в 1871 г. на съезде народников в Петербурге, а также в уставе "Всероссийской социально-революционной организации" - кружка "москвичей", возникшего в 1874 г. после разгрома "хождения в народ".

Среди народников Москвы и Петербурга получила распространение специальная "Программа об устройстве библиотек". В 1872 г. она была отобрана при обыске у слушателя Петровской земледельческой академии в Москве, участника кружка "петровцев" П.М.Макаревича. По его словам, он привез этот документ из Петербурга и читал в кружках слушателей академии, но копии снять с него никому не дал, так как "ему велено" было "ее уничтожить, оставив все содержание на память" [4]. Как сообщалось в донесении, программа была

написана на двух почтовых листах весьма мелким почерком. В ней отмечалось, что "вся учащаяся молодежь обязана энергически стремиться к распространению в среде ее и народе книг такого содержания, которое развивало бы читающего в ... направлении, необходимом для осуществления определенной цели". Для этого нужно устраивать "частные библиотеки с читальнями и давать книги читать на квартирах, стараясь ... приучать читающих читать больше в читальнях, т.к. читающие в оных 3 или 4 человека могут лучше уяснить прочитанное". В программе дальше указывалось, что "библиотеки эти должны находиться в руках таких лиц, которые по положению своему считаются вне всякого подозрения со стороны правительства". Средства для создания подобных библиотек надо "стараться добывать от лиц зажиточных, сочувствующих делу образования народа, а также и из касс" кружков самообразования. По мнению составителей документа, "каждый, сочувствующий этому делу, должен принести свою лепту". Если же "найдутся такие жертвователи, которые ссудят большие суммы, то (надо. - И.Х.) открыть книжные магазины предварительно в университетских городах, а потом и в тех, где есть низкие учебные заведения". В программе подчеркивалось, что эти магазины следует "открыть с разрешения правительства, но непременно с читальнями, в коих должны быть книги с определенным подбором"[5].

Как свидетельствуют материалы ЦГАОР СССР, слушатели Петровской земледельческой академии пытались претворить в жизнь основные положения "Программы об устройстве библиотек". По сведениям агентурного донесения 1872 г., содержание этой программы нашло у студентов горячий отклик. Они "выразили желание оказать этому делу полное содействие". Намечалось привести его в исполнение в 1872-1873 учебном году[6].

В июне 1872 г. генерал-майор Московского губернского жандармского управления сообщал в Ш отделение, что воспитанники академии Н.П.Цакни и П.М.Макаревич предполагали с участием своих товарищей "устроить центральный книжный магазин в одном из городов Харьковской губернии, а затем в других городах книжны[е] лав[ки] с читальнями". Цель их создания состояла в том, "чтобы предоставить возможность читать книги, вследствие отсутствия библиотек в

этих городах"[7]. Подбор книг в них должен быть "преимущественно социального направления"[8].

Вместе с Н.П.Цакни, входившим в московский кружок "чайковцев", еще один участник этого кружка, И.К.Львов, намеревался организовать книжную торговлю и библиотеки в Одессе, Харькове и Симферополе[9]. Об этом свидетельствует его приписка на письме, хранящемся в фонде "Вещественных доказательств" ЦГАОР[10].

По сведениям, которые содержатся в различных как опубликованных, так и архивных источниках, народнические библиотеки были созданы, помимо Москвы и Петербурга, в Орле, Херсоне, Троицке, Вятке, Таганроге, Харькове, Воронеже, Калуге, Туле, Екатеринбурге, Киеве, Курске, Казани, Саратове, Пензе, Вильно, Симферополе, Псковской губернии, станицах Усть-Медведицкая, Новгород-Северская и многих других городах и местностях России. В одном только Петербурге существовало несколько таких библиотек: в Медико-хирургической академии, Технологическом институте, Михайловском артиллерийском и Морском училищах, на Патронном заводе, в одной из рот Измайловского полка. В Москве среди радикально-настроенного студенчества были известны библиотека слушателей Петровской земледельческой академии и общественная библиотека, организованная видным деятелем народнического движения Н.А.Морозовым.

О широкой сети народнических библиотек свидетельствуют многие представители "хождения в народ". Землеволец О.В.Аптекман писал: "Повсюду во всех университетских городах возникают кружки... При кружках обыкновенно организуются библиотеки и касса взаимопомощи. Часть кассовых сумм идет на образование библиотек и их пополнение. Это специальная библиотечная касса"[11]. Автор "Очерка истории кружка чайковцев" отмечал:""Образовалась по всей России целая масса студенческих библиотек"[12].

Большую работу по созданию таких книжных собраний провел петербургский кружок "чайковцев". Как вспоминала его участница А.И.Корнилова-Мороз, в задачу кружка входило: "1) приобретать и самим издавать книги по дешевым ценам, 2) снабжать ими студенческие библиотеки в Петербурге и провинции .., 3) содействовать устройству новых библиотек..."[13]. По словам видного представителя

общества "чайковцев" Л.Э.Шишко, в результате этой деятельности "повсюду возникли хорошо подобранные библиотеки, способствовавшие просвещению молодежи"[14]. Другой участник этого кружка, И.Е.Деникер, отмечал: "Во многих городах были заведены маленькие библиотеки из подобных книг, главным образом, для гимназистов и семинаристов"[15].

Усилиями представителей революционно-народнической интеллигенции были созданы разные виды народнических библиотек: студенческие, библиотеки учащихся средних учебных заведений и народных школ[16], а также библиотеки, организованные по типу частных публичных и рассчитанные на разночинную молодежь. Бо́льшая часть народнических библиотек находилась на нелегальном положении.

Цели и задачи народнических библиотек

Народнические библиотеки выполняли широкие просветительские задачи. Как отмечали организаторы библиотеки слушателей Петровской земледельческой академии в Москве, главная ее цель состояла в том, чтобы "дать возможность каждому пополнить тот недостаток общего образования, какой вызывается специальным характером... академического курса". Поэтому библиотека прежде всего должна была "обращать внимание на развитие отделов социального, естественного и беллетристического". "Но при этой главной цели" не упускалось "из виду и пополнение недостатка в некоторых сочинениях и даже руководствах специального характера", которые отсутствовали в академической библиотеке или были "слишком редки и дороги для того, чтобы могли быть приобретены отдельными лицами"[17].

В то же время библиотеки революционных народников давали возможность вести пропагандистскую работу среди радикально-настроенной молодежи. Так, например, о существовании большого собрания литературы у слушателей упомянутой Петровской академии было известно ее директору. В ходе расследования противоправительственных выступлений в стенах этого учреждения воспитанники его утверждали, что в их библиотеке хранились книги "исключительно только учебные",

"все цензурованы, преимущественно сельскохозяйственные и по естествознанию". Однако слушатели не согласились с предложением директора передать ее в общую академическую библиотеку. Агент Ш отделения в своем донесении объяснял этот факт тем обстоятельством, что при студенческой библиотеке "всегда находилось более 40 книг социального направления, которые в момент угрожающей опасности разбирались... по рукам". В донесении отмечалось, что библиотека служила "главным основанием" создания в академии кружков самообразования с "определенной целью". Поддерживая в свою очередь библиотеку, они предоставляли "полную возможность вести дело пропаганды"[I8].

Народнические библиотеки, помимо сбора и хранения прогрессивных, демократических изданий, часто отсутствовавших в общедоступных библиотеках, стремились к тому, чтобы как можно более широкие группы читателей могли пользоваться этой литературой. В делах Ш отделения по расследованию "преступной пропаганды в народе" сохранились материалы об организованной в Таганроге нелегальной библиотеке бывших студентов Петербургской медико-хирургической академии, участников таганрогского революционного кружка братьев И. и А.Павловских, включавшей запрещенные издания. Организаторы ее, "зная несостоятельность" городской библиотеки, задумали устроить для "постепенного развития гимназистов"[I9] библиотеку, в которой были бы "лучшие сочинения по истории литературы и беллетристике". Как писал в своих показаниях гимназист Е.Брусиловский, один из Павловских сообщил ему, "что цель библиотеки (состояла. - И.Х.) в том, чтобы доставить возможность бедным ученикам гимназии пользоваться чтением или вовсе бесплатно, или за очень умеренную плату"[20].

В I872 г. Ш отделению стало известно, что в Туле существует нелегальная библиотека учительницы Е.К.Раевской, созданная студентами Медико-хирургической академии В.С.Ивановским, С.И.Дубенским и В.К.Раевским. В ходе следствия выяснилось, что обнаруженное собрание литературы принадлежало "не частному лицу, но обществу студентов, которое собрало деньги, купило книги и переслало в Тулу с тем, чтобы не могущие без денег достать книги могли бы пользо-

ваться ими... беспрепятственно". Организаторы этой библиотеки предполагали передать ее читателям в безвозмездное пользование[21].

Среди читателей народнических библиотек были не только участники кружков самообразования, но и не входившие в них лица. Так, например, херсонское революционное сообщество считало своей задачей "распространение в публике книг известного направления при посредстве собственной библиотеки". Количество подписчиков ее "доходило до 250 человек, не считая членов организации"[22]. Как вспоминал Н.А.Морозов, в общественной библиотеке созданного им в Москве кружка могли бывать все, рекомендованные кем-либо из его членов. И далее он отмечал: "Устройство библиотек казалось тогда лучшим средством для знакомства с наиболее активной в умственном отношении частью молодежи и для привлечения ее к движению"[23].

Участники народнического движения с помощью организованных ими библиотек стремились оказать воздействие на формирование читательских интересов различных слоев населения. Представитель саратовского революционного сообщества И.И.Майнов вспоминал, что в 1874 г. в Саратове местным кружком была основана легальная библиотека, при помощи которой ее организаторы "надеялись расширить связи, завести знакомства в читающей публике и влиять на выбор ее чтения"[24].

Формирование и состав книжного фонда народнических библиотек

Архивные документы, мемуарные и эпистолярные материалы позволяют раскрыть источники комплектования и содержание книжных фондов народнических библиотек.

Библиотеки создавались чаще всего на средства, собранные участниками кружков, и поддерживались взносами читателей. Деньги шли на покупку новых книг.

Их фонды иногда достигали значительных размеров. Если просуществовавшая сравнительно недолго библиотека Е.К.Раевской в Туле включала 45 названий[25], а библиотека Усть-Медведицкой гимназии - 90 [26], то книжное собрание в Петровской земледельческой академии

насчитывало около 250 наименований[27], в Морском училище и библиотеке студентов-технологов в Петербурге - приблизительно 1000[28] и 3500 томов[29].

Комплектование этих библиотек осуществлялось путем выписки из магазинов или приобретения литературы в различных городах страны. В воспоминаниях участника херсонского революционного сообщества М.Р.Ланганса отмечено, что библиотека кружка самообразования в Херсоне ежемесячно выписывала книги "по всем отраслям знания, главным образом, по истории, философии и естествознанию"[30]. По свидетельству одной из сестер Шевыревых, создавших в 1874 г. в Калуге нелегальную библиотеку, издания для ее пополнения покупала "в разных местах в Петербурге" Апполинария Шевырева, у которой было много знакомых в среде радикально настроенного студенчества[31].

Большую помощь в комплектовании периферийных библиотек оказали народники Москвы и Петербурга. Так, например, студент Медико-хирургической академии В.С.Ивановский привозил в Тулу книги для библиотеки Е.К.Раевской. Через своего брата, студента-медика, она получала журналы "Знание" и "Дело"[32]. Как сообщил в своих показаниях ученик Виленского раввинского училища Я.А.Финкельштейн, создавший там нелегальную библиотеку, новые книги для ее пополнения доставлял ему по почте представитель московского общества "чайковцев" С.Л.Клячко[33]. В сентябре 1872 г. библиотека екатеринбургского народнического кружка получила из Петербурга значительное количество книг на сумму в 2 тыс. рублей[34].

Революционная молодежь центральных городов России присылала в провинциальные библиотеки нелегальные издания, а также первые произведения марксистской литературы. Участник курского народнического кружка М.А.Тимофеев вспоминал, что тайная библиотека в курской гимназии получала от студентов "заграничные подпольные издания"[35]. По свидетельству народовольца И.С.Русанова, в период увлечения молодого поколения 70-х гг. "Капиталом" К.Маркса "старшие товарищи из Москвы" прислали в библиотеку орловского кружка "толстую книгу в красной обложке... с аттестацией: "Трудно, особенно вначале, но необходимо""[36].

Народнические библиотеки включали прогрессивную естественнонаучную, общественно-политическую литературу, а также публицистические и художественные произведения демократического направления. В фонде "Вещественных доказательств" ЦГАОР СССР хранится каталог нелегальной библиотеки, оказавшийся в руках жандармов в середине 1870-х гг.[37] В нем широко представлены труды отечественных и зарубежных ученых по естественным и социальным наукам, физике, химии, логике, философии, педагогике, истории, правоведению, а также художественная и публицистическая литература. В раздел "История" включены книги Г.Т.Бокля ("История цивилизации в Англии"), И.Шерра ("Комедия всемирной истории"), А.П.Щапова ("Социально-педагогическое развитие русского народа") и др. В раздел "Философия и педагогика" вошли запрещенный в России труд Вольтера "Философия истории", "Теория воспитания" Руссо, а также сочинения П.Л.Лаврова, Дж.С.Милля, Дж.Г.Льюиса и др. Раздел "Политика и социальные науки" составили широко распространявшиеся "чайковцами" работы Э.Бехера ("Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению"), А.К.Шеллера-Михайлова ("Ассоциации" и "Пролетариат во Франции"), сочинения Ф.Лассаля, В.В.Берви (Флеровского) и др. Из художественной литературы в библиотеке находились сочинения М.Е.Салтыкова-Щедрина, А.И.Герцена, А.Н.Островского, Н.А.Некрасова и писателей народнического направления Н.И.Наумова, А.И.Левитова, В.А.Слепцова, Ф.М.Решетникова, Г.И.Успенского и др. По данным агентурного донесения 1874 г., библиотека Я.Финкельштейна в Вильно состояла преимущественно из книг "политико-экономического и социалистического содержания"[38]. В докладной записке о библиотеке Е.К.Раевской в Туле отмечалось, что "сочинения, внесенные в ее каталог, преимущественно социалистические"[39].

Фонды народнических библиотек включали нелегальные и запрещенные издания. Так, например, в библиотеке курской гимназии, по словам ее участника, хранилось "почти все, что тогда было запрещено и изъято из обращения: Добролюбов, Писарев, Мордовцев, Чернышевский, Омулевский, Бюхнер, Фохт, Молешотт и пр."[40]. Читатели нелегальной библиотеки в Вятке, библиотекарем которой был гимна-

зист М.И.Бородин, получали от него такие нелегальные издания, как "Государственность и анархия" М.А.Бакунина, "Знание и революция" П.Л.Лаврова, "Отщепенцы" Н.В.Соколова и В.А.Зайцева. В состав обширного книжного собрания екатеринбургского кружка входили подвергавшиеся преследованию властей сочинения Ф.Лассаля, Д.И.Писарева, изданные за границей "Письма без адреса" Н.Г.Чернышевского, "Песенник". Согласно секретному донесению в III отделение, здесь хранились в нескольких экземплярах запрещенные произведения:"Азбука социальных наук" В.В.Берви (Флеровского), "Положение рабочего класса" Э.Бехера, "К русским цюрихским студенткам" П.Л.Лаврова, "Программа Интернационала"[41].

В фонды народнических библиотек входили отдельные номера таких журналов, как "Современник" и "Русское слово". В них хранились получаемые по подписке комплекты "Отечественных записок," "Дела", "Вестника Европы", "Знания". Некоторые из них включали и газеты. Иногда тематика комплектуемой литературы определялась интересами участников того кружка, при котором создавалась библиотека. Так, например, в письме, принадлежавшем, как предполагают некоторые исследователи, руководителю харьковского кружка Я.И.Ковальскому, излагается программа занятий участников этого кружка, стремившихся "обстоятельно познакомиться с нынешним состоянием России". Как отмечалось в письме, при составлении докладов о текущих событиях в стране, ее народном и государственном хозяйстве, центральном и местном управлении, этнографии, народном образовании, каждый "должен стараться воспользоваться всем тем, что уже есть в литературе, касающейся предмета его исследования". "В связи с этим, - писал далее автор, - возник вопрос о том, чтобы сформировать такую библиотеку, в которой было бы собрано по возможности все то, что у нас написано о России"[42].

Организация обслуживания читателей

Некоторое представление об организации обслуживания читателей в народнических библиотеках дают сохранившиеся в архивах материалы, связанные с деятель-

ностью библиотеки слушателей Петровской земледельческой академии в Москве.

В ЦГИА СССР в Ленинграде хранятся уже упомянутые (см. примеч.17) "Правила об организации библиотеки и устройстве кружков", принадлежность которых к определенному революционному сообществу 1870-х гг. никак не оговаривается. Наши разыскания в ЦГАОР СССР позволили установить, что в этом документе речь идет о библиотеке слушателей Петровской академии. По сведениям хранящегося здесь агентурного донесения 1872 г., во время обыска у слушателей академии Н.П.Цакни и И.П.Стенюшкина были отобраны "правила библиотек". Изложенное здесь же их содержание полностью совпадает с документом, хранящимся в Ленинграде. Кроме того, обнаруженный жандармами "Устав тайной библиотеки студентов Петровской земледельческой академии"[43], также находящийся в ЦГАОР СССР, представляет собой краткое извлечение из "Правил об организации библиотеки и устройстве кружков".

Согласно названным документам, членами библиотеки могли быть студенты и посторонние лица. Каждый из них имел "право голоса при решении вопросов, касающихся библиотеки, а равно и право пользоваться книгами из всех ее отделов".

Все дела библиотеки решались большинством голосов. Участники ее делились на кружки, в состав которых входило от 5 до 10 человек. Члены каждого кружка были связаны круговою порукою, которая понималась в том смысле, что все несли ответственность за одного и один за всех. Кружок отвечал "не только за утерянную его членом книгу, но и за всякое нарушение интересов библиотеки". Если читатель держал литературу больше установленного срока, то он лишался прав члена библиотеки до ее возвращения, и об этом извещался кружок. Потерянное издание немедленно взыскивалось с кружка.

Каждый кружок выбирал из своей среды депутата сроком на два месяца, который выступал представителем его мнений и интересов на депутатском собрании. В обязанности депутата входило знать мнение членов своего кружка по обсуждаемым вопросам, собирать как ежемесячные взносы кружка, так и все платежи, лежащие на нем, и представлять их в установленные сроки, исполнять возложенные на него

депутатским собрание обязанности. Он же сообщал членам кружка обо всем, что рассматривалось на депутатском собрании.

Депутатское собрание происходило периодически, не менее одного раза в месяц, а в некоторых случаях экстренно. В его обязанности входили своевременные ревизии библиотеки и кассира. Для этого избирались доверенные лица. Депутатское собрание имело право созвать общее собрание. Оно же избирало председателя депутатского собрания.

Общее собрание созывалось периодически по инициативе членов библиотеки через депутатское собрание. Ему предоставлялось право безусловного исключения всякого из членов библиотеки.

Баллотировкою по кружкам или через общее собрание студенты из своей среды избирали библиотекарей и кассира на два месяца. Библиотекарь был обязан хранить и выдавать вверенные ему книги, иметь каталог своего отдела, вести список, в котором каждый читатель своей рукой обозначал время получения литературы и срок ее возвращения, своевременно заботиться о переплете книг.

Библиотекарь имел право передать порученный ему отдел только лицу, избранному общим голосованием, а в экстренных случаях - одному из библиотекарей, заведывавших любым другим отделом. Передача эта производилась в присутствии депутата, причем последний вносил в каталог все недостающие книги. Библиотекарь отвечал за всякую растрату книг, даже если она произведена не им самим, а тем лицом, которому он самовластно передал книжное собрание.

В обязанности кассира входило хранить в наличности вверенные ему суммы, следить за передвижением членов по кружкам, в установленных счетах указывать цифру ежемесячных взносов на каждого читателя, ежемесячно представлять на депутатское собрание отчет о состоянии кассы, в котором должны быть обозначены все приходы и расходы. На него же возлагалась обязанность покупки и переплета книг и хранение ревизионного каталога.

В "Правилах" было отмечено, что каждый член получал не более двух книг. Книги научные и учебные выдавались на четыре недели, беллетристические и периодические издания - на две, вновь вышедшие журналы и художественные произведения - на неделю.

Выписка книг производилась ежемесячно. "Выбаллотированной" книгой считалась та, за которую было подано наибольшее число голосов[44].

Таким образом, в 1870-х гг. в России была создана сеть народнических библиотек различных типов и видов. Они сыграли важную роль в распространении прогрессивной книги, став центрами просветительной и пропагандистской работы среди демократической молодежи. Способствуя повышению общекультурного уровня и политического сознания своих читателей, библиотеки содействовали вовлечению все более широких кругов общества в борьбу с самодержавием. Распространению прогрессивных изданий, наряду с народническими библиотеками, служили рекомендательные списки литературы, составленные участниками подпольных кружков.

2. Народнические программы самообразования в руководстве чтением разночинной молодежи

Рукописные программы систематического чтения народников первой половины 1870-х гг. явились средством общеобразовательной и теоретической подготовки молодого поколения того времени к участию в освободительной борьбе. При их составлении складывалась методика подготовки подобных пособий, получившая дальнейшее развитие в отдельно изданных рекомендательных указателях революционного подполья конца 1870-х - начала 1880-х гг.

Распространение рекомендательных списков литературы

Представители народнического движения, подобно своим предшественникам - революционерам-демократам, противопоставляли самообразование официальному курсу преподавания и обучения в царской России. Они считали, что знания, приобретенные не в университетах и академиях, а в результате самостоятельного ознакомления молодежи с прогрессивной литературой, нужны ей "как элемент для выработки... мировоззрения"[45]. Н.В.Чайковский писал, что с целью оказания помощи молодежи в изучении истории народных движений,

современной русской жизни, экономических вопросов, социологии и т.д. "необходимо... составлять и печатать програмы, списки самых удобопереваримаемых литературных источников в виде книг и журнальных статей, преимущественно на русском языке, не обременяя при этом головы массой ученого материала"[46].

Характеризуя противоправительственные выступления петербургского радикального студенчества, автор "Очерка истории кружка "чайковцев"" отмечал: "Это время было временем всевозможных программ, формулировок, конспектов и т.д. Если разговор заходил о каком-нибудь серьезном вопросе, он немедленно кончался составлением по нему списка книг. Если говорилось о самообразовании, появлялась программа занятий"[47].

Сведения о повсеместном распространении народниками рекомендательных перечней литературы среди разных слоев общества содержатся в сборниках документальных материалов, многочисленных мемуарных и архивных источниках. Так, например, как сообщалось в материалах следствия, во время своей пропагандистской деятельности в Пензе в 1873 г. близко стоявший к кружку "чайковцев" Д.М.Рогачев передал местным семинаристам "программу, систематизирующую книги, необходимые для прочтения". Эта программа была с интересом встречена оппозиционно настроенной молодежью, так как "самый выбор книг... и систематизация их" показывали "в составителе человека умного и много читавшего"[48].

В октябре 1874 г. III отделению стало известно, что участница московского кружка студентов А.В.Андреева вела пропаганду среди учеников Харьковского технического училища. По признанию одного из них, А.З.Дзюбина[49], она перед своим отъездом в Таганрог дала ему и его товарищу "по списку, собственноручно ею написанному, книг по разным предметам". Дзюбин разъяснял далее, что эти перечни были приготовлены Андреевой заранее и она сказала ему, что это каталоги книг А.И.Дилевского[50]. Отметив крестиками некоторые из них, она предложила учащимся обратиться к Дилевскому с просьбой снабжать их книгами.

В марте 1875 г. жандармы разыскивали М.Д.Муравского, активного участника создания революционных кружков в Оренбурге. В до-

несении сообщалось, что этот пропагандист, занимаясь агтиационной работой в Оренбургской губернии, в беседе с сельским учителем деревни Слоновки разузнавал о школе и ее средствах "к народному образованию". Он передал учителю адрес лица, через которое тот мог бы выписывать "дешево книги, а также выдал ему список рекомендуемых школьных книг"[5I].

Библиографические перечни литературы распространялись народниками не только среди интеллигенции, но и в народной среде. О.В.Аптекман, вспоминая о своих пропагандистских беседах с солдатами Харьковского гарнизона, отмечал, что он передал тогда одному из них "список книг для чтения, нарочито составленный... для него, по его просьбе"[52]. В январе 1874 г. у Н.А.Чарушина, входившего в общество "чайковцев", был найден жандармами указатель книг под заглавием "Первоначальный список" с пометой "Для Виктора и ему подобных". Вероятно, список предназначался для рабочего-революционера В.П.Обнорского и его товарищей по кружку, т.е. для заводских рабочих[53].

Програмы систематического чтения и их назначение

К числу вещественных доказательств, уличавших революционно настроенную молодежь в антиправительственной деятельности, сотрудники Ш отделения относили обнаруженные при арестах в бумагах пропагандистов разнообразные библиографические материалы - каталоги нелегальных библиотек, рекомендательные перечни книг естественнонаучной и общественно-политической тематики, систематизированные програмы и планы чтения. Так, например, у слушателя Петровской земледельческой академии Н.П.Цакни и его жены З.К.Львовой в 1872 г. были отобраны каталог нелегальной библиотеки и "различные списки книг"[54]. Перечень литературы под названием "Критика существующего" был изъят в 1873 г. при обыске у члена Харьковского отделения общества "чайковцев" А.В.Ярцева[55]. "Список книг и сочинений революционного и тенденциозного направления" обнаружен в 1875 г. при обыске у участника московского кружка А.П.Бирюкова[56]. Програмы чтения найдены в период 1872-1874 гг. у ученика Вятского земского технического учи-

лища П.А.Кудрявцева, в записных книжках и тетрадях организатора вятского революционного кружка молодежи М.И.Бородина и участника московского отделения общества "чайковцев" И.К.Львова. Списки литературы для распространения в народе были раскрыты при арестах привлекавшихся к ответственности по процессу "193-х" П.К.Ковальского, С.Л.Перовской и др.

Наибольшее распространение среди студентов и учащихся средних учебных заведений того времени получили программы систематического чтения. В составлении их и снабжении ими народнических кружков активное участие приняли представители общества "чайковцев". Организуя повсюду группы молодежи для самостоятельного изучения прогрессивной литературы, они заботились, по утверждению Л.Э.Шишко, "о выработке и принятии всеми кружками самообразования одинаковой, в общих чертах, программы чтения и занятий", способствуя таким путем подготовке молодежи к "будущей революционной деятельности в народе"[57].

Переписка П.Л.Лаврова с разными лицами сохранила сведения о том, что участники народнических кружков неоднократно просили редактора журнала "Вперед!" подготовить для них програму чтения. Так, в июле 1874 г. П.Л.Лавров сообщал из Лондона Г.А.Лопатину о том, что к нему обратились представители киевского кружка И.Ф.Фесенко и Д.А.Лизогуб "с вопросами о програме для занятий и о списке книг для этого"[58]. Некоторое время спустя П.Л.Лавров пояснял Г.А.Лопатину в одном из своих писем, что "они просили вовсе не о книгах тенденциозного содержания, а о некоторого рода Cours préparatoire(подготовительном курсе. - И.Х.) для революционера"[59].

Намерение П.Л.Лаврова приняться за подготовку подобного перечня заинтересовало Г.А.Лопатина. "... Я уверен, - отвечал он в октябре 1874 г., - что Ваша "программа" имела бы большое распространение, а не 50 читателей, хотя бы Вы вручили ее только двум. Между прочим, и мои дамы (З.С. и Н.С.Корали. - И.Х.) сильно зарились на нее, так что я имел тайное поручение задержать ее для переписки во время пересылки"[60].

Аналогичная просьба содержалась в одном из писем из России, присланном в редакцию "Вперед!" в марте 1876 г. В нем сообщалось:

"Разного рода кружки развивающейся интеллигентной молодежи желают иметь программу чтения книг именно от Вас. Если Вы составите ее, то и пришлите при случае"[61].

Как уже было отмечено, представители народнического движения видели основное назначение созданных ими каталогов и програм чтения в воспитании у молодежи передового мировоззрения. Исходя из того, что современный им уровень образования в России не дает систематических знаний, революционные народники одним из главных требований умственного развития молодежи выдвигали требование систематичности, изучения прогрессивных изданий в определенной последовательности.

Мысль о необходимости "систематического знания" неоднократно звучала на студенческих сходках начала 1870-х гг. И.Е.Деникер, например, вспоминал о выступлении одного из руководителей кружка "чайковцев" В.М.Александрова в 1870 г. в Петербурге среди студентов Лесного института. В.М.Александров говорил о том, что для подготовки к деятельности в народе надо серьезно изучить политэкономию, психологию, историю, социологию. Он отметил, что уже существуют кружки, изучающие эти науки "в известной системе", и нужно как можно больше создавать таких кружков[62]. В делах III отделения сохранились материалы о работе кружка самообразования в Петербургском технологическом институте. Один из его участников сообщил в своих показаниях в мае 1872 г. о выступлении студента Н.В.Филатова, обратившего внимание собравшихся на возможность "нравственного развития" посредством чтения книг. По его словам, чтение "без всякой системы" приводит к тому, что "прочитанное вскоре забывается". Для того, чтобы чтение было последовательным, Н.В.Филатов предложил программу, где "в известном порядке были перечислены сочинения, которые нужно прочесть"[63].

Содержание програм систематического чтения

В народнические программы чтения включалась отечественная и переводная естественнонаучная и общественно-политическая литература прогрессивного

направления, получившая широкое распространение среди молодежи в начале 1870-х гг. благодаря деятельности кружка "чайковцев". Это были различные издания произведений Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева, П.Л.Лаврова, В.В.Берви(Флеровского), А.К.Шеллера-Михайлова, Ф.Лассаля, Л.Блана и др.

В рекомендательные списки входили запрещенные издания. Среди них "Азбука социальных наук" и "Положение рабочего класса в России" В.В.Берви(Флеровского), "История февральской революции 1848 г." Л.Блана, "Философия истории" Вольтера, сочинения Д.И.Писарева, Ф.Лассаля, "Кобзарь" Т.Г.Шевченко, рассказ "Клод Ге" В.Гюго, а также романы А.И.Герцена "Кто виноват?", Омулевского (И.В.Федорова) "Шаг за шагом" и др. Так, например, в программу для чтения, обнаруженную при обыске у ученика Вятского земского технического училища П.А.Кудрявцева, включено свыше 40 названий книг и статей[64]. Из них 6 были запрещены цензурой.

Хронологический период выхода в свет включенной в списки литературы схватывает 1855-1870-е гг. В основном в них преобладают издания 1860-1870-х гг.

В програмы чтения участников народнических кружков наряду с отдельными изданиями входили статьи из журналов "Современник", "Отечественные записки", "Дело", "Русское слово", "Книжный вестник", "Время", "Вестник Европы", "Библиотека для чтения" и др. В записных книжках пропагандистов, отобранных при арестах, встречаются обширные перечни журнальных публикаций. К примеру, в программе чтения, найденной при обыске у одного из организаторов вятского народнического кружка М.П.Бородина, под рубрикой "По воспитанию" собраны статьи на педагогические темы Г.Е.Благосветлова, П.Л.Лаврова, Г.П.Данилевского из журналов "Отечественные записки" и "Библиотека для чтения"[65]. Подробные перечни статей Н.Г.Чернышевского, Н.А.Серно-Соловьевича, М.А.Антоновича из журналов "Современник", "Русское слово", "Время" за 1860-1865 гг. имеются в бумагах Н.П.Цакни. Здесь же помещен длинный список материалов из разных журналов 1860-1870-х гг., при составлении которого пропагандист воспользовался современными ему опубликованными библиографическими указателями, о чем свидетельствует название рубрики -

"По Межову"[66].

Литература в таких программах чтения чаще всего распределялась по разделам, название и количество которых могло быть различным. Так, например, список книг, обнаруженный у П.А.Кудрявцева, состоял из разделов "Этика", "Рабочий вопрос", "Социалисты", "История", "Вопросы русской гражданской экономии", "Философия естествознания"[67]. Программа чтения, переданная Д.М.Рогачевым пензенским семинаристам, включала беллетристику, книги по естествознанию, психологии, социологии, истории (с подразделением на новую и русскую историю)[68]. В списке литературы, найденной в записной книжке М.П.Бородина, помимо отделов "Этика", "Рабочий вопрос", "История", часто встречающихся в народнических программах систематического чтения 1870-х гг., были названы книги по физике, физиологии, анатомии, женскому вопросу. Владелец списка включил сюда разделы "Химия", "Гигиена", оставив их незаполненными, по-видимому, надеясь со временем подобрать соответствующие публикации[69].

Наполнение близких по темам рубрик в различных народнических программах часто совпадает. В раздел "Этика", к примеру, включаются, в основном, произведения П.Л.Лаврова ("Исторические письма", "Современные учения о нравственности и ее история"), Дж.С.Милля ("Утилитарианизм"), В.В.Берви(Флеровского) ("Азбука социальных наук"). В отдел "Рабочий вопрос" часто входят книги Ф.Лассаля ("Труд и капитал"), А.К.Шеллера-Михайлова ("Ассоциации" и "Пролетариат во Франции"), В.В.Берви(Флеровского) ("Положение рабочего класса в России"), Н.В.Шелгунова ("Пролетариат в Англии и во Франции" - популярный перевод работы Ф.Энгельса), Н.А.Добролюбова ("Роберт Овэн и его попытки общественных реформ"), Н.Г.Чернышевского ("Июльская монархия") и др. В разделе "Политическая экономия" помещаются "Основания политической экономии" Дж.С.Милля (с примечаниями Н.Г.Чернышевского), второй том сочинений Ф.Лассаля, "Капитал" К.Маркса и др.

Списки литературы, подготовленные участниками народнических кружков, обнаруживают интерес их составителей к крестьянскому вопросу, к истории раскола в России. Так, например, в записной

книжке Р.Мейера[70] содержится подробно разработанный перечень источников для изучения истории крестьянства как в России, так и за рубежом. В него вошли книги Ю.Э.Янсона ("Опыты исследования о крестьянских наделах"), И.Д.Беляева ("Крестьяне на Руси") и А.И.Васильчикова ("Земледелие и землевладение), а также статьи В.И.Семевского на ту же тему, опубликованные в 1876-1877 гг. в журналах "Русская старина", "Вестник Европы", "Древняя и новая Россия". Списки книг и статей по крестьянскому вопросу имеются в записной книжке "чайковца" А.И.Сердюкова. Некоторые из этих описаний снабжены аннотациями. Так, например, по поводу двух статей Г.З.Елисеева под названием "Крестьянская реформа", опубликованных в журнале "Отечественные записки" за 1874 г., говорится: "Интересная статья, особенно первая. Знакомит довольно обстоятельно с сущностью реформы. 2-ю статью как будто пообдергала цензура, ибо пахнет нравоучительным запахом". Книга же Ю.Д.Беляева "Крестьяне на Руси" сопровождается таким замечанием: "Капитальная вещь, разобъясняющая обстоятельно возникновение всех видов рабства в России, указывает на влияния, способ к развитию и укоренению этого рабства"[71]. В одной из тетрадей А.И.Сердюкова, относящейся в 1875 г., находится подробный перечень книг и статей по истории раскола в России[72]. В него включены книги А.П.Щапова "Земство и раскол", Г.В.Есипова "Раскольничьи дела ХУШ столетия", а также статьи на ту же тему из "Отечественных записок", "Современника", "Дела", "Русского вестника", "Правительственного обозрения" и других журналов 1860-1870-х гг.

Обращает на себя внимание подбор и группировка материалов в разделе "История". Многие из включенных в него книг рассказывают о революционных движениях в различных странах. В коллекции "Вещественных доказательств к делам министерства юстиции" ЦГИА СССР хранится программа чтения, изъятая жандармами в 1877 г. у неустановленного лица. Раздел "История" в ней состоит из 5 работ, среди которых 4 посвящены революционным выступлениям и крестьянским войнам в Западной Европе[73]. Из 24 работ, включенных в раздел "История" каталога систематического чтения, отобранного у Н.П.Цакни, 10 повествуют о революционных событиях. Интересно построение

этого отдела. Часть литературы помещена в общем разделе. Произведения, касающиеся отдельных стран, распределяются в рубриках: "Германия", "Англия", "Франция", "Италия", "Польша" и "Россия". Содержание книг отражает социальный строй этих государств, историю крестьянских выступлений и революционных движений в указанных странах[74].

В народнические програмы чтения наряду с естественнонаучной и общественно-политической литературой включались художественные и публицистические произведения демократического направления. Перечни сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина, Г.И.Успенского, Ф.М.Решетникова, А.И.Левитова, А.К.Шеллера-Михайлова, Ф.Шпильгагена содержатся в записной книжке М.П.Бородина, в бумагах Н.П.Цакни. Литературно-критические статьи Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева, П.Н.Ткачева, М.К.Цебриковой и др. размещены рядом с беллетристическими произведениями. Так, например, в списке художественной литературы для чтения, составленном Н.П.Цакни, после "Грозы" Н.А.Островского помещены две статьи Н.А.Добролюбова "Темное царство" и "Луч света в темном царстве".

Народнические програмы самообразования были рассчитаны на разные группы читателей. В бумагах, отобранных у Н.П.Цакни, есть краткий рекомендательный список литературы под заглавием "Курс общеобразовательный"[75]. Он состоит из разделов "Логика", "Психология", "Право", "Этика" и включает около 23 названий книг. Рядом с ним имеется подробный каталог систематического чтения, предназначенный для более основательной подготовки. Он включает разделы: "Общие нравственные вопросы. Материалы. Критические статьи", "Основы теории нравственности", "Материалы по историко-философским вопросам", "По рабочему вопросу", "Материалы по экономическим вопросам", "По вопросу социализма".

Програмы чтения, распространяемые пропагандистами, могли варьироваться. В тетради И.К.Львова[76], например, содержится каталог систематического чтения, куда вошли все разделы "Курса общеобразовательного", найденного у Н.П.Цакни, с добавлением литературы по политэкономии, социализму, рабочему вопросу и истории из более усложненного перечня, обнаруженного в бумагах того же Н.П.Цакни.

Записи в этих пособиях для самообразования краткие, с указанием автора и названия книги, иногда усеченного, без обозначения места и года издания. Аннотации в большинстве случаев отсутствуют. Наиболее значимая литература нередко выделяется подчеркиванием. Произведения таких авторов, как Н.А.Добролюбов, Н.Г.Чернышевский, Д.И.Писарев, Н.И.Костомаров, Д.Л.Мордовцев и др. иногда не названы, а после фамилии автора стоит помета - "всё".

Рекомендательные списки литературы, составленные народниками 1870-х гг., сыграли заметную роль в распространении прогрессивной книги в России. Они знакомили демократического читателя с наиболее значительными произведениями естественнонаучного и общественно-политического содержания, воспитывали в нем навыки самообразовательного чтения, содействовали формированию прогрессивного мировоззрения.

Характерно, что издания, включенные представителями народнического движения в рекомендательные перечни, входили и в состав фондов народнических библиотек. С помощью библиотек и библиографических списков литературы народники успешно вели среди молодежи просветительную и пропагандистскую работу, направленную на приобщение возможно более широких групп читателей к прогрессивной книге, к подлинно научному знанию. Это, согласно их программе, служило одним из средств воспитания активного члена общества и сознательного гражданина.

Примечания

I. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнич. кружки и "хождение в народ" в 70-х годах XIX в. М.: Наука, 1965; Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе "хождения в народ" (1863-1874). Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967; и др.

Более подробные сведения о библиотеках содержатся в работах, посвященных местным народническим кружкам: Рабинович Я.Б. Екатеринбургский революционно-народнический кружок (1871-1875 гг.) - Учен. зап. /Перм.ун-т, 1961, т.17, вып.4, с.139-151; Гинев В.Н. Народническое движение в среднем Поволжье: 70-е гг. XIX в. М.; Л.: На-

ука, 1966; Самбук С.М. Революционные народники Белоруссии: (70-е - начало 80-х годов XIX в.). Минск: Наука и техника, 1972; и др.

2. Черняк А.Я. Н.И.Кибальчич - основатель нелегальной библиотеки. - Библиотекарь, 1958, № 2, с.62-66; Черняк А.Я. Дело о тайной библиотеке в Усть-Медведицкой гимназии. - Труды /Гос.б-ка СССР им. В.И.Ленина, 1960, т.4, с.283-294.

3. Здобнов Н.В. Конфискованные библиографические издания 80-х годов. - Каторга и ссылка, 1934, № 4, с.106-121; Рейсер С.А. Подпольная рекомендательная библиография 70-80-х годов XIX века. - Сов. библиогр., 1960, № 1, с.54-69; Левина С.С. Пропаганда литературы среди революционной молодежи 70-80-х годов XIX в. - Сов. библиогр., 1979, № 3, с.52-58.

4. ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр.71, ч.1, л.187 об.

5. Там же, л.187 об. - 188 об.

6. Там же, л.188 об.

7. Там же, л.89.

8. Там же, л.187.

9. См. об этом: Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь. М., 1930, т.2, вып.2, стб.822-823.

10. Вещественные доказательства И.К.Львова. - ЦГАОР СССР, ф.1167, оп.2, ед.хр. 2715.

11. Аптекман О.В. Из истории революционного народничества: "Земля и Воля" 70-х годов (по личным воспоминаниям). Ростов н/Д, 1907, с.30.

12. Очерк истории кружка "чайковцев". - В кн.: Революционное народничество 70-х гг. XIX в: Сб. документов и материалов. М.; Л., 1964, т.1, с.207.

13. Корнилова-Мороз А.И. Перовская и основание кружка чайковцев. - Каторга и ссылка, 1926, № 1, с.28.

14. Шишко Л.Э. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1920, с.83.

15. Деникер И.Е. Воспоминания / [Предисл. и публ. Ш.М.Левина]. - Каторга и ссылка, 1924, № 4, с.31.

16. Об одной из библиотек, созданной представителями народ-

нического движения при народной школе, см. в кн.: Перрис Д. Пионеры русской революции /Пер. Л.Данилова, Я.Истомина и Т.Брон. Спб., 1906, с.39.

17. Правила об организации библиотеки и устройстве кружков. - ЦГИА СССР, ф.1410, 1876 г., оп.1, ед.хр.79, л.1. Доказательства того, что в этом документе речь идет о библиотеке слушателей Петровской земледельческой академии, приводятся ниже.

18. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш. отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр. 71, ч.2, л.79, 189-189 об.

19. Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник /Под ред. Б.Базилевского (В.Богучарского). Спб., 1906, т.3, с.80.

20. Дознание, произведенное о распространении преступной пропаганды в народе: В Таганроге, Новочеркасске и Петербурге. Рев. кружок А.Андреевой. - ЦГАОР СССР, ф.112, оп.1, д.308, л.89, 100 об.

21. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр.71, ч.2, л.12, 13 об.

22. Воспоминания Ланганса / [Предисл. и публ. М.Рудько]. - Арх. України, 1969, № 5, с.66.

23. Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1961, т.1, с.143.

24. Майнов И.И. Революционные кружки в Саратове. Спб., 1906, с.18.

25. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр.71, ч.2, л.12 об.

26. Ткаченко П.С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60-70-х гг. М., 1978, с.192.

27. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр.71, ч.2, л.79.

28. Сњтко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865-1881 гг. М., 1969, с.220.

29. Деникер И.Е. Указ. соч., с.31.

30. Воспоминания Ланганса. - Арх. України, 1969, № 5, с.65-76.

31. Дознание, произведенное о распространении преступной пропаганды в народе: В Москве и Калуге. Б-ка Шевыревых. - ЦГАОР СССР, ф.112, оп.1, ед.хр.254, л.68 об. Одна из сестер Шевыревых, О.Ше-

вырева, работала в московской типографии И.Н.Мышкина, была участницей процесса "193-х", примыкала к группе обвиняемых, бойкотировавших суд и отказавшихся от защиты. Об этом см.: Корнилов Е.Г. Земские учителя в революционном движении 70-х гг. XIX в. - Уч. зап. /Моск. пед. ин-т им. В.И.Ленина, 1971, т.439, с.122.

32. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр.71, ч.2, л.249 об.

33. Об ученике Виленского раввинского училища Я.А.Финкельштейне. - Там же, ед.хр. 147, л.3 об.

34. Рабинович Я.Б. Екатеринбургский революционно-народнический кружок (1871-1875 гг.). - Уч.зап. /Перм. ун-т, 1961, т.17, вып.4, с.141.

35. Тимофеев М.А. Пережитое: Отрывок из воспоминаний о семидесятых гг. - Каторга и ссылка, 1929, № 8/9, с.96.

36. Русанов Н.С. На родине. 1859-1882. М., 1931, с.96.

37. ЦГАОР СССР, ф.1167, оп.2, ед.хр. 5246, л.1-6.

38. Там же, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр.147, л.3 об.

39. Там же, ед.хр. 71, ч.2, л.121.

40. Тимофеев М.А. Указ. соч., с.95.

41. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1874 г., д.144, ч.4, л.305-305 об.

42. Отрывок письма неустановленного лица о программе занятий кружка самообразования: /Конец апр. 1871 г./. - В кн.: Революционное народничество 70-х гг. XIX в.: Сб. документов и материалов. М.; Л., 1964, т.1, с.245.

43. ЦГАОР СССР, ф.1167, оп.2, 1871 г., ед.хр. 5240, л.1.

44. Правила об организации библиотеки и устройстве кружков. - ЦГИА СССР, ф.1410, 1876 г., оп.1, ед.хр. 79, л.1-4.

45. /Чайковский Н.В./. Письмо из Петербурга. - Вперед!: Непериод. обозрение, 1874, т.3, с.152.

46. Там же.

47. Очерк истории кружка "чайковцев", с.205.

48. Цитируется по статье: Базанов В.Г. Д.М.Рогачев - "особенный человек". - Рус.лит., 1978, № 4, с.119.

49. Из показаний А.З.Дзюбина о пропагандистской деятельности А.В.Андреевой среди учеников Харьковского технического училища. 9 окт. 1874 г. - В кн.: Революционное народничество .., т.I, с.330.

50. А.И.Ди/е/левский окончил Харьковский университет со степенью кандидата физико-математических наук. Находился в близких отношениях с членами харьковского революционного кружка (см.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь. М., 1929, т.2, ч.I, стб.352).

51. Отношение начальника Оренбургского губернского жандармского управления ... начальнику Казанского губернского жандармского управления ... о походе М.Д.Муравского из Оренбурга в Челябинск летом 1874 г. - В кн.: Революционное народничество.., т.I, с.280.

52. Аптекман О.В. Указ. соч., с.56.

53. Мирошников И.Я. Виктор Обнорский - выдающийся рабочий - революционер. М., 1960, с.29.

54. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр.71, ч.2, л.82.

55. Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Спб., 1878, т.I, с.92.

56. ЦГАОР СССР, ф.112, оп.I, д.308, л.33.

57. Шишко Л.Э. Личные воспоминания. - В кн.: Шишко Л.Э. Собр. соч. М.; Пг., 1918, т.4, с.140-141.

58. П.Л.Лавров - Г.А.Лопатину /Лондон, июль 1874 г./. - В кн.: Лавров - годы эмиграции: Арх. материалы в 2-х т. Дордрехт, 1974, т.I, с.156.

59. П.Л.Лавров - Г.А.Лопатину /Лондон, 14 сент. 1874 г./. - Там же, с.172.

60. Г.А.Лопатин - П.Л.Лаврову /Париж, 27 окт. 1874 г./. - Там же, с.197.

61. Письмо из России в редакцию "Вперед!" /Петербург, март 1876 г./. - В кн.: "Вперед!" 1873-1877: Материалы из арх. В.Н.Смирнова. Дордрехт, 1970, т.2, с.300.

62. Там же, с.28.

63. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1872 г., ед.хр.71,

ч.I, л.202 об.

64. Там же, ф.II2, оп.I, ед.хр.235, л.86-88 об.

65. Там же, оп.2, I873 г., ед.хр.478, л.24-25.

66. Там же, ф.II67, оп.2, ед.хр.5246, л.7-7 об.

67. Там же, ф.II2, оп.I, ед.хр.235, л.86-88.

68. Там же, ед.хр.36I, л.357.

69. Памятная книжка М.П.Бородина и отдельные листы со списками книг по истории, социологии, философии и т.д., художественной литературе. - Там же, оп.2, I873 г., ед.хр.478, л.I8-I9.

70. Там же, ф.II67, оп.2, ед.хр.3088, л.I5-I6 об.

7I. Из вещественных доказательств А.И.Сердюкова. - Там же, ф.II2, оп.2, ед.хр.2I33, л.3-5 об.

72. Там же, ед.хр.2I22, л.II об. - I2.

73. ЦГИА СССР, ф.I4I0, оп.I, ед.хр.II0, л.47-47 об.

74. ЦГАОР СССР, ф.II67, оп.2, ед.хр.5246, л.28-3I.

75. Бумаги, взятые у студента Н.Цакни. - Там же, л.30 об.

76. Тетрадь И.К.Львова с выписками и заметками о формах правления государства, о почвоведении и списком по социологии, рабочему вопросу, истории и т.д. - Там же, ф.II67, оп.2, I872 г., ед.хр.5243, л.4-4 об.

В.Е.Кельнер

"ПОЧТА РЕВОЛЮЦИИ" (ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ ТРАНСПОРТИРОВКИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ В 70-е гг. XIX в.)

В истории освободительного движения в России 70-е гг. XIX в. занимают особое место. В это десятилетие появились первые организации русского пролетариата, возникли и получили быстрое развитие различные направления народнического движения, представленные, в основном, последователями М.А.Бакунина, П.Н.Ткачева и П.Л.Лаврова. Вполне естественно, что история общественно-политической книги 1870-х гг. непосредственно связана с революционным подъемом тех лет.

До конца 70-х гг., точнее до 1877 г., когда в Петербурге начала действовать "Вольная русская типография", в пределах Российской империи не было сколько-нибудь регулярного выпуска нелегальной литературы. Основные издательские центры русского революционного движения находились за рубежом. Вместе с тем подъем революционно-демократического движения, массовое "хождение в народ" требовали все возрастающего количества литературы. Попытки организовать нелегальное книгоиздание в стране (типографии "долгушинцев", И.Мышкина и ряд других) беспощадно пресекались правительством, как правило, еще в самом начале подобной деятельности. Единственным путем массового снабжения революционеров нелегальной книгой была организация подпольных каналов по регулярной транспортировке через границу в Россию крупных партий литературы, выходившей за рубежом.

До сих пор в советской историографии нет специальных работ по этому вопросу, хотя описание тех или иных эпизодов транспортировки в Россию революционных изданий является во многих исследованиях непременным элементом, характеризующим практическую деятельность революционно-демократических организаций 1870-х гг.

Первой из них, начавшей организацию регулярной доставки литературы из-за рубежа, было, по-видимому, Большое общество пропа-

ганды. Переброской через границу ведала "особая комиссия" в составе А.Сердюкова и М.Купреянова[1]. Известно также, что для создания "окна" на русско-германской границе на таможню пограничной станции Вержболово в 1873 г. устроился работать связанный с "чайковцами" В.Гродников[2]. С 1872 г. типография "чайковцев" продуктивно работала в Швейцарии. Поэтому требовалась организация надежного пути через границу. В 1872 г. это дело было поручено члену одесской революционной организации С.Л.Чудновскому, в ту пору студенту-медику, жившему в Вене. Специально для этого в Австро-Венгрию прибыл М.Купреянов. Встретившись с Чудновским, он договорился с ним о деталях опасного предприятия [3]. Выехав на границу, Чудновский вскоре нашел нужных людей. Книги из Швейцарии присылались во Львов, а оттуда в пограничный Подволочиск, находящийся на австрийской стороне. Далее путь лежал через станцию Волочиск (уже на русской стороне границы), а затем в Одессу. Первые транспорты литературы были отправлены не без помощи группировавшихся во Львове украинских народников. Этот путь уже использовался ими. Теперь они объединяли свою литературу на украинском языке с книгами, поступавшими из Швейцарии, а затем объединенный транспорт шел через верных людей в Одессу. Доказательством этого может служить имеющийся в судебных документах перечень книг, захваченных в одном из транспортов на этой линии. Здесь, наряду с отпечатанными в Швейцарии книгами "История одного французского крестьянина", "Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин", "Гражданская война во Франции" К.Маркса и "Отщепенцы" Н.Б.Соколова и В.А.Зайцева, значатся книги Т.Г.Шевченко и Иосифа Федьковича[4].

Вскоре этот путь стал хорошо известен в революционных кругах страны. Воспользоваться этим районом на русско-австрийской границе поспешили представители и других организаций. Летом 1873 г. в Волочиск выехал бакунист Ф.Н.Лермонтов. Он организовал с помощью контрабандистов собственное "окно" в этом же районе [5]. Лишь в январе 1874 г. полиции удалось задержать один из его транспортов. В руки властей попали два мешка с книгами "Государственность и анархия" М.Бакунина и "История развития Интернационала", отпечатанными в типографии бакунистов в Швейцарии и направлявшимися

кружку С.Ковалика[5].

В августе 1873 г. в Волочиск из Вены прибыл специальный уполномоченный петербургского кружка "лавристов" Н.Г.Кулябко-Корецкий. Ему было поручено организовать в этом месте переброску изданий, выходивших в издательстве "Вперед!". Первый свой груз - около 40 книг - он переправил при содействии контрабандистов [7]. В декабре того же 1873 г. он еще раз пытался провести транспорт из Цюриха в Петербург - через то же "окно" На этот раз знакомый контрабандист должен был перебросить через границу 2 тюка весом по 10-12 пудов [8].

Власти в России были явно обеспокоены проникновением в страну нелегальной литературы через австрийскую территорию. На основании соглашения между Россией и Австро-Венгрией о взаимодействии в борьбе с революционным движением [9] по обе стороны границы были приняты экстренные меры. В Волочиск на русской стороне и в Подволочиск на австрийской были направлены опытные агенты полиции. Вскоре это привело к первому провалу. В ноябре 1873 г. на соседней с Волочиском станции Сербиновцы был задержан В.Ф.Донецкий, везший литературу киевскому кружку В.К.Дебагория-Мокриевича. У него было изъято 211 экземпляров прокламаций "Русским революционерам от русских анархистов"[10]. 31 декабря того же года полиция и таможенная охрана Волочиска задержали уже 5 тюков с книгами "возмутительного содержания"[11]. Дело здесь не обошлось без провокации[12].

В задержанных тюках оказалось 523 экземпляра "Истории одного французского крестьянина", 490 экземпляров "О мученике Николае", 390 экземпляров "Чтой-то братцы", 155 экземпляров "Вольного атамана Степана Тимофеевича Разина", 148 экземпляров "Песенника", 1 экземпляр "Гражданской войны во Франции" К.Маркса, 3 экземпляра "Отщепенцев" Н.Соколова и В.Зайцева, 92 экземпляра одного из выпусков сборника "Вперед!", ряд других книг, брошюр и листовок, а также литература на украинском языке. Таким образом, в руки властей попала одна из самых крупных партий литературы[13]. Желая покончить с организаторами переброски нелегальных изданий, полиция не стала задерживать эти 5 тюков, а с помощью провокатора отпра-

вила их по назначению в Одессу. Там, в доме Зейликовича на Итальянской улице, куда был доставлен груз, жандармы устроили засаду. 27 января 1874 г. на этой явке был схвачен пришедший за литературой С.Л.Чудновский, один из организаторов "красной почты" на юге России[14].

Весной 1874 г. при обыске у одного из членов киевской революционной организации была обнаружена схема нелегальной переброски запрещенной литературы через русско-австрийскую границу у местечка Радзивилово[15]. То ли эта схема была неясной, то ли роль сыграла жандармская неповоротливость, но "вспомнило" об этом Ш отделение лишь весной 1875 г., когда в Радзивилове по доносу был схвачен местный житель С.Дробинский с транспортом литературы[16]. Следствию удалось установить, что австрийский подданный, житель города Броды С.Дробинский получал книги из Парижа от М.Крушкова, бывшего студента Петербургской медико-хирургической академии. Дробинский переправлял их своему брату Григорию, живущему в России на станции Бобровица Курско-Киевской железной дороги. Тот, в свою очередь, отправлял их Н.Колодкевичу - студенту Киевского университета[17]. Среди захваченной литературы были, в основном, издания "Вперед!", в том числе 100 экземпляров "Писем без адреса" Н.Г.Чернышевского. За 10 месяцев существования этого "окна" по нему прошло около 10 транспортов[18].

Провал каналов в Волочиске и Радзивилове заставил революционеров на время отказаться от новых попыток использовать русско-австрийскую границу. Начались энергичные поиски новых путей для доставки в Россию революционных изданий.

Если "окна" на австрийско-русской границе действовали около года, то более длительным было существование канала на русско-германской границе около местечка Кейданы Ковенской губернии. Организаторами этого пути были бакунисты М.Сажин, М.Рабинович и Ф.Лермонтов. Летом 1873 г. активные деятели петербургских революционных кружков М.Рабинович и Ф.Лермонтов прибыли в Берлин, где встретились с издателем бакунистской литературы М.Сажиным, приехавшим для этой встречи из Швейцарии. Они совместно разработали план по переброске через границу крупных партий книг и брошюр[19]. Для

создания "окна" на границе М.Рабинович приехал в пограничный с Россией прусский городок Шервинд. Там он нашел контрабандиста, взявшего на себя переброску книг через границу, - М.Эдельштейна. Книги переправлялись им в районе местечка Кейданы в Ковенской губернии и прятались в приграничной корчме. Затем об этом извещались члены революционных кружков, их представители приезжали и забирали очередную партию литературы[20]. Иногда тщательно упакованные книги пересылались по железной дороге в Петербург или другие города России.

Линия Шервинд-Кейданы действовала с лета 1873 г. по февраль 1875 г. Из материалов следствия трудно восстановить истинные масштабы этого дела. Известно, что летом 1874 г. в Петербург было доставлено три транспорта с книгами: "Государственность и анархия" М.Бакунина, "Задачи революционной пропаганды в России" П.Ткачева и "Анархия по Прудону"[21]. В июле 1874 г. жандармам случайно удалось захватить один из транспортов при его перевозке по железной дороге в Таганрог. В нем оказались: "Сборник новых песен и стихов" (533 экземпляра), "Сказка о четырех братьях" (9 экземпляров), "Анархия по Прудону" (39 экземпляров) и ряд других изданий[22]. При аресте М.Эдельштейна у него были изъяты конспиративные письма за подписями "Будо", "Шмаев" и "Котья", адреса революционных центров в Швейцарии, Англии, Германии и России, куда следовало пересылать эти письма и книги. Таким образом, властям удалось установить весь путь, по которому шла литература из Швейцарии и Англии через Шервинд в местечко Кейданы Ковенской губернии, а оттуда в Петербург и другие города. В ходе следствия выяснилось, что "Будо" - это М.Сажин, "Котья" - М.Рабинович, а обнаруженные данные о пересылке книг в Таганрог вывели Ш отделение на революционную группу, действовавшую на юге России в Таганроге и Новочеркасске. Под фамилией "Шмаев" скрывался, проживавший в Таганроге бывший петербургский студент И.Павловский[23]. В таганрогский революционный кружок входили братья Павловские, А.Андреева, Ф.Юркевич, С.Корабельников, Е.Иогансон и еще несколько десятков гимназистов старших классов, семинаристов, учащихся железнодорожного технического училища. В доме у Павловских была обнаружена биб-

лиотека, которой широко пользовалась местная молодежь[24].

Таганрогская библиотека была, вероятно, центром, через который проходила нелегальная литература, распространявшаяся в дальнейшем по всему югу страны[25].

Среди действовавших за рубежом русских издательских центров 70-х гг. наиболее разветвленную сеть переброски литературы в Россию имело, по-видимому, возглавляемое П.Л.Лавровым издательство "Вперед!". Основным центром, где действовали сторонники "лавризма", был Петербург. В их организацию входила главным образом студенческая и прогрессивно настроенная молодежь. Главной своей задачей они считали финансирование издательства "Вперед!", транспортировку и распространение выходившей в нем литературы, пропаганду идей П.Л.Лаврова. За годы своего существования (1873-1878) издательство находилось по большей части в Лондоне. Оно выпускало одноименный сборник и издавало массовым тиражом революционные брошюры и книги[26]. Организация переброски своих изданий через границу была одной из самых насущных задач этой группы. Выше мы уже говорили о том, что, вслед за чайковцами, лавристы летом и осенью 1872 г. пользовались "окном" на русско-австрийской границе в районе станции Волочиск. Провал одного из транспортов и арест С.Л.Чудновского в начале 1874 г. заставили лавристов искать новые пути.

Поиски ими "окна" на германской границе начались еще осенью 1873 г. Эта граница была наиболее близкой для издательства "Вперед!", переехавшего к тому времени из Швейцарии в Лондон[27]. В результате в 1875 г. был создан канал Кенигсберг-Мемель, по которому нелегальная литература на протяжении двух лет регулярно проникала в Россию. О масштабах проводившихся революционерами операций говорят следующие данные: летом 1875 г. каждый из транспортов состоял из 1000 экземпляров книг, брошюр и журналов[28].

Но русско-германская граница была не единственным местом, где успешно перебрасывалась в Россию "впередовская" литература. Еще в июле 1874 г. П.Л.Лавров получил письмо из Румынии от бывшего петербургского студента, ставшего политическим эмигрантом, Н.Зубку-Кодряну, предложившего организовать "окно" на границе с

Бессарабией. Уже в сентябре того же года через румынскую границу было перевезено 200 экземпляров второго тома "Вперед!" и 300 экземпляров брошюры П.Л.Лаврова "Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры П.Н.Ткачева"[29].

Позднее, в 1875 г., несколько транспортов с литературой через румынскую границу провели другие эмигранты из России – К.Кац и Н.Судзиловский[30].

В 1875 г. "впередовцы" создают еще несколько каналов по перевозке нелегальной литературы в Россию. В истории революционного книжного дела этот путь был достаточно оригинальным. Речь идет о переброске крупных партий литературы морским путем с помощью революционно настроенных моряков.

В октябре 1875 г. руководитель "Южнороссийского союза рабочих" Е.О.Заславский через моряков, работавших на линии Одесса-Лондон, установил связь с находившимся в Лондоне П.Л.Лавровым[31]. Используя эту возможность, "впередовцы" уже в том же году отправили транспорт с литературой, который взялся доставить в Одессу кочегар одного из пароходов И.Г.Дирин[32].

В том же 1875 г. издательство "Вперед!" получило письмо от проживавшего в Турции эмигранта из России С.Шнее, который предлагал помощь в переброске книг морским путем из Константинополя в различные порты черноморского побережья России[33]. В нашем распоряжении нет данных о количестве переправленных им книг, но в июне 1876 г. один из ближайших сотрудников П.Л.Лаврова, В.Н.Смирнов, писал о деятельности С.Шнее: "Агитация у него идет прекрасно. Боюсь называть имена судов, но только скажу, что видно, что он работает исправно"[34]. После возвращения С.Шнее в Россию его дело в Турции продолжал до конца 1877 г. Б.Вайсман[35].

Но, видимо, для базировавшегося в Лондоне издательства "Вперед!" удобнее был балтийский путь. Здесь помощь русским революционерам оказывал некто Ренекамп. Друг члена лавристской организации Д.И.Рихтера[36], Ренекамп, бесспорно сочувствовавший делу русского освободительного движения, взял на себя организацию нелегальной переброски литературы на линии Лондон-Стокгольм-Петербург. Первая партия книг и выпусков "Вперед!" прошла этот путь в авгус-

те-сентябре 1875 г. Ее провезли моряки парохода "Константин". В июне 1876 г. В.Н.Смирнов в письме к Р.Идельсон писал: "... Через Biermann'а (Ренекамп. - В.К.) переправлено уже 1000 экз. ..."[37]. По этой линии революционная литература доставлялась в Петербург до середины 1877 г. По документам из архива В.Н.Смирнова видно, что использование моряков с прибывающих в Лондон из России пароходов для транспортировки литературы не исчерпывалось указанными фактами. Сотрудники издательства А.Линев и Я.Вощакин не раз бывали в порту и устанавливали деловые связи с командами русских кораблей[38].

Мы сделали попытку реконструировать основные пути, по которым в 1870-е гг. шла в Россию нелегальная литература, издававшаяся за рубежом. В условиях, когда в самой стране массовый выпуск революционных изданий был невозможен, организация регулярной доставки их из-за границы являлась отнюдь не только технической операцией. Каждый удачно проведенный транспорт - это факт, имевший большое политическое значение. Без этого было бы невозможно то "книжное дело" русской революции, которое во многом предопределило пути развития революционного народничества на данном этапе освободительного движения в России второй половины XIX в.

Примечания

1. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973, с.115.

2. Киперман А.Я. Русская эмигрантская колония в Цюрихе и ее связи с Россией в начале 70-х гг. XIX в. - Уч. зап. /Шуйск.пед. ин-т, 1963, вып.10, с.233.

3. Чудновский С.Л. Из давних лет. М., 1934, с.73.

4. Государственные преступления в России в XIX в. Спб., 1906, т.3, с.138.

5. Дебагорий-Мокриевич В.Л. От бунтарства к терроризму. М.:Л. 1930, кн. I, с.139; Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь. М., 1930, т.2, вып.2, стб.766-767.

6. Киперман А.Я. Указ. соч., с.235.

7. Кулябко-Корецкий Н.Г. Из давних лет. М., 1931, с.96.

8. Там же, с.103.

9. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Спб., 1878, т.IУ, ч.П. Трактаты с Австрией. 1849-1878, с.732-736.

10. ЦГАОР СССР, ф.109, Секр.архив, оп.I, д.445.

11. Там же, ф.112, ОППС, оп.I, ед.хр.347, т.I-2. Частично этот материал опубликован в книге: Государственные преступления в России. Спб., 1906, т.3.

12. ЦГАОР СССР, ф.112, ОППС, оп.I, ед.хр.347, т.I, л.3,6,48.

13. Там же, л.6.

14. Чудновский С.Л. Указ.соч., с.93-94, 287-289; Государственные преступления в России в XIX в. .., т.3, с.138-139; ЦГАОР СССР, ф.112, ОППС, оп.I, ед.хр.347, т.2, л.43-58.

15. Государственные преступления в России.., т.3, с.104.

16. ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1874 г., ед.хр.144, ч.67, л.2.

17. Там же, л.3-4.

18. Там же.

19. Там же, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1868 г., ед.хр.33, л.100,110,120.

20. Там же, л.120.

21. Там же, ф.112, ОППС, оп.I, ед.хр.309, т.2, л.4.

22. Государственные преступления в России.., т.3, с.85-86.

23. Там же, с.41,86; ЦГАОР СССР, ф.109, Ш отд., 3-я эксп., 1868 г., ед.хр.33, л.120.

24. Там же, ф.112, ОППС, оп.I, ед.хр.308, т.I, л.53.

25. Там же, ед.хр.377, т.I, л.34-70.

26. "Вперед!" 1873-1877: Материалы из архива В.Н.Смирнова. Дордрехт, 1970, т.I, с.175-179. (Далее в примеч.: "Вперед!": Материалы...).

27. Лавров П.Л. Годы эмиграции. Дордрехт, 1974, т.I, с.57-58.

28. "Вперед!": Материалы.., т.I, с.112.

29. Там же, с.111.

30. ЦГАОР СССР, ф.1737 (Фонд В.Н.Смирнова), д.95, л.27,55; д.148, л.28. К.Кац позднее вошел в историю рабочего и социал-

демократического движения Румынии под именем Доброджану-Геря.

34. "Вперед!": Материалы.., т.I, с.II4.

32. Там же, с.II5.

33. Там же.

34. ЦГАОР СССР, ф.I737, д.97, л.I39.

35. "Вперед!": Материалы.., т.I, с.II5.

36. ОР ГБЛ, ф.2I8, карт.I07I, ед.хр.30, л.95.

37. "Вперед!": Материалы.., т.I, с.II5.

38. Там же, с.II7-II9.

Ю.А.Горбунов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.И.ЯКОВЕНКО

Валентин Иванович Яковенко (1859-1915) - статистик и публицист, издатель и общественный деятель - родился в местечке Шишаки на Украине (ныне районный центр Полтавской области) в семье небогатого помещика, получившего дворянское звание за военную службу.

Систематического образования он получить не сумел. За год до окончания бросил гимназию и поступил в Московское техническое училище. Но уже через год он - студент столичной Медико-хирургической академии. Однако и здесь ему довелось проучиться только год: за участие в студенческом движении и сношения с рабочими он был арестован и сослан в Холмогоры[1]. Свое дальнейшее образование он продолжает самостоятельно.

В 1881 г. Яковенко был арестован и заключен в тюрьму "за принадлежность к тайному революционному обществу", после тюремной отсидки сослан в Сердобск, потом в Тверь, и подчинен на четыре года гласному полицейскому надзору[2].

В 1888 г., вскоре после возвращения из ссылки, он вновь был арестован - на этот раз за укрывательство бежавшего из сибирской ссылки революционера. Снова последовали тюрьма, высылка из столицы, гласный надзор полиции [3].

В 1891 г. В.И.Яковенко принял активное участие в демонстрации во время похорон Н.В.Шелгунова, за что, по распоряжению петербургского градоначальника, был выслан из пределов губернии и некоторое время жил на родине, в Шишаках[4].

В период между арестами и ссылками, а также находясь под гласным надзором и даже в тюрьмах, Валентин Иванович неутомимо занимался самообразованием, изучал языки, вел статистические исследования, сотрудничал в прогрессивных народнических журналах. Особенно много внимания уделял он земской статистике.

В 1884 г., находясь под гласным надзором в Твери, он позна-

комился с прогрессивными местными земцами П.А.Корсаковым, В.И.Покровским, братьями И.И. и М.И.Петрункевичами[5] и активно включился в работу земского статистического бюро. Земство поручило Яковенко продолжить начатый П.А.Корсаковым обширный труд[6]. Эти исследования дали ему богатый материал для актуальнейших публицистических статей в "Отечественных записках" и "Северном вестнике". Журнал М.Е.Салтыкова-Щедрина публикует его заметку "Из области экономической жизни и экономических отношений"[7], а "Северный вестник" - большую статью "Тверское земство перед вопросом о поднятии экономического благосостояния населения"[8].

Последняя интересна тем, что автор в известном смысле встает в оппозицию к народническим взглядам на русскую "самобытность". В статье дан обстоятельный анализ деятельности тверского земства, прогрессивная часть которого решила "прийти на помощь северно-русскому рабочему", чье положение было плачевным в результате увеличения податей, неурожаев, уменьшения количества скота, умственной и нравственной неразвитости. Помочь развитию производительных сил народа земство решило учреждением производственных ассоциаций или артелей - сыроваренных, кузнечных, сапожных, льнотрепальных и т.д. Начало и первая половина статьи написаны, казалось бы, совершенно в духе народнических иллюзий крестьянского самоуправления. Но далее оказывается, что дело в артелях никак не клеится. Артели одна за другой рассыпаются "или по недостатку инициативы среди самой артели, или по недостатку стойкости для противодействия внешним давлениям"[9]. Исследуя условия, в которых работали артели, автор наполняет повествование отнюдь не народническим пафосом. "Здесь мы встречаем, - пишет Яковенко, - ряд весьма интересных и поучительных случаев, поучительных в особенности для тех, кто, уверовав, что в России-де не может быть капитализма, этого западно-европейского пугала, думает, что в России нет и не может быть и той эксплуатации, какая практикуется там, на гнилом Западе, между тем, как Россия собственно - разливанное море для эксплуататорских стремлений всякого рода, выражающихся только в других формах, чем западно-европейский капитализм"[10]. И автор щедро иллюстрирует свою мысль. Например, как только появились артели в гвоздарном деле, целью скуп-

щиков "стало подорвать их, во что бы то ни стало, они готовы были претерпеть убытки, лишь бы только избавиться от соседства этих артелей, которые мешали им эксплуатировать рабочих в полную свою волю"[II].

Несомненно сочувствуя предприятию тверского земства, Яковенко понимает, насколько оно иллюзорно в условиях российских форм эксплуатации, где, как он пишет, "царствует не принцип, что "продукты труда должны принадлежить тому, кто трудится", не принцип, что "каждому по труду" и "тот не должен есть, кто не трудится", а принцип эксплуатации и экономического насилия, при котором интересы рубля стоят впереди всего...". "Здесь, - уже совсем полемически заключает В.И.Яковенко, - является вполне законным вопрос: насколько возможно осуществить принципы коллективизма и солидарности в известной ограниченной сфере в то время, как кругом вся жизнь движется и развивается под влиянием совершенно противоположных начал?"[I2].

Как видно из этих цитат, взгляды Яковенко в те годы - не только экономические, но и политические - идут не совсем в русле народнических идей.

В.И.Яковенко никогда не был представителем "чистой статистики" - только собирателем, накопителем цифровых и фактических данных. Последние служили для него полуфабрикатом, сырьем для более общего социально-экономического исследования действительности, для формирования у себя самого и у читателя передовых идейных взглядов. Яковенко-статистик неотделим от Яковенко-публициста.

Об этом говорит еще одна небольшая, но яркая в литературном и идейном отношении статья "Чумазый орудует"[I3], написанная также в период тверской ссылки и работы в земском статистическом бюро.

Речь идет о растрате в ссудо-сберегательном товариществе. Но Яковенко не описывает факт с бесстрастием статистика, а осмысляет его как публицист определенного идейного направления. Частный случай под пером автора становится свидетельством "процесса разложения, который переживает современная деревня", процесса ее капитализации.

Яковенко, в частности, рисует нам типичный облик "деревенского бога", стоящего где-то между деревенским кулаком и беднейшим

крестьянином и помогающего беззастенчивой эксплуатации последнего. "Он, конечно, еще не настоящий капиталист, он просто деревенский "тысячник", одна из тех крупиц, которые составляют первый акт в деле собирания и накопления капитала... Вообще, это с одной стороны, почтенный, богобоязливый, "добрый старик", именно из тех, которые приходятся так по вкусу нашим народникам известного пошиба"[14].

Итак, современная деревня расслаивается, и ссудо-сберегательные товарищества при тех условиях, в которых им приходится существовать, "помогают процессу распадения деревенской массы, сначала просто на более зажиточных и более бедных, откуда затем вырастает с одной стороны кулак, а с другой пролетарий..."[15].

Яковенко не прочь разрешить назревающий конфликт мирным путем, какой предлагают народники, но, по его мнению, подъем умственного развития крестьянского населения может быть достигнут в сравнительно большой промежуток времени, а мечта о приливе в деревню интеллигентных сил при наличных условиях деревенской и вообще провинциальной жизни "является просто утопией".

"Таким образом, от частного вопроса мы пришли к общему и разрешить сколько-нибудь удовлетворительно этот частный вопрос независимо от общего - совершенно невозможно, а как разрешить общий вопрос, как ответить на мучительное: что же делать? - толковать здесь было бы неуместно..."[16]

В 1888 г. Яковенко публикует статью "Что думает о грамотности и народной школе крестьянин Кромского уезда"[17]. Здесь он вступает в очень острую тогда в народнических кругах полемику о характере постановки в России народного образования. Он считает, что темному русскому крестьянину нужна "грамотность вообще, ... образованность вообще, гуманитарные знания вообще, ... а не ремесленные, не технические, не сельскохозяйственные, не какие-либо специальные знания, которые делают его лучше, пригоднее в каком-либо известном, специальном отношении"[18].

Только тогда, когда спрос на известный объем общеобразовательного и гуманитарного знания будет удовлетворен, может быть введено и специальное ремесленное образование и "тогда это последнее

не будет способствовать превращению цельной личности в одностороннего ремесленника, а, напротив, дав ремесло в руки, поможет цельной личности отстаивать себя, как таковую"[19].

Мы так много говорим о литературных занятиях и взглядах В.И.Яковенко потому, что все это явилось фундаментом его работы на книгоиздательском поприще - сначала в издательстве Ф.Ф.Павленкова, а затем в своем собственном. К этой работе В.И.Яковенко пришел не случайно, не с целью нажить состояние, а руководствуясь глубокими идейно-нравственными соображениями.

Постепенно углубляясь в книгоиздательство, Яковенко отходит от активной публицистической деятельности и постоянных занятий статистикой. Но до конца своих дней он сохраняет верность этим своим увлечениям. В изданных им книгах он остался страстным полемистом, всегда откликавшимся на злобу дня.

В 1890 г., поселившись в Москве, В.И.Яковенко работает земским статистиком под руководством знаменитого профессора-гигиениста Ф.Ф.Эрисмана, участвует в гигиеническом обследовании фабрик и заводов губернии.

Наконец, летом 1892 г. он добивается разрешения постоянно жить в столице и занимает должность заведующего статистико-экономическим отделением в Петербургском губернском земстве. В том же году он публикует солидный социологический труд "Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып.УП"[20].

В 1894 г. В.И.Яковенко становится заведующим статистическим отделом Петербургского губернского земства и остается на этой должности в течение семи лет. В эти годы выходят в свет несколько его работ[21]. Среди них: "Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып.УШ", ряд выпусков "Статистического сборника по С.-Петербургской губернии"[22]. Он по-прежнему сотрудничает в журналах и ведет большую работу в издательстве Ф.Ф.Павленкова.

Около трех лет В.И.Яковенко ведет в "Северном вестнике" постоянный отдел "Из провинциальной печати". По словам А.Н.Плещеева, в этот период также сотрудничавшего в журнале, областному

отделу было отведено широкое место, он заменил рутинное "внутреннее обозрение", очень мало читаемое в толстых журналах. В нем помещались корреспонденции "по части земства, городского управления, экономического состояния края и пр."[23]. В этой своеобразной публицистической хронике провинциальной жизни нашли яркое отражение качества Яковенко-статистика - ее отличает не просто регистрация фактов, а отбор характерных, типичных, отражающих злобу дня.

В конце 1880-х гг. Яковенко познакомился в Петербурге с Флорентием Федоровичем Павленковым, который был известен как идейный издатель демократического направления, своими книгами способствовавший разностороннему образованию народа, популяризировавший достижения отечественной и мировой науки, страстно пропагандировавший учение Дарвина[24].

Яковенко импонировали взгляды издателя и его практическая хватка. Павленков всегда безошибочно угадывал, какая книга в данный конкретный момент нужна активному, думающему, развивающемуся читателю. Его издания никогда не лежали на полках книжных магазинов, особенно в провинции. Ими охотно пополнялись народные библиотеки-читальни.

Как раз в это время Павленков задумал одно из самых грандиозных своих предприятий - издание первой в России биографической библиотеки для юношества "Жизнь замечательных людей". Дело было начато очень энергично. Выпуск всей "Библиотеки" предполагалось осуществить за три года.

В эту работу, прежде всего как автор, деятельно включился и В.И.Яковенко. Одной из первых в серии вышла написанная им биография Джонатана Свифта[25] - первая и долгое время единственная на русском языке популярная работа о великом английском писателе-сатирике. Затем последовали биографические очерки о Томасе Карлейле[26] и Томасе Море[27], Адаме Смите[28] и Огюсте Конте[29], Тарасе Шевченко[30] и Богдане Хмельницком[31].

Выбор В.И.Яковенко его "героев" был далеко не случаен.

Участие в биографической библиотеке Павленкова давало ему возможность популяризации среди молодежи передовых идей, воз-

можность опосредованно, через историческую реальность, воздействовать на умы современников.

В самом деле, если не считать его выдающихся земляков Тараса Шевченко и Богдана Хмельницкого, написать биографии которых заставляла его сама по себе гордость малоросса, то большинство остальных выбранных им объектов литературного исследования имеют то или иное отношение к социальным утопиям, новейшим экономическим системам и философским теориям. Характерна в этом отношении биография Томаса Мора. В начале ее, говоря об условиях развития капиталистического производства и о возникновении в Англии буржуазных отношений, Яковенко не только почти дословно пересказывает отдельные параграфы главы 24-й I-го тома "Капитала", но и приводит несколько цитат из этого труда, прозрачно называя К.Маркса "автором известного исследования о капитале"[32]. Такое начало биографии определяет все ее идейное содержание.

В биографии О.Конта Яковенко так говорит его словами о необходимости народного образования: "... Разумное народное образование становится теперь главной, действительно необходимой мерой для естественного завершения великой революции. Эта необходимость хорошо понимается самими пролетариями, которые, не смотря на все удивительное благородство своих непосредственных инстинктов, сознают, как необходимо для них систематическое развитие"[33].

Таких примеров можно привести множество.

Исследователи творчества Т.Г.Шевченко в последнее время обратили серьезное внимание на биографию великого поэта-демократа, написанную Яковенко, считая, что "несмотря на свой сравнительно небольшой объем и популярный характер, эта работа была заметным достижением дореволюционного русского шевченковедения"[34]. С первого представления книжка Яковенко не прошла цензурные рогатки по причине того, что она "с начала до конца представляет собою нескончаемый мартиролог крепостничества и украинофильства"[35]. Разрешение на публикацию было получено только после настойчивых хлопот издателя и "смягчения" неугодных цензуре мест.

Биографии, написанные В.И.Яковенко, служили, таким образом, действенным орудием идейного и нравственного воспитания молоде-

жи. В то же время в каждом из коротких (в 90–100 страниц) очерков проявились скрупулезность и дотошное отношение биографа к историческому факту, стремление найти в жизни замечательного человека нечто новое, чем-то обогатить читательское представление о нем. Например, В.С.Муравьев считает, что автор первой русской монографии о Д.Свифте, хотя и принимает распространенную концепцию его творчества, но подключает к ней "немало иных фактов и толкований жизни и творчества Свифта, взятых из более надежных источников"[36].

Познакомившись с Павленковым и подружившись с ним, найдя в нем человека, близкого по взглядам, складу характера, отношению к общественному долгу, Яковенко постепенно втягивается в работу его издательства - сначала в качестве редактора, автора и переводчика. Кроме семи биографических очерков, в издательстве Павленкова выходят переведенные В.И.Яковенко беседы Т.Карлейля "Герои и героическое в истории" с большим предисловием переводчика[37]. В качестве автора Яковенко участвовал также в составлении знаменитого однотомного энциклопедического словаря Ф.Павленкова, созданного по типу французского "Малого Ларусса".

Издательство Павленкова, имея немалый по тому времени финансовый оборот, обходилось очень незначительным числом сотрудников. По сути дела их было трое: В.И.Яковенко, Н.А.Розенталь и В.Д.Черкасов. Их называли "лебедь, рак и щука". "Тем не менее, - пишет близкий к издательству Н.А.Рубакин, - все эти три человека были не только друзьями, а и надежными сотрудниками Павленкова, и каждый по-своему был необходим для успехов его дела"[38].

Человек огромной работоспособности, привыкший во что бы то ни стало добиваться конечного результата, ради любимого дела почти совсем отказавшийся от личной жизни, Ф.Ф.Павленков многое в издательстве брал на себя, был неумолим и беспощаден к себе и такой же безусловной самоотдачи требовал от всех, кто вступал с ним в деловой контакт. Работать с ним было интересно и легко только тому, кто так же беззаветно был предан полезной демократической книге и так же бесконечно верил в ее могущество. По словам Н.А.Рубакина, "мало кто понимал этого замечательного человека.

Быть может, лучше других понимал его В.И.Яковенко. В.Черкасов больше любил его, чем понимал, а Н.А.Розенталь больше уважал, чем любил и понимал"[39].

Оказавшись у руля издательства, В.И.Яковенко, как личность несомненно сильная, обладающая твердыми убеждениями и жизненными принципами, не мог не внести свою заметную струю в направление дела. Прямых документальных свидетельств этому пока не найдено, но анализ павленковских изданий 1880-х и 1890-х гг. помогает заметить существенные перемены.

В 1880-х гг. круг издаваемой Павленковым литературы был уже и ограничивался главным образом пособиями для народного образования и популярными естественно-научными книгами. Правда, в этот период, когда издательство только набирало силу, были задуманы и начаты осуществленные позднее серии: "Научно-популярная библиотека для народа" В.В.Лункевича, "Популярно-научная библиотека", "Библиотека полезных знаний", "Жизнь замечательных людей". Но в то же время нельзя не заметить, как расширился репертуар в 1890-е гг., когда издательство Ф.Павленкова стало, пожалуй, ведущим легальным издательством России, умно, целенаправленно, последовательно удовлетворявшим потребности масс, создававшим необходимую плодородную почву для восприятия ими передовых социальных идей.

Чем же обогатили его 1890-е гг.?

Большими тиражами выходят собрания сочинений классиков русской и мировой литературы (А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, В.Г.Белинского, Чарльза Диккенса, Вальтера Скотта), "Иллюстрированная сказочная библиотека", включившая сто избранных сказок всех стран и народов. В возрастающем количестве продолжает выходить естественно-научная литература: книжки "Научно-популярной библиотеки для народа" замечательного популяризатора науки В.В.Лункевича, серия популярных книг, пропагандирующих дарвинизм, астрономические сочинения К.Фламмариона. Но больше всего книг было издано по социально-политическим вопросам. Среди них: "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф.Энгельса, книги К.Каутского, популярно излагающие учение К.Маркса, сочинения Г.Т.Бокля,

Ю.Липперта, Ш.Летурно, Н.В.Шелгунова, несколько утопических романов, книги по истории французской революции. И наконец, в эти годы идет работа над "Энциклопедическим словарем" - замечательным пособием для народного самообразования.

Павленков сгорел быстро. В 60 лет это был уже больной, физически уставший старик. Только духом он был по-прежнему бодр и полон творческих планов. В 1900 г. на 61-м году жизни Ф.Ф.Павленков скончался в Ницце. Накопленный на издательском деле миллион он завещал на продолжение издательства и на создание в российской провинции двух тысяч бесплатных народных библиотек. Исполнить завещание Павленкова взялись его сотрудники по издательству - В.И.Яковенко, В.Д.Черкасов и Н.А.Розенталь.

Одним из самых крупных издательских предприятий, осуществленных Б.И.Яковенко по завещанию Павленкова, было издание первого в России собрания сочинений А.И.Герцена. Сам Павленков после долгих хлопот в цензурном ведомстве так и не добился успеха. В письме к В.И.Яковенко от 9 января 1901 г. сын Герцена Александр Александрович пишет: "Вот мы уже и в новый век вступили, а разрешения так и не получили! Неужели нам придется еще долго ждать его?"[40]. Правда, когда писалось это письмо, высочайшее разрешение на издание сочинений Герцена было получено - под ответственность Главного управления по делам печати и с указанием, что из написанного Герценом следует изъять. О дальнейших мытарствах читателю рассказал сам В.И.Яковенко: "Теперь, казалось, дело было поставлено на рельсы и ему оставалось быстро катиться к нетерпеливо ожидавшему читателю. Казалось... Но тут Герцен, его нетленные останки, бережно переносимые нами, были подхвачены вихрем событий, переживаемых Россиею с вступлением в XX век. Всякое, сколько-нибудь крупное событие из нашей внутренней жизни за это время отражалось на ходе пересмотра цензурным ведомством сочинений Герцена. А смена министров внутренних дел, смена главных начальников по делам печати... У каждого свой взгляд, свои соображения и в результате бесконечная затяжка дела. Наконец, издателями было получено в конце 1904 г. разрешение от главного управления по делам печати приступить к печатанию сочинений Герцена"[41]. Так

произведения А.И.Герцена, правда, изрядно потрепанные цензурой, наконец-то были легально изданы в России. Кроме того, в дополнение к собранию сочинений, душеприказчики в этот период выпустили отдельными изданиями (без цензурных пропусков) II работ А.И.Герцена, не вошедших в собрание или особенно пострадавших при прохождении цензуры[42].

Душеприказчики, таким образом, унаследовали не только издательство Павленкова, но и его изощренные, всегда неожиданные методы противоборства с охранительными органами российского самодержавия.

С приближением событий 1905-1907 гг. издательство стало заметно революционизироваться, а в период революции и после нее заняло самую радикальную позицию, какая только была возможна в легальных условиях. Правда, в целом характер его не изменился: издательство осталось по преимуществу просветительским, дававшим печатную продукцию в основном для провинции, для широких, только еще приобщающихся к социальному движению народных масс. Этим можно объяснить тот факт, что в активе издательства, даже в период относительной свободы печати, ненадолго отвоеванной народом у правительства, не было изданий откровенно тенденциозных, революционно-пропагандистских. Издательство было ориентировано скорее на постепенное легальное революционное просветительство, чем на кратковременную взрывоподобную революционную пропаганду.

В то же время свою позицию по отношению к социальному преобразованию общества издательство выражало вполне недвусмысленно и прежде всего – самим подбором издаваемой литературы. Главная заслуга в этом принадлежит, по нашему мнению, В.И.Яковенко. В этом можно убедиться хотя бы на примере переиздания уже упоминавшегося нами "Энциклопедического словаря Ф.Павленкова".

Причастность к этому предприятию В.И.Яковенко подтверждается, в частности, письмом к нему В.А.Мякотина, в котором идет речь о пересмотре отдела русской истории, предложенном Яковенко Мякотину[43]. Кроме того, 2-е исправленное издание "Энциклопедического словаря" предваряется предисловием В.Яковенко, где он говорит об основных принципах пересмотра. Это издание словаря

появилось в 1905 г. Принципиально оно ничем не отличалось от первого. Были только исправлены ошибки, внесены новые рубрики, изменена редакция отдельных статей. Титульный лист книги украсил портрет Ф.Ф.Павленкова.

Прошло всего два года, и в книжных магазинах вновь появился "Энциклопедический словарь Ф.Павленкова", отпечатанный со стереотипа второго исправленного издания. Казалось бы, перепечатка и только. Но на самом деле книга содержала 88 столбцов нового текста, озаглавленного "Добавление".

Авторы его достаточно полно откликнулись на события первой русской революции, дав им резко антиправительственную оценку. О пропагандистской направленности "Добавления" говорит хотя бы статья о "Манифесте Коммунистической партии": "Манифест ... рассматривает историю всякого общества, как историю борьбы классов, доказывает крушение мелкого производства и все бо́льшую и бо́льшую концентрацию производства в руках немногих лиц, благодаря чему современное общество все отчетливее делится на два лагеря - пролетариат и буржуазию, к которым примыкают промежуточные слои. Между ними идет ожесточенная борьба, которая неминуемо должна закончиться победой пролетариата и заменой общественного строя, покоящегося на товарном производстве, обществом социалистическим"[44].

"Революция русская.., - сообщает "Словарь", - явилась результатом всего предыдущего освободительного движения"[45]. И действительно, в целом ряде статей авторы "Добавления" раскрывают его этапы. Наконец, перед читателем развертывается панорама событий 1905-1907 гг.: "Революция русская", "Великая забастовка", "Декабрьское восстание", "Аграрное движение", "Совет рабочих депутатов", "Севастопольское восстание" и т.д. Каждому из этих событий и явлений дана откровенно антиправительственная оценка. Отдельные статьи посвящены видным деятелям "Народной воли" и первой русской революции. Среди них находим имена Петра Алексеева, Андрея Желябова, Веры Засулич, Александра Ульянова, Сергея Кравчинского, Александра Михайлова, Николая Морозова, Софьи Перовской, Германа Лопатина, Николая Баумана, Веры Фигнер, Георгия Плеханова и многих других. Впервые в словаре русский читатель

прочитал имя "Ленин" (при лаконичной - всего семь строк - заметке о нем)[46].

Многие статьи напоминают короткие и насыщенные фактами прокламации, зовущие на борьбу, рождающие гнев, разоблачающие внутреннюю суть врага.

"Черная сотня, - читаем, к примеру, в "Словаре", - своекорыстные и некультурные элементы населения, являющиеся орудием в борьбе с освободительными народными требованиями... Организаторами ч.с. являются реакционные элементы дворянства... и духовенства...; ее армией - худшая часть подонков населения. Ч.с. действует погромами, избиениями, явными и тайными убийствами, также клеветой, выдумками, ложными обвинениями. Гл. орган "Русское знамя""[47].

Первыми обратили внимание на революционный характер "Добавления" блюстители порядка уездного города Нежина Черниговской губернии, пославшие донесение в департамент полиции. Вскоре начальник Главного управления по делам печати А.В.Бельгардт докладывал директору департамента полиции: "Имею честь уведомить ваше превосходительство, что ... за напечатание "Энциклопедического словаря" Ф.Павленкова возбуждено против виновных судебное преследование с наложением на это издание ареста"[48].

К этому времени петербургский комитет по делам печати Министерства внутренних дел подробно исследовал крамольную книгу и пришел к выводу, что "авторы задались целью воздействовать на воображение читателя в том направлении, чтобы при чтении этого словаря у него осталось впечатление о величии революционного движения в России, героизме его деятелей..."[49].

22 марта 1910 г. последовал приговор судебной палаты: "Стр. 2927-3014 включительно уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для печатания вышеозначенных страниц дополнения к упомянутому словарю"[50].

Еще через год и три месяца, в июне 1911 г., петербургский градоначальник сообщил в Главное управление по делам печати: "Имею честь уведомить..., что 28 апреля сего года в типографии Санкт-Петербургского градоначальства в комиссии уничтожены пос-

редством разрывания на части вырезки из Энциклопедического словаря Павленкова..."[51].

К тому времени из 21 100 экземпляров "Словаря", выпущенных в свет в 1907 г., в руках властей оказалось только 3067. Восемнадцать с лишним тысяч экземпляров книги, содержащей около 300 антиправительственных статей-прокламаций, распространились по России, ее пролетарским центрам и крестьянским окраинам. Можно предполагать, что каждая их двух тысяч библиотек, созданных душеприказчиками после смерти Павленкова, получила как минимум по одному экземпляру "Словаря".

Как о прямой инициативе Яковенко следует сказать также и об издании "Иллюстрированной гоголевской библиотеки" - в дополнение к уже существовавшим и получившим широкое распространение в народе "пушкинской" и "лермонтовской" библиотекам. Это - 30 дешевых выпусков (стоимостью от 2 до 25 копеек каждый), включивших в себя все художественные произведения великого русского писателя-реалиста. Кроме того, по аналогии с подобными изданиями произведений А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова Яковенко предпринял издание однотомного богато иллюстрированного полного собрания сочинений Н.В.Гоголя, к которому сам написал обстоятельный биографический очерк.

У Яковенко было намерение расширить издательство и, в частности, за счет издания классиков. Об этом говорит, например, его письмо к М.В.Ватсон, написанное в июне 1907 г.: "Относительно будущих Павленковских изданий дело стоит так же неопределенно, как и было. Я склонился бы все же к классикам, но, во-первых, классиков трудно переводить по заказу, а предложений мало, во-вторых, - и это особенно важно - издание их стоит очень дорого, а мои соговарищи по делу, как Вы знаете, так скупы, так скупы..."[52].

Ежегодно 20 января, в день смерти издателя, душеприказчики собирали заинтересованных и близких лиц и информировали их о ходе дел по выполнению завещания[53]. Ими было принято решение издать биографию Ф.Ф.Павленквоа. Написать ее поручено было В.И.Яковенко. Он обратился к лицам, знавшим Павленкова, и в том числе к

Н.А.Рубакину, с просьбой прислать ему письма издателя и вообще помочь в работе советом или материалами[54]. Рубакин охотно откликнулся на просьбу Яковенко: "На все Ваши вопросы буду немедленно отвечать и все мои материалы высылаю Вам"[55]. Но по каким-то причинам биография Павленкова не была написана. К сожалению, не найден до сих пор и архив В.И.Яковенко, где может находиться ценнейший эпистолярный материал.

Самым значительным делом Яковенко на общественном поприще было, несомненно, создание на средства Павленкова бесплатных народных библиотек. Эта работа потребовала от него колоссальных затрат времени, энергии и душевних сил.

Библиотеки комплектовались пятью сериями, примерно по 400 книг в каждой. В губернские и уездные земства рассылались письма с предложением предоставить помещение и подобрать добросовестных работников для нескольких бесплатних народных библиотек-читален имени Ф.Ф.Павленкова, обязательно в сельской местности. Первоначально библиотеки комплектовали книгами сами душеприказчики. На каждую библиотеку для этой цели выделялось 50 рублей. Организаторы посылали земству список книг, предлагаемых ими на эту сумму, и, в случае согласия местных властей, отправляли книги через посредство различных книжных магазинов и складов, оговаривая с последними определенную скидку в цене на оптовую продажу.

Вся эта огромная переписка, подбор книг, договоры с книжными магазинами и складами лежали, в основном, на В.И.Яковенко, так как В.Д.Черкасов жил в Петербурге только наездами, а Н.А.Розенталь в этот период часто болел и практически участие в делах принимал мало.

По сохранившимся в разных архивах спискам книг мы можем судить, какого характера народные бесплатные библиотеки создавались в русской провинции по завещанию Павленкова. Они отличались тем же демократическим просветительским характером, что и издательство Ф.Ф.Павленкова: включали лучшие дешевые издания произведений русской и мировой художественной классики, новинки популярной естественнонаучной и общественно-политической литературы. Все доступные по цене и популярно написанные книги антиклерикального

демократического содержания обязательно находили место в списках.

Яковенко внимательно следил за всеми книжными новинками, отбирал подходящие и прилагал все усилия, чтобы заполучить их для павленковских народных библиотек. "Недавно я прочел в Журнале Министерства Народного Просвещения о допущении Вашей книги "Слепой музыкант" в бесплатные народные библиотеки, - пишет он В.Г.Короленко в январе 1902 г., когда формировалась первая серия библиотек. - Я хотел бы включить ее в комплект книг, рассылаемых в библиотеки, устраиваемые на средства, завещанные Ф.Ф.Павленковым. Так как книга эта издана журналом "Русское богатство", то я обращаюсь к Вам с просьбой сообщить мне, какую скидку Вы могли сделать при закупке значительного числа экземпляров (до 400) Вашей книги"[56].

Вот список книг, посланных Яковенко в 1908 г. в Глазовскую (Вятской губернии) уездную земскую управу для создаваемых в уезде библиотек имени Павленкова[57]. В числе 162 названий много изданий Павленкова, и в том числе "Энциклопедический словарь", выпущенный в 1907 г., т.е. с уже известным нам "Добавлением". Основное место среди книг занимает русская и мировая классика: дешевые издания произведений Л.Н.Толстого, А.И.Герцена, М.Е.Салтыкова-Щедрина, В.Г.Короленко, Г.И.Успенского, В.В.Вересаева, В.М.Гаршина, Л.Андреева, книжки М.Горького и А.Серафимовича, "Спартак" Р.Джованьоли, "Овод" Э.Л.Войнич, "Ткачи" Г.Гауптмана, "Углекопы" Э.Золя, произведения В.Гюго, Ж.Санд, Мопассана, И.Франко, Эркмана-Шатриана, множество сказок, научно-популярная литература. Зато тщетно было бы искать здесь книги на церковные сюжеты, жития святых и великомучеников, сочинения реакционных писателей.

А вот другой список - книг, рассылаемых для пополнения уже созданных душеприказчиками Павленкова библиотек (1908 г.)[58]. В нем 175 названий. На списке - следы работы провинциальных блюстителей порядка. Синим карандашом неизвестный цензор отметил книги, которые можно допустить в библиотеки, красным - подлежащие возврату. В числе последних - 75 названий: сочинения К.Маркса, Ф.Лассаля, К.Каутского, Ф.Меринга, П.Лафарга, А.Бебеля, В.Гюго и т.д. Но и книги, благосклонно помеченные синим карандашом, т.е.

оставленные в библиотеке, вызывают невольное уважение тщательным и продуманным подбором авторов. Среди них - произведения Л.Н.Толстого, Г.И.Успенского, В.Г.Короленко, В.В.Вересаева, О.Мирбо, В.С.Пругавина, Э.Золя, В.М.Гаршина, С.П.Подъячева, С.Я.Елпатьевского, С.И.Гусева-Оренбургского, М.К.Цебриковой и других. И опять - ни одной книги случайной, реакционного либо церковного содержания.

Несомненно, библиотеки имени Павленкова там, где они создавались, становились культурными центрами, очагами знания, пропагандировавшими передовую науку и прогрессивные взгляды.

В начале 900-х гг. В.И.Яковенко, параллельно с участием в делах издательства Павленкова, основал свое издательство. По всей вероятности, оно не было задумано как большое предприятие с определенной программой - на это у Яковенко не хватило бы ни времени, ни средств. Но он давно хотел издать на русском языке "Анти-Дюринг" Ф.Энгельса. Осуществить это намерение в издательстве Павленкова, особенно после его смерти и в условиях триумвирата, было не так-то просто. И он решил сделать это на свои средства.

Ему удалось осуществить свой замысел в 1904 г. Книга вышла в Петербурге и называлась "Философия, политическая экономия, социализм. (Переворот в науке, произведенный Дюрингом)". Это было первое в России легальное издание "Анти-Дюринга". Правда, перевод оказался неудачным в литературном отношении и к тому же был изрядно прорежен цензурой[59]. Об этом писал В.И.Ленин в предисловии к русскому переводу писем К.Маркса к Л.Кугельману: "Есть русский перевод Цедербаума, к сожалению, не только с пропусками, но прямо плохой перевод, с ошибками"[60].

С этим критическим высказыванием В.И.Ленина Яковенко мог познакомиться только в 1907 г. по брошюре, изданной в Петербурге издательством "Новая дума". А между тем в 1905 и 1906 гг. он дважды переиздает "Анти-Дюринг" в том же варианте, спеша воспользоваться "глотком свободы", предоставленным печати.

К этому времени у Яковенко созрело решение не ограничиваться "Анти-Дюрингом", а продолжать собственное издательское дело (благо условия этому способствовали). В начале 1906 г. он за-

думал оригинальную книжную серию под видом ежемесячного журнала "Социалистическая библиотека". Каждый журнал состоял из одного произведения. Первый номер "Социалистической библиотеки" включал в себя социально-философский роман Анатоля Франса "На белом камне" в переводе П.Казановича. Французский писатель, как известно, восторженно встретил и делом поддержал первую русскую революцию и в своем романе рассматривал социализм как идеал будущего общества. Затем, в том же 1906 г., выходят книги П.А.Кропоткина ("Завоевание хлеба"), Ф.Лассаля ("Капитал и труд"), Л.К.Буха ("Земля - народу"), К.Каутского ("Этика и материалистическое понимание истории"), В.К.Агафонова ("Индивидуализм и социализм"). Были изданы также 2 части книги А.Вольского "Умственный рабочий". Все без исключения номера журнала Яковенко подвергались цензурным и судебным гонениям.

В 1907 г. в "Социалистической библиотеке" выходит четвертое, исправленное и проверенное по подлиннику (не критика ли В.И.Ленина была тому причиной?) издание "Анти-Дюринга". В нем оказались восстановленными большинство цензурных сокращений первого издания. В этой же серии выходит и книга Г.Лагарделля "Всеобщая стачка и социализм. Международная анкета. Мнения и документы". Других книг "Социалистической библиотеки" пока выявить не удалось. Видимо, со спадом революционного движения выпуск ее стал невозможен.

В это же время выходит и несколько внесерийных изданий В.И.Яковенко: одно из первых легальных изданий письма Белинского к Гоголю, книги Е.Эландена ("Политические учреждения в современной Европе") и Е.Н.Щепкиной ("Краткий очерк русской истории с древнейших времен до начала XX века").

Но времена относительной свободы печати кончились, начались годы реакции, пагубные для идейных предприятий, подобных издательству Яковенко. Многие из них, начатые в годы революционного подъема, прекращали свое существование. Яковенко же, несмотря на труднейшие условия - цензурные гонения, материальные убытки, судебные преследования, продолжал начатое дело.

К характеристике самого Яковенко и его издательства многое добавляет его письмо к Н.А.Рубакину, написанное в марте 1910 г.:

"Вы пишете, что, вероятно, мое издательство идет как по маслу. Если бы так! Беда в том, что с 1907 года интерес к книге вообще упал, а к тем книгам, которые издал я, совсем упал. Ликвидировать дело, как это сделала масса издателей, мне было очень обидно, так как я стал издавать вовсе не под влиянием "момента", а по любви к книжному делу, к которому вплотную придвинул меня Ф.Ф.Павленков, сделав одним из душеприказчиков. Я стал доставать деньги на стороне, и теперь запутался основательно. Теперь делаю последние усилия и дано мне сроку четыре года. Если за это время не поставлю своего издательства на ноги, то будет ему конец. А Вы пишете, что оно идет как по маслу! Если бы не мой заработок в издательстве Павленкова, то мне нечем было бы жить: несмотря на свою работу, я не могу из своего издательства взять ни копейки"[61].

Несмотря на такие трудности, Яковенко задумывает все новые и новые издательские предприятия. Он начинает выпускать серию "Культурно-исторические очерки России", автором которой был Н.Н.Андреев-Николин, социал-демократ, участник марксистских кружков, в советское время - преподаватель ленинградских вузов. Серия должна были состоять более чем из 20 брошюр по культурной истории России. К 1915 г. вышли из печати шесть очерков.

Другой серией стала библиотечка "Народы в рассказах своих писателей". Это - буквально копеечные по цене книжечки популярных рассказов известных писателей, рисующих быт, нравы, обычаи разных народов. Удалось найти сведения пока только о девяти книжках этой серии. Это рассказы прогрессивных испанских писателей Э.Пардо-Басан и Б.Бласко Ибаньеса, шведского прозаика Г.Гейерстама и других.

Яковенко выпустил 6-е и 7-е издания "Научно-популярной библиотеки для народа" В.В.Лункевича. Из этих богато иллюстрированных природоведческих брошюрок замечательного ученого-популяризатора не одно поколение людей получило первые сведения об окружающем мире, его чудесах и тайнах. Кроме этой библиотеки, Яковенко выпускает и другие книги В.В.Лункевича: "Основы жизни. Популярная биология", "Одна из мировых загадок. Жизнь и клетка"

Весьма интересно и еще одно начинание В.И.Яковенко - серия научных пособий "Начатки". Она издавалась во Франции под редакцией известного математика Ш.Лэзана. По его мысли, эта серия должна была помочь обучению детей "на основе непринужденности, завлекательности, самостоятельной работы молодого ума и широкого ознакомления с основами точных наук"[62]. Эти свои идеи Лэзан изложил в книге "Воспитание будущего", а серию начал своей книжкой "Начатки математики". На его призыв откликнулись другие французские ученые: К.Фламмарион, Ш.-Э.Гильом, Ж.Дарзан. Так появились "Начатки астрономии", "Начатки механики", "Начатки химии". В.И.Яковенко издал все эти книги в переводе П.Егунова.

К числу книг, популяризирующих науку, нужно отнести также работу А.П.Леванева "Завоевание воздуха. (Популярный очерк развития и современного состояния воздухоплавания)", изданный Яковенко с предисловием Николая Морозова, а также книгу Гастона Бонье "Звенья живой природы. (Введение в изучение естественной истории)".

Много сил отдал Яковенко пропаганде в России творчества своего великого земляка - Т.Г.Шевченко. Современные шевченковеды уже обратили на этот факт свое внимание. На Украине вышла, например, работа В.Г.Сарбея "Популяризатор Шевченко В.И Яковенко"[63]. Заслугой Яковенко является публикация в России третьего издания "Кобзаря" под редакцией В.Доманицкого и подготовка к изданию самого полного до революции иллюстрированного собрания сочинений Шевченко в двух томах, не вышедшего из типографии только по вине цензуры[64].

Борьба с цензурой, полицией и судебными преследованиями, доставшаяся В.И.Яковенко как бы по наследству от Ф.Ф.Павленкова, пронизывает всю жизнь Яковенко - публициста, общественного деятеля, издателя. Многие из изданных им книг подверглись конфискации, издатель не раз предавался суду и даже сидел за издательскую деятельность в тюрьме. На 12 марта 1915 г. тоже был назначен очередной суд над ним. От суда В.И.Яковенко "спасла" только скоропостижная смерть в результате воспаления легких, последовавшая 7 марта[65]. Семья его осталась в совершенной бедности, и его жена вынуждена была впоследствии обратиться к советскому пра-

вительству с просьбой о помощи и получила соответствующее пособие при содействии В.Д.Бонч-Бруевича [66].

Похоронен В.И.Яковенко на Волковом кладбище в Ленинграде.

Такова была жизнь и работа на книгоиздательском и общественном поприще Валентина Ивановича Яковенко. Не случайна высокая оценка его издательства таким знатоком книги, как Н.А.Рубакин. В работе "Среди книг" он писал так: "В настоящее время имя книгоиздателя играет ту же роль, какую играет в журналистике имя действительного редактора журнала: оно служит рекомендацией книг. Имена таких издателей (следует ряд имен, и в том числе имя В.Яковенко. - Ю.Г.) - суть те же ручательства за направление и за качество изданий" [67].

Примечания

1. ЦГИА СССР. ф.1405, оп.83, ед.хр.11012, л.15.

2. Там же, л.24-25.

3. Там же, оп.89, ед.хр.11131, л.49.

4. Курса В. Защищая правду. - Сел. жизнь, пос.Шишаки, Полтав. обл., 1971, 2 дек. На укр. яз.

5. См.: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до нач. XX в. М.: Наука, 1977, с.104, 122.

6. Сборник материалов для истории Тверского губернского земства. Тверь. 1883-1887, т.1-5.

7. Отеч. зап., 1884, № 1, отд.II, с.31-43.

8. Сев. вестн., 1886, № 8, с.49-66 (2-я паг.), № 9, с.94-101 (2-я паг.).

9. Там же, 1886, № 8, с.60.

10. Там же, с.63.

11. Там же, с.63-64.

12. Там же, с.65-66.

13. Там же, 1886, № 11, с.87-96, (2-я паг.).

14. Там же, с.90.

15. Там же, с.96.

16. Там же.

17. Там же, 1888, № 5, с.54-71.

18. Там же, с.63.

19. Там же, с.71.

20. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Спб.: С.-Петербург.губ.земство, 1892. Вып.УП. Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. X, 282, 176 с.

21. См. ответы В.И.Яковенко на анкету С.А.Венгерова - РО ИРЛИ, ф.377, собр.I, № 2987, л.419.

22. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Спб.: С.-Петербург.губ.земство, 1895-1896. Вып.УШ. Крестьянское хозяйство в Новоладожском уезде. Ч.I-2; Статистический сборник по С.-Петербургской губернии. 1896 год. Спб., 1897. Вып.I-3.

23. Материалы по истории русской литературы и культуры: I. А.Н.Плещеев в письмах к А.С.Гацисскому. - Рус. мысль, 1912, № 4, с.120-121 (2-я паг.).

24. См.: Рассудовская Н.М. Издатель Ф.Ф.Павленков (1839-1900): Очерк жизни и деятельности. М.: Изд-во Всесоюз.кн.палаты, 1960. 107 с.

25. Яковенко В.И. Д.Свифт: Его жизнь и лит. деятельность. Биогр. очерк. Спб., 1891. 86 с.

26. Яковенко В.И. Т.Карлейль: Его жизнь и лит. деятельность. Биогр. очерк. Спб., 1891. 86 с.

27. Яковенко В.И. Томас Мор: Его жизнь и обществ. деятельность. Биогр. очерк. Спб., 1891. 88 с.

28. Яковенко В.И. Адам Смит: Его жизнь и науч. деятельность. Биогр. очерк. Спб., 1894. 88 с.

29. Яковенко В.И. Огюст Конт: Его жизнь и филос. деятельность. Биогр. очерк. Спб., 1894. 110 с.

30. Яковенко В.И. Т.Г.Шевченко: Его жизнь и лит. деятельность. Биогр. очерк. Спб., 1894. 95 с.

31. Яковенко В.И. Богдан Хмельницкий: Его жизнь и обществ. деятельность. Биогр. очерк. Спб., 1894. 96 с.

32. Яковенко В.И. Томас Мор, с.8-10.

33. Яковенко В.И. Огюст Конт, с.63.

34. Українська література в російській критиці кінця XIX - початку XX ст. Київ: Наук. думка, 1980, с.263.

35. Там же, с.264.

36. Муравьев В.С. Путешествие с Гулливером. М.: Книга, 1972, с.201.

37. Карлейль Т. Герои и героическое в истории: Публ. беседы /Пер. с англ. В.И.Яковенко. С прил. ст. переводчика о Карлейле. Спб., 1891, ХУI, 352 с. (2-е изд.: 1898; 3-е изд.: 1908).

38. Рубакин Н.А. Из истории борьбы за права книги: Флорентий Федорович Павленков. - В кн.: Книга: Исслед. и материалы. М., 1964, сб.9, с.226.

39. Там же, с.227.

40. ЦГАЛИ, ф.129, оп.I, № 130, л.3.

41. Герцен А.И. Сочинения и переписка с Н.А.Захарьиной: В семи томах. Спб.: Изд. Ф.Павленкова, 1905, т.I, с.УШ.

42. Напр.: Герцен А.И. Русский народ и социализм: (Письмо к Ж.Мишле). Спб.: тип. Ю.Н.Эрлих, 1906, 45 с.; Герцен А.И. Статьи о Польше. Спб.: изд. Ф.Павленкова, 1907. 189 с.; Герцен А.И. О развитии рево юционных идей в России. Спб.: изд. Ф.Павленкова, 1907, 170 с.

43. ЦГАЛИ, ф.1348, оп.I, № 579, л.I.

44. Энциклопедический словарь Ф.Павленкова. Спб., 1907, стб.2965.

45. Там же, стб. 2988.

46. Там же, стб.2963. Самая первая энциклопедическая информация о В.И.Ленине, опубликованная в 1900 г. во 2-м томе "Энциклопедического словаря" под редакцией М.М.Филиппова, называлась: "Ильин Владимир".

47. Энциклопедический словарь Ф.Павленкова, стб.3007.

48. ЦГИА СССР, ф.776, оп.9, ед.хр.1776, л.5.

49. Там же, л.7.

50. Там же, л.20.

51. Там же, л.23.

52. РО ИРЛИ, рх.М.В.Ватсон, ф.402, оп.2, № 630, л.2.

53. ОР ГБЛ, ф.358, п.2[illegible], ед.хр.47, л.I.

54. Там же, л.8-8 об.

55. Там же, п.188, ед.хр.30, л.I.

56. Там же, ф.135. разд.II, п.36. ед.хр.90, л.4.

57. Гос. архив Кировской области, ф.582, оп.149, ед.хр.8, л.290-293 об.

58. Гос. архив Пермской области, ф.40, оп.I, д.157, л.63-71.

59. См.: Арзуманов М.Б. Первое легальное издание "Анти-Дюринга" в России и богоискательская реакция на него. - Науч.-информ. бюл. /Сектор произведений К.Маркса и Ф.Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1970, № 19, с.162.

60. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.14, с.373. Далее в примеч.: ПСС.

61. ОР ГБЛ, ф.358, п.290, ед.хр.47, л.7-7 об.

62. Лункевич В.В. Основы жизни: Попул. биология. 3-е значит. доп. изд. в двух томах. Спб.: изд. В.Яковенко, 1910, т.I, с.467.

63. См.: Збірник праць чотирнадцятої наукової шевченківської конференції. Київ: Наук. думка, 1966, с.195-228.

64. Українська література в російській критиці кінця XIX - початку XX ст., с.264.

65. Хурса В. Защищая правду. - Сел. жизнь, пос. Шишаки, Полтав. обл., 1971, 2 дек. На укр. яз.

66. ОР ГБЛ, ф.369, п.370, ед.хр.14, л.1-2.

67. Рубакин Н.А. Избранное в двух томах. М., 1975, т.I, с.172-173.

Л.А.Шилов

ИЗ ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВ

Конец XIX - начало XX века ознаменовались ростом общественной активности всех слоев русского студенчества. Главным фактором этого оживления было рабочее движение, которое, как указывал В.И.Ленин, привело "к небывалому подъему революционного духа в студенчестве" [1]. Широкое распространение революционных настроений среди учащейся молодежи приводило в движение все ее социально-политические группы. Нарастание революционной волны в стране усугубляло процессы политической дифференциации студенчества. Наивысшего уровня политическая активность учащихся высших учебных заведений достигла в годы революции 1905-1907 гг.

Отражением этих процессов вовлечения студенчества в общественную жизнь явился небывалый рост студенческой профессиональной печати. Революция 1905-1907 гг. вызвала к жизни большое количество периодических и продолжающихся изданий самого различного характера.

Последовавшая вслед за поражением революции полоса реакции уже не могла остановить процесс роста студенческой печати, хотя и оказывала влияние на ее характер.

В период с 1905 по 1917 г. в стране выходило около 100 студенческих газет, журналов, периодических сборников. По своему идейно-политическому содержанию эти издания отражали существовавшую внутри студенчества политическую группировку, о которой писал В.И.Ленин, выделявший в нем группы реакционеров, равнодушных, академистов, либералов, социалистов-революционеров и социал-демократов [2], группировку, в основе которой лежала классово-политическая структура русского общества. Конечно, определить с достаточной четкостью политическую физиономию того или иного студенческого органа во многих случаях далеко не просто, так как, с одной стороны, многие журналы и газеты формально не выступали органом студенческой фракции определенной политической партии, но в то же время своей революционно-демократической фразеологией или же флагом беспартийности и над-

партийности зачастую маскировали либерально-буржуазные программы, а с другой, в силу недостаточно глубокой социальной дифференциации студенчества многие группы студентов и их печатные органы политически не определились. Последнее обстоятельство некоторыми редакциями прямо признавалось. Так, редакция петербургского журнала "Студенчество", выступавшего представителем общих интересов демократического студенчества, писала: "То идейное течение, которое мы представляем, еще не отлилось в окончательные формы" [3].

В студенческой периодической печати нашли отражение все основные идейно-политические течения в русском студенчестве. Большевистские органы были представлены газетой "Молодая Россия" (1906), в которой была опубликована статья В.И.Ленина "Рабочая партия и ее задачи при современном положении" [4], и журналом "Утро жизни" (1914). Студенты-меньшевики издавали журнал "Молодые силы" (1906), выпускали совместно с эсерами и другими "социалистами" журнал и газету "Студенческие годы" (1913-1915). Многочисленную группу журналов и газет составляют органы различных демократических групп студентов, среди которых сильным влиянием пользовались эсеровские, народническо-социалистические элементы: газеты "Студенческая жизнь" (1906), "Студенческий голос" (1907) и другие. В этой группе изданий заметную роль играли газеты и журналы, отразившие довольно широко распространенное среди студентов течение так называемого демократического профессионализма, сосредотачивавшего основное внимание на специфически студенческих моментах движения и призывавшего студенческие массы сплотиться на почве чисто профессиональных студенческих интересов. Это газеты "Студенческий мир" (1910), "Голос студенчества" (1910-1911), журналы "Студенческая мысль" (1910-1911), "Студенческое дело" (1912), "Студенческие годы" (1913-1915), "Вестник студенческой кооперации" (1916) и другие.

Наиболее последовательно либерально-буржуазную линию в студенческом движении выразил сборник студентов Петербургского политехнического института "Голос политехника", выходивший в 1909-1913 гг. Буржуазный либерализм, выступавший под флагом так называемого чистого академизма и представлявший кадетские студенческие

группы, проповедовали также газеты "Студенческая речь" (1907), "Студенческие отклики" (1907), "Студенческая жизнь" (1910), журналы "Студенческая мысль" (1915), "Студенческий вестник" (1915) и другие.

Крайне правое течение академизма, выступавшее под лозунгом боевого академизма, выражало политические позиции монархических групп студенчества. Органами этого течения были сборники "Университет и политика" (1907), "Академический сборник" (1909), журнал "Вести студенческой жизни" (1910), преобразованный затем в "Вестник студенческой жизни", а также сборник "Вешние воды" (1914-1917), пользовавшиеся официально материальной поддержкой черносотенных организаций и служившие их рупором.

Наряду с общественно-политической периодикой большую группу студенческих изданий составляли литературно-художественные, преимущественно в виде сборников и альманахов. Среди авторов этих изданий вместе со студентами выступали и профессиональные литераторы. В числе поэтов и писателей, представленных на страницах студенческой печати, можно назвать Л.Андреева, А.Ахматову, К.Бальмонта, Д.Бедного, А.Блока, В.Брюсова, И.Бунина, М.Волошина, Ф.Гладкова, С.Городецкого, М.Горького, А.Куприна, В.Нарбута, А.Ремизова, И.Северянина, С.Сергеева-Ценского, Н.Телешова, А.Толстого, Е.Чирикова, Т.Щепкину-Куперник и многих других. Для некоторых из них выступления в студенческих изданиях были началом творческого пути.

В многочисленной группе студенческих изданий научного характера наибольшее значение имели труды и сборники научных обществ и кружков студентов, а также материалы семинаров, среди которых особый интерес представляют обобщения различных обследований студенчества, его состава, учебы, быта, политических симпатий и духовных запросов.

Студенческая периодическая печать представляет собой важный источник по истории русского студенчества, истории дореволюционной высшей школы вообще. Она более или менее полно учтена в имеющихся библиографических указателях периодики, а история некоторых студенческих изданий освещена в исследованиях, посвященных рассматри-

ваемому периоду.

Значительно менее исследован вопрос о студенческих книгоиздательствах. Его изучение затруднено отсутствием библиографического учета продукции этих издательств, к тому же весьма неполно представленной по ряду причин (в частности литографский способ издания) даже в фондах крупнейших книгохранилищ страны. Как в работах по истории высшей школы и студенчества, так и в исследованиях, посвященных истории книги и издательского дела, о существовании студенческих издательств нет почти никаких данных. Лишь немногие авторы, в частности А.Я.Черняк, отмечают их значение. Излагая историю технической книги в начале XX в., он указывает, что "особый интерес представляют студенческие издательства - касса взаимопомощи студентов Петербургского политехнического института, студенческое издательское общество при Московском техническом училище и др."[5]. Но, к сожалению, и здесь отсутствуют какие-либо материалы, характеризующие действительный размах издательской деятельности учащихся высших учебных заведений.

Становление студенческих книгоиздательств относится к периоду революции 1905-1907 гг., лишь некоторые из них возникли несколькими годами раньше. Их появление, связанное с ростом общественной активности учащейся молодежи, имело объективные предпосылки, коренившиеся в общих социальных условиях, в особенностях и потребностях развития высшего образования дореволюционной России.

Начало XX в. характеризуется значительным ростом рядов студенчества. Развивавшаяся экономика требовала большой и все возрастающей армии специалистов, которая не могла уже рекрутироваться исключительно из представителей господствующих классов. Поэтому, несмотря на все ограничительные меры царского правительства, состав студентов неуклонно демократизируется, главным образом за счет мелкобуржуазных слоев города и деревни. Новые группы демократического студенчества, как правило, материально плохо обеспеченные, способствовали оживлению различного рода экономических организаций студентов, в том числе и издательских, призванных обеспечивать учащихся дешевой учебной книгой.

С другой стороны, развитие высшего образования, особенно тех-

нического, все более остро выявляло необеспеченность процесса обучения необходимыми учебными пособиями. Отечественные пособия по многим, особенно новым дисциплинам и специальностям отсутствовали, а имеющиеся иностранные были доступны лишь узкому кругу учащихся. Министерство народного просвещения и другие ведомства, имевшие в своем подчинении высшие учебные заведения, какой-либо систематической и целенаправленной работы в этой области не организовали. В ней не существовало системы, часть профессоров вообще отрицала необходимость учебников по большинству предметов вузовского преподавания, а некоторые из них противились изданию литографированных курсов своих лекций, считая, как указывал известный профессор Петербургского университета Н.И.Кареев, "литографирование лекций одной из причин отлива студентов из аудитории" [6]. Еще более резко высказывался по этому поводу студент-политехник, будущий академик С.Г.Струмилин. Он писал: "Профессора применяют различные административные средства для того, чтобы их лекции посещались... Наиболее радикальные из них попросту запрещают печатать свои лекции" [7].

Но практическая потребность пробивала себе дорогу. Еще в конце XIX в. стали появляться литографированные курсы, конспекты лекций, пособия для сдачи экзаменов, различного рода "решальники". Их готовили и издавали отдельные студенты или группы их, качество их в большинстве случаев было низким, а самый выбор пособий для литографирования случайным. Зачастую профессор не знал об издании своего курса и не имел возможности просмотреть его рукопись, что влекло за собой многочисленные ошибки и искажения.

Возникновение специальных студенческих издательств явилось крупным шагом вперед в создании учебной литературы. Оно внесло определенную систему, организованность в это дело, позволило привлечь к подготовке рукописей самих авторов курсов и этим способствовало общему повышению научно-педагогического уровня издаваемых пособий. В качестве главной цели все эти издательства ставили перед собой обеспечение студентов учебными руководствами, прежде всего по тем дисциплинам, по которым эти руководства отсутствовали. А таких дисциплин тогда было великое множество, особенно в области техни-

ки, что и предопределило широкий размах издательской деятельности студентов именно в технических вузах.

Важно было также дать, в условиях высоких цен на книжном рынке, дешевую учебную книгу. Для прохождения курса учебного заведения студенту-юристу, например, требовалось на приобретение учебных пособий 60 рублей, агроному - 80, филологу - 100, студенту-коммерсанту - 150, а технику - и того больше [8]. По некоторым подсчетам, студенты Москвы затрачивали на покупку учебных пособий около 300 тыс. рублей в год, что создавало весьма ощутимые потери в скудном студенческом бюджете [9]. В этих условиях задача удешевления издаваемых пособий, предусматривавшаяся уставами почти всех студенческих издательств, приобретала первостепенное значение, хотя решить ее вполне удовлетворительно они не смогли.

Ставились студенческими издательствами и благотворительные цели: оказание студентам трудовой помощи путем предоставления оплачиваемой работы по подготовке изданий и их продаже, а также отчисление части прибылей в фонды помощи нуждающимся студентам.

Весь этот комплекс взаимосвязанных задач был чужд частным издательствам. Частные предприниматели, будучи оторваны от жизни вузов и студентов, действительной потребности в учебной книге не знали, в удешевлении ее не были заинтересованы, в процессе подготовки и издания книги в услугах студентов не нуждались. Тем не менее, по мере роста численности студентов и соответственно спроса на учебную литературу, издание ее становилось делом прибыльным. За него все чаще начинают браться бойкие предприниматели из числа студентов и частные издательства. Так, в Киеве известный среди студентов А.Мирлес наводнил рынок наскоро составленными, низкого качества конспектами по правовым и экономическим дисциплинам [10], а в Москве издательство "Современность" выпускало руководства, представлявшие собой компиляцию из трудов профессоров, часто стоявших на разных позициях [11].

К делу издания учебной литературы все чаще стали прибегать и солидные частные издательства. Они неодобрительно относились к издательской и книготорговой деятельности студенческих организаций и предпринимали по отношению к ним репрессивные меры (лишение креди-

та, снижение скидок на торговлю книгами в студенческих лавочках и т.п.) с целью сохранения высоких цен на книги и устранения нежелательных конкурентов в издании суливших прибыли учебников. "Прошли времена хороших слов, - писала в 1913 г. газета "Студенческое дело", - издатели - друзья книги исчезли, их сменил жадный предприниматель, любящий лишь свою прибыль и уважающий только силу. Студенчеству надо создать свою силу и найти ее можно только в объединении"[12].

Конкуренция частных издательств и книготорговцев, давление вузовской администрации, стремившейся вытеснить издательства студентов из стен учебных заведений, недостаток средств, переменный состав издателей-студентов и связанное с этим отсутствие необходимого опыта - все это порождало многочисленные трудности в деятельности студенческих издательств. Многим выход из этих трудностей виделся в объединении усилий учащихся разных учебных заведений, в создании крупных межвузовских издательских и книготорговых предприятий студентов. Инициативу в этом деле взяла на себя Издательская комиссия Общества взаимопомощи слушателей Московского народного университета им. А.Л.Шанявского. В принятом ею в марте 1913 г. обращении ко всем студенческим организациям говорилось: "В нашем издательском и книжном деле вопрос об объединении ставится жизнью особенно остро, как ввиду существования Союза частных издателей и книгопродавцев, которые в целях увеличения своих доходов удорожают книгу и не делают скидок, так и ввиду насущной необходимости сосредоточить в руках студенчества издание тех научных пособий, которые требуются учащимся при их занятиях. Необходимость вступить на путь борьбы с Союзом издателей и книгопродавцев в целях удешевления книги и выдвинула вопрос об объединении существующих студенческих организаций, ведающих книжным и издательским делом"[13].

Два таких объединенных межвузовских студенческих издательства были созданы в Москве в конце 1913 г. После этого система студенческих издательств включала как издательские организации непосредственно в вузах, на факультетах, в кружках и т.д., существовавшие в разных формах и выступавшие под разными названиями (издательство, издательское общество, издательская комиссия и т.п.), так и общесту-

денческие межвузовские издательства.

В Петербурге студенческие издательские организации существовали при многих высших учебных заведениях. Одним из наиболее крупных и старейшим по времени возникновения было издательство и книжная лавка студенческой кассы взаимопомощи Политехнического института. Оно возникло в феврале 1903 г., но широко развернуло свою деятельность с 1907 г. Уже к 1913 г. им было выпущено более 300 книг, преимущественно курсов лекций и конспектов. В среднем в год выпускалось 40-50 названий, иногда и 80. По тематике они отвечали потребностям учебной жизни института, а поскольку Политехнический институт положил начало подготовке специалистов по многим новым разделам техники (судостроению, электромеханике и т.д.), то эти издания нередко представляли собой первые учебные пособия по дисциплинам, входившим в круг подготовки инженеров, и, таким образом, послужили отправным пунктом в деле создания учебной литературы по этим предметам. Авторами выпущенных пособий являлись А.А.Байков, И.Г.Бубнов, В.Е.Грум-Гржимайло, И.В.Мещерский, В.Ф.Миткевич, Б.В.Скобельцын, С.Н.Усатый, М.А.Шателен и многие другие видные русские и впоследствии советские ученые.

Студенческая касса взаимопомощи Политехнического института выпускала курсы лекций прочитанные профессорами института (например: Мещерский И.В. Теоретическая механика, 1904; Миткевич В.Ф. Теория явлений электрических и магнитных, 1910; Пио-Ульский Г.Н. Паровые турбины. Теория турбин и их термодинамика и расчет, 1916), дополнения к курсам (например: Бубнов И.Г. Дополнения к курсу строительной механики корабля, 1909), конспекты лекций (Байков А.А. Металлургия меди, 1907; Грум-Гржимайло В.Е. Металлургия стали, 1910; Федотьев П.П. Конспект лекций по технической электрохимии, 1907), руководства и пособия к практическим и лабораторным работам (Инструкция для летних практических занятий электромеханического отделения, 1910; Бентковский И.И., Давиденков Н.Н. Руководство к практическим занятиям в механической лаборатории. Вып. 1-2, 1913-1914; Шателен М.А. Сборник программ электроизмерительной лаборатории, 1908), программы учебных курсов. Будучи по преимуществу техническим, издательство студентов института выпускало также пособия по статистике, праву, политической экономии, читавшимся на эконо-

мическом отделении института (например: Струве П.Б. Записки по курсу экономики промышленности, 1910; Чупров А.И. Статистика, 1908; Гредескул Н.А. Лекции по общей теории права, 1909).

Помимо учебной литературы через издательство выпускались издания, не имевшие прямого отношения к преподаванию. Среди них: "Краткий справочник для студентов-политехников" (1911), ежегодные отчеты кассы взаимопомощи, периодические и продолжающиеся издания студентов-политехников ("Голос политехника", "Политехник", "Бюллетень" и другие). На средства издательства были опубликованы "Труды совещания об экономических нуждах студенчества С.-Петербурга" (1908).

Большинство книг выпускалось издательством в литографированном виде. Типографский способ для небольших тиражей (составлявших, как правило, 300-500 экземпляров) оказывался более дорогостоящим и менее оперативным, а последнее обстоятельство часто становилось решающим, поскольку требовалось выпустить к экзаменам пособия, рукописи которых поступали в издательство буквально за несколько недель до них.

До 1907 г. издательство политехников не вылезало из долгов и едва сводило концы с концами [14]. С момента возникновения оно получало от правления института небольшую дотацию (600 рублей), которая не могла иметь существенного значения, если принять во внимание, что от продажи книг поступало в год 17-20 тыс. рублей. Улучшению финансового положения издательства способствовало расширение масштабов работы и создание в 1908 г. комиссионного отдела для обеспечения студентов института на льготных условиях (со скидкой в 10 и более процентов номинальной цены) книгами других издательств, в том числе студенческих, а также для продажи собственных изданий в других организациях и городах. Уже в 1910 г. издательство имело 140 контрагентов по комиссионной торговле в Петербурге, Москве, Харькове и других городах. Рост комиссионной торговли, особенно после организации в 1909 г. продажи подержанных учебников, создал серьезную конкуренцию выпуску собственных изданий, объем которого постепенно начинает сокращаться (явление, характерное и для других студенческих издательств).

Издатели-политехники не преследовали цели извлечения прибыли, обращая ее лишь на расширение дела и удешевление своих изданий. Учитывая, что "стоимость изданий в настоящее время для большинства студентов настолько велика, что большинство из них не в состоянии приобрести все нужные им издания" [15], издательство с 1910 г. неуклонно проводило курс на снижение цены выпускавшихся пособий. Оно служило также главным источником оказания трудовой помощи студентам института. Привлекая ежегодно до 100 студентов в качестве составителей, переписчиков, чертежников, корректоров и т.п., издательство выплачивало им значительные суммы (до 10 тыс. рублей), которые составляли до 90% всех расходов по изданию курсов лекций [16]. Это диктовалось не только благотворительными соображениями, но самой спецификой организации студенческого издательства: какой-либо посторонний штат сотрудников не мог обеспечить главного - подготовки рукописи курса; запись его могли обеспечить только слушатели-студенты. Поэтому постоянные штатные сотрудники, к тому же почти все студенты, были в издательстве только на складе и в торговле (6-7 человек).

Профессора - авторы курсов непосредственного участия в подготовке рукописей не принимали и никакого вознаграждения не получали. Рукопись представлялась им на просмотр уже в готовом виде. Правда, в некоторых случаях они давали студентам-составителям те или иные указания, снабжали их иллюстративными материалами, списком литературы и т.п. Так, составитель рукописи лекций по курсу металлургии меди, прочитанному А.А.Байковым, благодарит "глубокоуважаемого профессора за просмотр конспекта в рукописи, ценные указания и снабжение литературными источниками" [17]. Но это случалось далеко не всегда. С тем, что во многих случаях профессора не участвовали в составлении текстов своих лекционных курсов, а следовательно не могли нести ответственности за их содержание и качество, связано было их нежелание давать разрешение на распространение изданий за пределами института, а это существенно ограничивало тиражи пособий и снижало эффект издания курса, нужного студентам других учебных заведений.

Значительный размах получила издательская деятельность сту-

дентов и в Петербургском электротехническом институте. Первоначально изданием курсов лекций здесь пыталась заняться администрация института (учебная инспекция студентов), но эти попытки оказались неудачными, и Совет института постановил впредь не издавать литографированных лекций. Однако такое решение не могло удовлетворить студентов, и состоявшаяся осенью 1907 г. институтская сходка решила учредить "Общество студентов Электротехнического института для издания лекций". Свою деятельность оно начало с 50 членов и с 50 рублей основного капитала, составленного из членских взносов (1 рубль) [18]. Устав Общества был утвержден 18 марта 1908 г., тогда же был избран его исполнительный орган - Издательская комиссия [19].

Долгое время Обществу не удавалось добиться от института материальной поддержки, и лишь с 1910 г. Совет профессоров стал выделять ежегодную субсидию в размере 500 рублей.

В 1912 г. произошло преобразование Общества, и оно получило название "Издательское общество студентов Электротехнического института".

Начав свою деятельность в мае 1908 г. выпуском курса Н.А.Пушина "Энциклопедия электрохимии", издательство студентов-электротехников за первые 5 лет своего существования опубликовало 33 пособия. В последующие годы в среднем выпускалось ежегодно до 10 названий. Все они, за небольшими исключениями, издавались литографским способом и в большей своей части редактировались профессорами, читавшими курс. Были изданы курсы лекций по основным дисциплинам учебного плана института (например: Войнаровский П.Д. Передача электрической энергии на большие расстояния, 1908; Его же. Подземные и подводные электрические линии, 1910; Осадчий П.С. Электрические телеграфы, 1909; Холуянов Ф.И. Курс трансформаторов, 1913), причем некот рые из них выдержали несколько изданий, в том числе и после Октябрьской революции [20], пособия для студентов, инженеров и техников, а также руководства к практическим и лабораторным занятиям - например, пособия Ф.И.Холуянова "Испытание динамомашин постоянного тока" (1908) и "Пособие к расчету альтернаторов" (1913) Студенты осуществили также издание переводов ряда иностранных ру-

ководств (Энгель А. Динамомашины постоянного тока. Вып. I-2, 1909; Брагштад О. Электрические железные дороги, 1909).

Несколько студенческих издательских организаций существовало в Петербургском университете. Наиболее значительной по своему размаху и значению была деятельность студенческих издательских комитетов физико-математического и историко-филологического факультетов.

Согласно уставу Студенческий издательский комитет при физико-математическом факультете имел целью "издавать с согласия профессоров лекции и программы тех наук, которые читаются на математическом отделении физико-математического факультета" [21]. Тем самым очерчивались тематические рамки изданий комитета: астрономия, математика, механика и физика. Комитет не издавал пособий по другим дисциплинам, преподававшимся на факультете (биологии, геологии, географии и т.д.). Этим в значительной мере определялось и то, что издания, как правило, осуществлялись в литографированном виде, поскольку набор сложных формул представлялся дорогостоящим.

Курсы лекций выпускались как под редакцией профессоров, так и без нее (в этом случае Комитет поручал подготовку рукописи комиссии из нескольких человек), но обязательно с согласия профессора, читавшего курс, и с передачей ему не более 3 экземпляров выпущенной книги. Курсы могли издаваться по рукописям, представленным членами Комитета или любым студентом университета, получавшим за это определенное вознаграждение.

Размах деятельности Издательского комитета физико-математического факультета был достаточно широк: с 1907 по 1919 г. им выпущено около 100 различных учебных курсов, авторами которых являлись видные ученые - И.И.Боргман, С.П.Глазенап, Н.М.Гюнтер, А.А.Иванов, В.А.Стеклов, П.Л.Чебышев и другие. Многие курсы вышли тремя и более изданиями. Так, "Электричество" И.И.Боргмана вышло в четырех изданиях, "Интегрирование обыкновенных дифференциальных уравнений" В.А.Стеклова и "Теория определенных интегралов" Ю.В.Сохоцкого - пятью изданиями и т.д. Издавались преимущественно курсы лекций и лишь небольшое число практических пособий, таких, например, как "Задачник по высшей алгебре" (1915) и "Сборник формул к лекциям

по интегрированию функций" (1907).

Контроль за деятельностью Издательского комитета осуществляла ревизионная комиссия, избиравшаяся собранием студентов факультета. В отличие от этого на деятельность Студенческого издательского комитета историко-филологического факультета гораздо большее влияние имели профессора факультета. Здесь сам Комитет, состоявший из студентов (М.К.Азадовский, И.А.Боричевский, С.Н.Валк и другие) подчинялся профессору И.М.Гревсу, и деятельность его ревизовалась комиссией профессоров. Другое отличие издательской деятельности студентов-филологов заключалось в издании значительного числа пособий типографским способом. Кроме того, рукописи отдельных курсов предоставлялись студентам для издания самими профессорами, их читавшими, причем некоторые из них носили скорее характер монографий, чем учебных пособий. Так, работа "Введение в курс истории русского языка. Ч.I. Исторические процессы образования русских племен и наречий", выпущенная в 1916 г., была подготовлена и предоставлена в распоряжение Комитета самим автором - академиком А.А.Шахматовым, и это не было исключением.

Студенческий издательский комитет историко-филологического факультета выпускал в год около 10 пособий, преимущественно курсов лекций, а также программ преподаваемых дисциплин. Авторами выпущенных пособий были известные ученые: Д.В.Айналов (История древнерусского искусства, 1915; История русской живописи, 1913), И.А.Бодуэн-де-Куртене (Введение в языкознание. Четыре издания, 1909-1914), С.К.Булич (Курс сравнительной морфологии индоевропейских языков, 1910), А.С.Лаппо-Данилевский (Методология истории. Вып.1-2, 1910-1913), Б.А.Тураев (История Древнего Востока, 1913), И.А.Шляпкин (История русской литературы. Ч.1-2. Несколько изданий). Издавались студентами и переводные произведения: Крыньский А. Польская грамматика, 1915; Очерки по истории Византии (вып. 1-4), включавшие работы Дж.Б.Бьюри, Г.Гельцера и других авторов.

Как и многие другие издательства, Студенческий комитет историко-филологического факультета ставил своей целью, помимо обеспечения студентов необходимыми пособиями, оказание помощи нуждающимся студентам путем обращения в их пользу части своих доходов. К вы-

полнению этой задачи он приступил осенью 1914 г., когда при нем учреждается касса взаимопомощи студентов факультета [22]. Однако реализовать ее не удалось, так как начавшаяся война и вызванные ею дефицит бумаги и ограниченные полиграфические возможности привели к заметному свертыванию издательской работы Комитета.

В Петербурге существовали и другие издательские организации студентов - в Психоневрологическом институте (издательский отдел общества потребителей), на Сельскохозяйственных курсах (бюро труда слушателей), Высших (Бестужевских) женских курсах (издательские комиссии факультетов), в Институте инженеров путей сообщения (студенческая библиотека), Технологическом институте (касса взаимопомощи и студенческие научные кружки) и т.д., однако масштабы их издательской деятельности были незначительными (2-3 пособия в год).

Анализ издательской деятельности московских студенческих организаций показывает, что размах ее был количественно шире, чем в Петербурге. Кроме того, здесь зародились новые формы ее организации (общестуденческие издательства).

Старейшим и одним из самых крупных по выпуску литературы являлось издательство студентов Московского технического училища. Результаты его деятельности, формы организации работы, высокое качество продукции - все это давало основание руководителям издательства заявлять что оно "вполне оправдывает положение главы и образца студенческих издательских организаций России" [23].

Издательство Технического училища возникло в 1902 г. В ноябре этого года правление студенческой кассы взаимопомощи училища избрало из своей среды Издательскую комиссию для организации издания лекций. Инициатива студентов встретила доброжелательное отношение со стороны профессоров и преподавателей, что в немалой степени обеспечило успех начатого дела, хотя оно и не получало, в отличие от других учебных заведений, никакой материальной поддержки от правления училища. В 1910 г. для расширения базы и усиления "демократических форм" организации работы осуществляется переход от сравнительно "замкнутого строя" Издательской комиссии к широкому Издательскому обществу. 16 августа 1910 г. взамен Издательской комиссии учреждается "Студенческое издательское общество при Тех-

ническом училище", в состав которого сразу же записалось около 800 студентов[24]. В 1913 г. в Обществе состояло 500 человек; на деле же делами издательства по-прежнему продолжала заниматься сравнительно небольшая группа студентов, а общее собрание членов, несмотря на неоднократные попытки, в течение трех лет ни разу не удалось собрать [25].

За первые 10 лет издательство Технического училища выпустило 68 пособий, из них 23 типографских и 45 литографированных. Наибольшего размаха его работа достигла в 1911-1913 гг., когда ежегодно выпускалось более 10 названий. Большой удельный вес типографских изданий - одна из особенностей этого издательства. Среди этих изданий: Астров А.И. Водяные турбины (2 издания, 1902 и 1907 гг.), Жуковский Н.Е. Аналитическая механика (несколько изданий, 1903, 1904, 1910, 1911 гг.). В литографированном виде были выпущены книги Н.Е.Жуковского по теоретической механике (пять изданий), "Теоретические основы воздухоплавания" (ч.I, 1912), три издания "Описательного курса машин" А.И.Сидорова, курсы лекций К.А.Круга "Техника переменного тока" (1908), П.А.Велихова "Строительная механика" (1914), учебные пособия Н.А.Шапошникова по высшей алгебре, дифференциальному исчислению и математическому анализу (1903-1904 гг.) и многие другие. Кроме курсов лекций, выпускались также пособия к практическим занятиям (например: Таблицы по термодинамике, 1907; Пешель О.П. Руководство к практическим занятиям в электротехнической лаборатории, 1907; Жуковский Н.Е. Задачник по теоретической механике, 1900).

Представляет интерес предпринятый издательством выпуск специальной серии "Техническая библиотека студенческой издательской комиссии", в рамках которой удалось издать несколько книг, в том числе книгу Н.Е.Жуковского "Теория регулирования хода машин" (ч.I, 1909). Заслугой издательства является и выпуск в 1915 г. "Каталога важнейших русских руководств по главнейшим вопросам техники. 1902-1915", дававшего возможность получить представление о состоянии учебной литературы в области техники и обеспеченности ею отдельных разделов и дисциплин. В отличие от других студенческих издательств оно принимало к изданию и пособия других высших учебных заведений

по общенаучным дисциплинам (математике, физике и т.д.).

Книгам издательства Технического училища присущ сравнительно высокий уровень технического оформления. Как отмечалось в обзоре его деятельности за 10 лет, "заботливое отношение к изданиям, тщательность подготовки, строгость корректуры, стремление к изящному виду дают возможность признать наши издания по внешнему виду далеко не последними" [26]. Авторы - профессора училища (А.И.Астров, Н.И.Лахтин, И.А.Тищенко) с признательностью отмечали большой труд студентов, обеспечивших необходимое качество изданий их курсов. Большое внимание уделялось и улучшению содержания пособий, чему во многом способствовало участие профессоров в исправлении и дополнении подготовляемых студентами рукописей, "причем профессора всегда с охотой шли навстречу Обществу" [27]. При этом авторы пособий не ограничивались исправлениями, а нередко дополняли рукописи новыми разделами, не входившими в узкие рамки учебной программы и дававшими возможность более углубленной теоретической проработки отдельных вопросов или позволявшими ознакомиться с практическими инженерными задачами и их решением. Текст некоторых пособий в связи с этим набирался двумя шрифтами - для выделения программного и дополнительного материала.

Признанием высокого уровня изданий студентов Технического училища стало приглашение издательства к участию в ряде съездов (воздухоплавательном, цементном, школьном, книгопродавческом) и награждение его поощрительным отзывом Русского технического общества.

Много усилий затрачивало Издательское общество и на решение задачи удешевления выпускаемых пособий. Задачу эту в полной мере решить не удалось ввиду общего удорожания бумаги и полиграфических работ. Но и достигнутое сохранение цен (при росте стоимости типографских и литографских работ на 46,4% цена типографских пособий увеличилась за 10 лет лишь на 4%, а литографированных - на 0,8%) составляло большую заслугу издательства [28]. Это достигалось, главным образом, благодаря увеличению тиражей: если в 1902/3 г. они составляли 200-300 экземпляров, то к 1911/12 г. литографированные курсы выпускались тиражом около 1 тыс. экземпляров, а типографские - 2-3 тыс. экземпляров. Эти цифры говорят и о росте распрост-

ранения изданий Технического училища среди студенческой молодежи страны.

В Московском университете функционировало несколько самостоятельных студенческих издательств: издательские комиссии обществ взаимопомощи студентов-юристов, студентов-филологов, студенческая медицинская издательская комиссия им. Н.И.Пирогова общества студентов и курсисток по устройству столовых и другие. Наличие нескольких издательских комиссий вызывало попытки создания межфакультетской организации. В результате в 1909 г. была учреждена Студенческая межфакультетская комиссия Московского университета, созданная на основе договора двух обществ - Общества взаимопомощи студентов университета и Общества взаимопомощи студентов-медиков. При ее создании предполагалось скоординировать усилия двух организаций с целью обеспечить издание, с одной стороны, необходимых студентам и доступных по цене пособий, а с другой - книг, "выгодных для Комиссии с финансовой стороны"[29].

За годы своего существования Межфакультетская комиссия выпустила немало серьезных руководств, написанных университетскими профессорами, а также ряд переводных книг. Заслуживают упоминания работы Б.М.Бубекина (Летательные аппараты. Под ред. Н.Е.Жуковского, 1910), Д.Ф.Егорова (Интегрирование дифференциальных уравнений, 1913), С.А.Чаплыгина (Механика системы. Ч.I-2, 1911-1913). Среди изданных переводов были: М.Леблан. Учебник электрохимии; О.Варбург. О кинетической теории газов; Я.Вант-Гофф. Расположение атомов в пространстве. Из приведенных примеров видно, что Комиссия издавала не только курсы лекций, но и работы монографического характера. Многие из них были изданы типографским способом.

Немало литографированных курсов по праву, политической экономике и статистике выпустила Издательская комиссия Общества взаимопомощи студентов-юристов. Однако к 1909/10 г. деятельность ее замерла вследствие ряда причин, в том числе растрат в кассе Общества[30]. Заслуживает быть отмеченным издание этой комиссией в 1908 г. материалов статистического семинария, работавшего при юридическом факультете Московского университета: "Студенческий квартирный вопрос в Москве. (Студенческая квартирная перепись в

Москве в 1907 г.)". Это издание содержит интересные фактические сведения о материальном положении дореволюционного московского студенчества.

Студенческая медицинская издательская комиссия им. Н.И.Пирогова (кстати, продолжавшая свою деятельность и после Октябрьской революции) выпустила большое количество курсов, читавшихся на медицинском факультете Московского университета, в том числе: Победимский Н.И. Краткий учебник акушерства, несколько изданий; Сербский В.П. Руководство к изучению душевных болезней, 1911; Снегирев Ю.В. Краткая терапия женских болезней, 1911. Среди изданий Комиссии значительное место занимали переводы руководств зарубежных авторов (Ф.Бокенгеймера, А.Дюрсена, Э.Нейссера, П.Рюбо, П.Карбье и других). Выпускавшиеся ею руководства предназначались как студентам, так и практическим врачам. Особняком стоит книга М.А.Членова "Половая перепись московского студенчества и ее общественные задачи" (1909), подводившая итоги исследования, проведенного в 1903/4 г. членами Пироговского студенческого научного общества.

Общество взаимопомощи студентов-филологов, возникшее в 1908 г. и насчитывавшее к концу 1912 г. 250 членов[31], имело свое издательство, книжную лавку, комиссионную торговлю книгами, в том числе подержанными. Оно участвовало в создании межвузовского "Студенческого издательства" и газеты "Студенческое дело". Издательская комиссия общества выпускала курсы лекций, преимущественно литографированные. Как отмечал журнал "Вестник студенческой кооперации", комиссия пользовалась "бесплатным сотрудничеством профессоров, которые дают материалы для издания или редактируют материалы составителей"[32]. 30 % прибыли комиссия перечисляла в кассу взаимопомощи факультета для выдачи пособий нуждавшимся студентам.

Издательская комиссия студентов-филологов выпускала ежегодно по 12-16 книг по русской и всеобщей истории, философии, русскому языку, истории русской и зарубежной литературы. Их тематика совпадала с программой Высших женских курсов, поскольку преподавание многих предметов в обоих учебных заведениях вели одни и те же профессора. На курсах достаточно активно действовало "Издательское общество слушательниц историко-философского факультета", цель

которого, согласно уставу, заключалась в "удовлетворении нужд слушательниц в учебной и научной литературе и в учебных пособиях", достигаемая изданием "с согласия автора" курсов лекций, читавшихся на историко-философском факультете, а также лекционных курсов "других учебных заведений, нужных для слушательниц" [33].

Все это создавало условия для нездоровой конкуренции двух издательских комиссий. Для преодоления ее комиссии университета и Высших женских курсов заключали различные соглашения, определяющие права на издание отдельных курсов, распределение тиражей и т.д. Однако эти соглашения не были прочными и нередко нарушались.

Широкой известностью пользовались издания студентов Московского сельскохозяйственного института (Петровской сельскохозяйственной академии). Студенческое издательское общество возникло здесь в 1912 г. До создания общества отдельными студентами и их группами делались попытки наладить издание конспектов и курсов лекций, но они не увенчались успехом. Вопрос о налаживании издания пособий неоднократно обсуждался на студенческих сходках, и лишь после полуторагодичных стараний устав Общества был утвержден 22 мая 1912 г. Советом института. Согласно уставу книгоиздательства, оно учреждалось "с целью издания курсов, читаемых в институте, с разрешения их авторов, а также других книг, могущих служить пособием при прохождении различных агрономических дисциплин" [34].

За короткий срок своего существования издательство сумело выпустить ряд солидных книг, пользовавшихся спросом не только у студентов, но и у агрономов, земских деятелей и других специалистов, имевших отношение к сельскому хозяйству. Издательство имело 42 комиссионеров в 15 городах, причем заказы провинциальных читателей-нестудентов занимали основное место. Издательство выпускало в среднем 5-6 книг в год. Большую помощь студентам в этом деле оказывали профессора института, особенно В.Р.Вильямс, что, кстати, было характерно и для кооперативного студенческого издательства "Новый агроном", функционировавшего в этом учебном заведении уже в советское время.

Издательство Сельскохозяйственного института имело ряд особенностей, отличавших его от большинства студенческих издательств.

Оно издавало не только учебные руководства, но и научные и популярные книги для агрономов, ветеринаров, сельского хозяина вообще. Такая ориентация, вызывавшая возражения со стороны многих студентов, считавших, что она уводит издательство в сторону от нужд студенчества, обеспечивала высокие для того времени тиражи книг (до 5 тыс. экземпляров). При этом книги выпускались типографским способом, а авторам-профессорам выплачивался гонорар.

Хотя, согласно уставу, студенческое издательство института имело целью выпуск пособий для прохождения "агрономических дисциплин", его продукция охватывала и другие отрасли, прежде всего животноводство: курсы и пособия Е.А.Богданова (Происхождение домашних животных, 1913; Основы менделизма, 1912; Критика так называемой датской системы кормления скота и обоснование улучшенной зерновой системы кормления, 1913; и другие), М.И.Придорогина (Экстерьер сельскохозяйственных животных, 1913; Коневодство, 1915), "Краткое руководство по общей патологии животных" Г.И.Гурина, изданное в 1912 г. и допущенное Министерством земледелия в качестве учебного пособия для всех учебных заведений. Из пособий агрономического цикла необходимо, прежде всего, назвать курс В.Р.Вильямса "Почвоведение" в четырех выпусках (два выпуска были изданы уже после Октябрьской революции). Часть дохода от издания этой книги перечислялась в фонд возвратных стипендий для нуждающихся студентов[35].

Книги студенческого издательства Сельскохозяйственного института были высоко оценены профессиональной печатью и специалистами: им было получено 10 отзывов, опубликованных в сельскохозяйственных журналах на 6 изданий, и отзывы Ученого комитета Департамента земледелия на 4 издания[36].

Студенческое издательство не было единственной издательской организацией студентов института. Издательскую деятельность осуществляли учебная библиотека студентов, студенческий кружок общественной агрономии, выпустивший, кроме отчетов о своей работе, сборник "Жизнь деревни" (1913) и "Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России" (1912), содержавший наиболее полные сведения о 200 подобных учреждениях, собранные коллективным трудом пятидесяти студентов.

В Москве получили практическое воплощение предложения о создании общестуденческих (межвузовских) кооперативных издательств, хотя конкретные обстоятельства их возникновения серьезно искажали их кооперативный характер.

Издательство "Высшая школа" выросло из Издательской комиссии Московского коммерческого института. Отказавшись от предложения ректора присоединиться к канцелярии института, Комиссия вынуждена была в конце 1913 г. легализироваться вне стен института на общих основаниях как товарищество на вере под названием "Высшая школа", выполняющее функции межвузовского издательства. В его создании и деятельности участвовало более 30 студенческих землячеств разных учебных заведений, хотя юридическая форма товарищества и устраняла их, как обычных пайщиков, от управления делами издательства.

В одном из своих объявлений издательство указывало, что оно "является одной из первых попыток студенческого кооперативного строительства в области книжного потребления. Основная задача издательства - удешевление книги для студенческой потребительской массы - достигается путем издания лекций, пособий и руководств по курсу высших учебных заведений, а также путем льготной продажи книг, обращающихся на книжном рынке"[37]. Со временем торговля чужими изданиями стала занимать все большее место в работе издательства, что отрицательно влияло на развитие его собственной издательской деятельности.

Тематика выпускавшихся издательством книг была довольно широкой: физико-математические дисциплины (Власов А.К. Теория вероятностей с приложениями к математической статистике, 1916), география (Анисимов В.И. Экономическая география России, 1915; Синицкий Л.Д. Лекции по землеведению (антропогеография), 1913), право (Вормс А.Э. Источники торгового права, за исключением морского, 1914; Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права, 1914), экономические и социальные учения (Булгаков С.Н. История социальных учений XIX в., 1913), политическая экономия, кооперация, банковское дело и счетоводство (Жид Ш. Различные формы кооперации, 1917; Мануйлов А.А. Учение о деньгах, несколько изданий; Эпштейн Е.М.

Банковое дело, 1917) и т.д. Несмотря на такое разнообразие, в изданиях "Высшей школы" все-таки преобладал гуманитарный уклон, в чем проявлялись особенности его возникновения из Издательской комиссии Коммерческого института.

Издательство "Высшая школа" продолжало функционировать и некоторое время после Октябрьской революции, как и другая московская общестуденческая организация - "Студенческое издательство".

"Студенческое издательство" возникло в конце 1913 г. на базе Издательской комиссии Общества взаимопомощи студентов Московского университета, которая вынуждена была зарегистрироваться на общих основаниях, как товарищество на вере в виде торгового дома "Подляский, Чикик, Мещеряков и К°". Целый ряд конкретных обстоятельств возникновения и первых шагов этого издательства (растрата средств кассиром, преобладание в руководстве представителей течения "узкого экономизма", неудачная правовая форма организации, делавшая пайщиков - студенческие организации - неполноправными участниками управления и т.д.) вызывал резкую критику на страницах студенческой прессы. Критиковалось также медленное развертывание работы организованного в 1915 г. "отдела демократической литературы", малый объем издательской продукции по общественно-политическим вопросам [38].

Но как бы то ни было, самый факт создания общестуденческого издательства имел принципиальное значение. Дело постепенно налаживалось, и по своим оборотам "Студенческое издательство" выросло в самую крупную издательскую организацию студентов. Значительное место в его деятельности с самого начала занимала комиссионная торговля книгами. В 1915 г. им было принято на комиссию книг других издательств почти на 35 тыс. рублей, расширялась и передача на комиссию собственных изданий, а также высылка книг наложенным платежом студентам других городов [39]. Межвузовский характер издательства подчеркивается и неоднократными предложениями авторов из Одессы, Саратова, Харькова об издании своих курсов.

Пайщиками "Студенческого издательства" к 1916 г. состояло 44 организации - преимущественно землячества, а также кассы взаимопомощи и издательские комиссии (Университета, Технического

училища, Высших женских курсов, Сельскохозяйственного института и т.д.). В 1915 г. издательство предприняло шаги к объединению деятельности вузовских издательских комиссий, выдвинув предложение о создании объединенного склада изданий и осуществлении совместных изданий. Однако проведенные по этим вопросам совещания к реальным результатам не привели [40]. По этому поводу журнал "Вестник студенческой кооперации", пропагандист идеи объединения студентов для защиты от натиска частных издателей, указывал, что главная задача создания "Студенческого издательства" не достигнута. "Основанное для объединения всех студенческих издательств, Издательство вынуждено ограничиваться преимущественно посреднической ролью ... Главная функция предприятия - собственное издательство, объединение студенческого издательского дела в целях вытеснения книжников из сферы обслуживания масс учащихся научными и учебными пособиями - пока остается только в идеале" [41].

Согласно уставу "Студенческое издательство" учреждалось "для издания книг, лекций, брошюр, газет, журналов, для содержания библиотек, читален, типографий, литографий и других подобных промышленных предприятий и для торговли всякого рода произведениями печати и писчебумажными принадлежностями" [42]. На практике же его деятельность свелась к изданию учебных руководств и монографий и к их продаже.

Тиражи книг, выпускавшихся "Студенческим издательством", были выше, чем в большинстве студенческих издательских организаций: как правило, 1000 и более экземпляров; при этом они издавались преимущественно типографским способом. В отличие от "Высшей школы" здесь преобладала физико-математическая и естественнонаучная тематика. Среди изданных книг - курсы С.С.Бюшгенса "Теория определителей" (1914) и "Высшая алгебра" (1914), Д.Ф.Егорова "Интегрирование дифференциальных уравнений" (1915), Б.К.Млодзеевского "Основы аналитической геометрии в пространстве" (1915), П.К.Штернберга "Курс описательной астрономии" (1915), С.Ф.Глинки "Минералогия" (1917). О характере изданий и самом процессе подготовки рукописей можно судить из предисловия составителя к курсу П.К.Штернберга, где, в частности, сказано: "На русском языке в настоящее время нет тако-

го руководства, которое с достаточной полнотой отвечало бы на все вопросы университетской программы... Ввиду этого у меня возникла мысль составить и издать курс описательной астрономии по плану курса, читаемого профессором П.К.Штернбергом в Московском университете, на что я получил разрешение уважаемого лектора. При составлении курса я стремился придерживаться, с одной стороны, изложения профессора, с другой, ответов на все вопросы программы, благодаря чему в настоящую книгу пришлось вставить изложение тех вопросов программы, которые по тем или иным причинам были упущены профессором на лекции" [43].

"Студенческое издательство" предприняло интересную попытку выпуска серии библиографических указателей по различным проблемам общественной жизни, интересовавшим учащуюся молодежь (самоуправление, кооперация, социология, рабочий вопрос, аграрный вопрос и т.д.). Правда, из этого плана удалось реализовать лишь одно издание: в 1916 г. вышел в свет указатель по народному образованию с предисловием И.В.Владиславлева.

Как уже указывалось выше, студенческие издательства существовали, кроме Петербурга и Москвы, в Киеве, Харькове, Воронеже и других городах. Но их деятельность зачастую ограничивалась выпуском программ учебных курсов, дополнений к учебникам, а главное - комиссионной торговлей. Так, Издательская комиссия кружка взаимопомощи студентов Воронежского сельскохозяйственного института выпустила некоторые программы учебных курсов, сборник "Студенческое слово" (1916) и однодневную газету того же названия. В Киевском университете существовало несколько издательских организаций: издательская комиссия студентов-медиков, библиотека студентов-юристов; в Киевском политехническом институте выпуском учебных пособий занимался инженерный кружок студентов, а студенческая касса взаимопомощи издала сборник статей, писем и заметок о тяжелом материальном положении и самоубийствах учащихся (На помощь молодежи, 1910).

Книгоиздательскую деятельность осуществляли и некоторые редакции студенческих журналов и газет, в большинстве случаев ограничиваясь выпуском 1-2 сборников или книг (журнал "Путь студен-

чества", газета "Голос студенчества" и другие). В качестве примера более долговечной книгоиздательской практики можно привести монархический журнал "Вешние воды", издавший около 20 книг и сборников, в числе которых, наряду со сборниками, отражавшими политическую позицию редакции ("Молодая Русь", "Студенческий сборник" и другие) была и книга основателя и руководителя первого оркестра русских народных инструментов В.В.Андреева "Справочник или краткое руководство для оборудования великорусского оркестра" (1916).

Представляют особый интерес попытки издания учебных пособий студенческими библиотеками. Возникновение этих библиотек связано с особенностями дореволюционной высшей школы, где студенты были лишены возможности пользоваться в процессе обучения научными библиотеками вузов и поэтому вынуждены были создавать на свои средства учебные библиотеки. Для того чтобы удовлетворить потребности студентов в учебных пособиях (не следует забывать, что большинство вузовских студенческих издательств обеспечивало пособиями студентов данного года обучения, данного курса или семестра, в результате чего последующие поколения студентов зачастую лишались возможности их приобрести), необходимо было поднять роль студенческих библиотек. Уставы студенческих издательств многих вузов обязывали направлять несколько экземпляров всех выпущенных ими книг в студеческие библиотеки данных учебных заведений. Но такой меры оказалось недостаточно. Без тесной связи студенческих издательств, студенческих книжных магазинов и студенческих библиотек задачу невозможно было решить в полной мере. Отсюда и предложения об объединении всех трех видов студенческой кооперации - издательской, книготорговой и библиотечной, к сожалению, не реализованные, и попытки некоторых студенческих библиотек организовать самостоятельную издательскую деятельность. Так, библиотека студентов-юристов Киевского университета выпустила "Хрестоматию по институциям гражданского римского процесса" (1908) и перепечатала курс лекций по статистике А.И.Чупрова, изданный студентами Петербургского политехнического института. Несколько литографированных пособий издала студенческая библиотека Петроградского института

инженеров путей сообщения(Пио-Ульский Г.Н. Паровая механика, 1915; Чупров А.И. Курс статистики, 1915). В 1910 г. начала выпускать отдельные руководства и студенческая библиотека учебных пособий Московского сельскохозяйственного института. К 1915 г. ею было издано 7 книг по дисциплинам, не обеспеченным книгами других издательств (лесоустройство, некоторые отделы животноводства и т.д.). Полученные от издания этих книг средства библиотека использовала для пополнения своего фонда другими необходимыми учебными пособиями [44].

Анализ деятельности студенческих книгоиздательств в целом позволяет сделать вывод о том, что они сыграли значительную роль в обеспечении учащихся высшей школы необходимой учебной литературой, в формировании самого типа вузовского учебника. Выпустив несколько сотен названий учебных пособий по самым разнообразным дисциплинам, в том числе и тем, по которым какие-либо руководства вообще отсутствовали, эти издательства внесли существенный вклад в дело подготовки нужных стране специалистов.

Конечно, нельзя не видеть и некоторой противоречивости в деятельности этих издательств. Хотя большинство из них постепенно отказались от издания конспектов и различного рода "решальников", преследующих узкую цель оказания помощи в сдаче экзаменов и натаскивания к ним, тем не менее многие из выпущенных пособий не освободились полностью от этой ориентации на сдачу экзаменов. Некоторые курсы, а особенно конспекты, в определенных условиях становились злом, поскольку содержали собрания готовых формул и положений и не давали систематического представления о данной науке в целом. Постепенно, особенно с расширением практики привлечения самих профессоров, читавших курсы, к подготовке рукописей, эти негативные стороны сглаживались. Известная ограниченность продукции студенческих издательств состояла также и в том, что многие, даже хорошо выполненные пособия приурочивались к экзаменам у данного профессора, в данном учебном заведении.

Но и такой этап был необходим - как звено в процессе рождения учебника в подлинном смысле этого слова. Многие выпущенные студентами курсы лекций после многократных переизданий в студен-

ческих издательствах становились объектами тщательной доработки профессоров - авторов курса и издавались затем крупными издательствами, большими тиражами в помощь преподаванию соответствующей дисциплины во всех учебных заведения данного профиля. Такой путь прошли очень многие учебники, и в этом также определенная заслуга студенческих издательств, несмотря на всю узость и ограниченность решавшихся ими задач.

В 1920-е гг., при острой нехватке необходимых учебных пособий, учащаяся молодежь советских вузов также широко развернула работу своих издательств. Но их деятельность, носившая к тому же временный характер, восприняв некоторые организационные формы дореволюционных студенческих издательств, протекала в совершенно иных условиях, в числе которых главным и определяющим стала планомерная и организованная на государственном уровне работа по созданию стабильных и высоко научных учебников для студентов всех учебных заведений, широкое привлечение к этому лучших научно-педагогических сил высшей школы.

Примечания

1. Ленин В.И. ПСС, т.5, с.334.
2. См.: Ленин В.И. ПСС, т.7, с.342-343.
3. Студенчество, 1906, № 3, с.3.
4. См.: Ленин В.И. ПСС, т.12, с.150-153.
5. Черняк А.Я. История технической книги. М., 1981, с.120.
6. Студенческая жизнь, 1910, 1 авг.
7. Голос политехника, 1910, вып.4, с.6.
8. Вестник студенческой кооперации, 1916, № 2, с.8.
9. Молодая жизнь, 1912, № 1, с.30.
10. Студенческая мысль, 1910, № 4, с.6-7.
11. Молодая жизнь, 1912, № 3-4, обл.
12. Студенческое дело, 1913, 28 апр.
13. Там же, 30 марта.
14. Студенческая жизнь, 1913, 1 марта.
15. Отчет студенческой кассы взаимопомощи при Петербургском политехническом институте за 1908-1909 г. Спб., 1910, с.21.

16. Там же, с.10, 20.

17. Байков А.А. Металлургия меди: Конспект лекций. Спб., 1907, с.357.

18. В затишье, 1910, февр., с.39.

19. Там же, 1913, сент., с.59.

20. Так, курс Ф.И.Холуянова "Электромеханика" был переиздан студенческим издательством КУБУЧ в 1925 г.

21. Протоколы заседания Совета С.-Петербургского университета за 1907 г. Спб., 1908, с.345.

22. Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1915, с.243.

23. Студенческое издательское общество при имп. Техническом училище. 1902-1911. М., 1913, с.29.

24. Там же, с.10.

25. Студенческое дело, 1913, 30 марта.

26. Студенческое издательское общество.., с.14.

27. Там же.

28. Там же, с.19.

29. Голос студенчества, 1910, 28 окт.

30. Студенческая жизнь, 1910, 7 марта.

31. Студенческое дело, 1913, 9 нояб.

32. Вестник студенческой кооперации, 1916, № 2, с.15.

33. Устав Издательского общества слушательниц при историко-философском факультете Московских высших женских курсов, М., б.г., с.1.

34. Устав Книгоиздательства студентов Московского сельскохозяйственного института. М., 1912, с.1.

35. Известия студенческих организаций МСХИ, 1915, вып.1, с.4.

36. Там же, с.123.

37. Вестник студенческой кооперации, 1916, № 3, обл.

38. Там же, № 1, с.13.

39. Студенческое издательство: Годовой отчет за 1915 год и смет. предположения на 1916 год. М., 1916, с.6-7.

40. Там же, с.16-17.

41. Вестник студенческой кооперации, 1916, № 1, с.15.

42. Новый проект договора "Студенческого издательства". М., 1914, с.3.

43. Штернберг П.К. Курс описательной астрономии. М., 1915, с.1.

44. Известия студенческих организаций МСХИ, 1915, вып.1, с.16; Вестник студенческой кооперации, 1916, № 2, с.8.

С.А.Пайчадзе

КНИЖНОЕ ДЕЛО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв. [I]

Закономерным следствием процесса освоения Дальнего Востока, роста его экономического и культурного потенциала явилось возникновение и развитие местного издательского дела и книжной торговли.

Анализ начального периода дальневосточного книгоиздания, возникшего в конце прошлого столетия, позволяет отметить две особенности выпуска литературы в регионе.

Во-первых, в ряде случаев книги издавались казенными типографиями, подчинявшимися губернаторам (Благовещенск, Хабаровск) или местному военно-административному руководству (типография Сибирского флотского экипажа во Владивостоке, типография полицейского управления в Александровске-на-Сахалине и др.). Несколько позднее издателями, в основном, выступают частные лица, научные и учебные заведения, общественные организации (географическое, благотворительные и тому подобные общества), церковь, торговые фирмы. Такая ситуация в известной мере напоминает организацию книгопечатания в Туркестане после его присоединения к России[2].

Во-вторых, известную роль в развитии книгоиздания на Дальнем Востоке сыграла местная интеллигенция, в том числе политические ссыльные. Люди передовых взглядов, они старались содействовать развитию народного образования, медицины, библиотечного дела, участвовали в научных исследованиях, нередко поддерживали организацию печати и открытие типографий[3]. Одним из таких подвижников был П.Д.Баллод, в прошлом организатор нелегальной "Карманной типографии"[4].

Первое непериодическое издание региона - брошюра "Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края" И.П.Надарова - увидело свет в 1884 г. во Владивостоке. Здесь же в 1885 г. издается брошюра Я.Л.Семенова "Промысел морской капусты в Японском море". В 1886 г. выходит первая книга в Благовещенске. Эта работа И.С.Боголюбского ("Золотопромышленность в Амурской и Примор-

ской областях с открытия россыпей до I января 1886 года") стала и первым дальневосточным изданием, продававшимся в столице. С конца 1880-х гг. возобновляется книгоиздание в Забайкальской области, входившей в 1884-1906 гг. в состав Приамурского генерал-губернаторства[5].

Несколько позднее начинается выпуск книжной продукции в Хабаровске и других населенных пунктах края. В 1893 г. города Дальнего Востока составляли уже 2 % от общего числа городов империи, печатавших книгу.

Постепенно книга, изданная местными типографиями, становится все более известной за пределами региона. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в 1893 г. ученые г.Лимы (Перу) обратились к Обществу изучения Амурского края с предложением об обмене изданиями[6]. В 1896 г. в экспозицию Приамурского края на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде были включены "главнейшие издания", выпущенные полиграфистами Хабаровска, Владивостока, Благовещенска[7]. Их количество позволяет говорить о среднем ежегодном выпуске на дальневосточной территории в предыдущее десятилетие минимум двух-трех книг. Данный показатель ниже среднего числа книг, составлявшего для издающих центров русской провинции в начале 1890-х гг. семь названий в год[8].

Однако приведенные сведения не свидетельствуют об абсолютной отсталости книгоиздания на Дальнем Востоке. Их следует рассматривать лишь в контексте рассуждения об общей неразвитости книгоиздания в русской провинции. Известно, что в 1890 г. в России только в 32 городах число опубликованных книг превысило 10, а в 110 городах печаталось от I до 10 книг ежегодно[9].

Если в Забайкальской и Амурской областях было выпущено в указанном году по одной книге, то аналогичное положение было и в старых культурных центрах - Астраханской, Архангельской, Смоленской, Черниговской и других губерниях. Большинство из них превосходили Дальний Восток и по численности населения. Так, в конце XIX в. в Смоленской губернии проживало более I млн. 150 тыс. человек, а на дальневосточных землях - около 200 тыс. человек.

Наличие группы культурных гнезд в регионе, достаточно активное развитие производительных сил и приток населения (к 1916 г. здесь насчитывалось свыше 900 тыс. человек без учета воинских контингентов и русских жителей Маньчжурии)[10] способствовали в начале XX в. дальнейшему росту выпуска книжной продукции. Так, в 1908-1915 гг. число непериодических изданий в крае колебалось в пределах 63-64; максимальный уровень зафиксирован в 1913 г., когда в свет вышло более 80 различных работ. Ведущую роль в местном издательском деле играл Владивосток. В этом городе ежегодно выпускалось около 55 названий книг и брошюр. Второе место по количеству названий занимал центр генерал-губернаторства - Хабаровск.

Отметим, что дальневосточные города по числу выпускаемых книг не уступали многим губернским и иным культурным центрам России. Так, старинный сибирский город Иркутск постоянно публиковал книжной продукции меньше, чем Владивосток. Хабаровск издавал книг в 2-3 раза больше, чем Красноярск. В отдельные годы даже далекий Петропавловск-на-Камчатке выпускал до 3 изданий, обгоняя Якутск (1915). Заметим, что в 1915 г. столько же книг издала Астрахань.

В годы первой мировой войны, когда число центров, печатающих книги, снизилось до 380, города, выпускающие книжную продукцию на Дальнем Востоке, вновь составили около 2 % от их общего количества в стране.

По сведениям из сборника "400 лет русского книгопечатания", средние тиражи книжных изданий не превышали для провинции 2 тыс. экземпляров. Для небольших городов этот показатель равнялся 300-400 экземплярам[11]. По нашим данным, максимальные тиражи на Дальнем Востоке достигали 3,5-10 тыс., а средние не превышали 500-1000 экземпляров.

В общей сложности в начале века на Дальнем Востоке действовало до 50 полиграфических предприятий, выпускавших издательскую продукцию. Многие из них существовали весьма непродолжительное время, как это было с Хабаровским коммерческим товариществом "Приамурское военное издательство", сумевшим выпустить, по нашим данным, лишь одну брошюру.

Наиболее крупными типографиями в начале века были типографии Восточного института, предпринимателя Иосифа Коротя и некоторые другие.

Анализируя книжный поток на Дальнем Востоке, необходимо отметить, что одной из основных ветвей местного книгоиздания являлся выпуск краеведческой литературы, отражавшей проблемы, связанные с освоением края. Главными ее издателями являлись Приамурский отдел Русского географического общества и его Владивостокское отделение (Общество изучения Амурского края). Помимо ряда книг и брошюр, эти организации выпустили десятки томов "Трудов" и "Записок", содержащих материалы по широкому кругу вопросов, в том числе по сельскому хозяйству, рыбным промыслам, лесной промышленности.

Основной проблематикой научной книги являлись востоковедение, история, физическая и экономическая география Дальнего Востока. В начале века изучение зарубежных стран велось во владивостокском Восточном институте с большой глубиной и размахом. Ежегодно Институт выпускал до 15 названий работ тиражом 4-5 тыс. экземпляров. Его издательская база позволяла публиковать книги на английском, японском, монгольском, китайском языках. Труды профессоров и преподавателей Института сделали имена многих из них известными мировой науке[12].

Дальневосточников волновали не только современные проблемы, но и прошлое исконно русских земель, история их освоения. Об этом свидетельствуют, например, работа М.Е.Жданко "Роль моряков на Дальнем Востоке России" (Владивосток, 1910), брошюры о деятельности адмиралов Г.И.Невельского и В.С.Завойко.

Широко издавались в регионе книги и брошюры, посвященные хозяйственным вопросам. Среди них можно отметить работы по горному делу, например, "Заметки о разработках рассыпного золота в Хинганской системе" (Благовещенск, 1890).

Зарождение выпуска работ технической тематики в Хабаровске связано с именем С.Н.Ванкова, внесшего большой вклад не только в публикацию различных изданий но и в развитие библиотечного и музейного дела края[13].

Значительное место среди изданий технической тематики на Дальнем Востоке занимали работы, отражающие строительство и эксплуатацию железных дорог, а также развитие речного и морского транспорта. Эпизодически издавалась в регионе и военно-техническая книга.

По мере развития здравоохранения публиковались работы соответствующего содержания и, в частности, материалы съездов врачей. На одном из них В.К.Арсеньевым была произнесена речь, изданная отдельной брошюрой, под заглавием "Вымирание инородцев Амурского края" (Хабаровск, 1914). Известный путешественник и краевед призывал остановить наметившийся процесс резкого сокращения численности малых народов Дальнего Востока.

Материалы по народному образованию отражали процесс развития сети учебных заведений, но в целом тематика литературы по этой проблеме, как и по вопросам культуры, была узкой. По преимуществу ее представляли издания документального и справочного типа. Примером могут служить отчеты местных библиотек.

В конце XIX – начале XX вв. на Дальнем Востоке начался выпуск художественных произведений. Среди немногочисленных дальневосточных литераторов выделялся либерально настроенный издатель, организатор первого в регионе журнала "Природа и люди Дальнего Востока" Н.П.Матвеев-Амурский. Помимо работ, написанных и отпечатанных им во Владивостоке, известны его "Уссурийские рассказы", выпущенные издательством И.Д.Сытина в Москве в 1904 г., и петербургское издание "Стихотворений, пародий и подражаний" (1902 г.).

Всего за описываемый период на Дальнем Востоке вышло в свет около 40 литературно-художественных изданий.

Приведенные факты свидетельствуют о достаточно активном выпуске книжной продукции на Дальнем Востоке. Можно утверждать, что в конце XIX – начале XX вв. местное книжное дело формировалось как ветвь общероссийского книжного дела на восточной окраине государства. Практически одновременно с возникновением книгоиздания в крае возникли книготорговые предприятия.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют считать, что первые книжные магазины возникли в крае в 90-е гг. прошлого

столетия. Развивалась их сеть медленно, и к периоду перед первой мировой войной в крае насчитывалось, по нашим подсчетам, лишь около 20 магазинов и киосков, торговавших книгами.

Наиболее крупными предприятиями владели торговый дом братьев Синкевич, "Товарищество на вере Сущинский и К^{о}", сделавшее попытку соединить выпуск литературы, газеты и книжную торговлю под эгидой одной фирмы, книготорговцы С.М.Смертин и В.М.Бутряков. Наиболее масштабно организовало торговлю товарищество Янковского и Трусова, имевшее магазины во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском. Реклама этой фирмы публиковалась и в центре страны, ее представитель участвовал в работе первого Всероссийского съезда издателей и книгопродавцев.

Продажей книг на территории Дальнего Востока занимались, в основном, коммерсанты. Но вместе с тем имели место факты распространения литературы и различными просветительскими организациями. Так, в период 1905-1907 гг., судя по официальным отчетам бесплатной народной читальни г.Благовещенска, книжный склад при ней продал около 19 700 экземпляров книг.

В целом можно отметить, что местные власти не способствовали, а в годы реакции даже препятствовали развитию книжной торговли. Отдаленность от основных издательских центров, значительные затраты на выписку литературы заставляли книготорговцев действовать осторожно. Книжные магазины зачастую были малорентабельны, и их владельцы торговали не только конторскими и канцелярскими принадлежностями, но и вовсе посторонними товарами, имеющими спрос.

Предприятия, торгующие книгами, функционировали в рассматриваемый период не только в пределах отечественной территории. Русские книжные магазины имелись и в Харбине.

В этой связи необходимо отметить следующее. Материалы о русском книжном деле в зарубежных странах Азии на страницах нашей печати практически не помещались. Изучение книговедческой литературы показывает, что в исследовании истории русского книжного дела за рубежом в дооктябрьский период (и отчасти в более позднее время) фактически укоренился "европоцентризм". Данная проблема, весьма сложная и многоаспектная, впервые затронутая нами в

1973 г.[14], представляется темой самостоятельного исследования. Однако она столь тесно связана с излагаемым материалом, что необходимо хотя бы конспективно осветить ее в настоящей работе.

Русская культура в регионе взаимодействовала с культурой соседних стран, ее элементы оставили заметный след в истории некоторых городов Кореи, Японии, Китая. В.Г.Щебеньков, указавший на этот факт, отмечал, что взаимодействие культур устанавливалось через прямые контакты. информационные каналы, научный обмен[15]. В этой связи объективно обусловленным явлением представляется возникновение очагов русского книжного дела в сопредельных государствах. Там, где формировались более или менее стабильные группировки русских политэмигрантов, постоянного русского населения или военных, возникало, как правило, книжное дело или отдельные элементы его. Русские люди, широко и активно действовавшие на Дальнем Востоке, старались повсюду пользоваться отечественной литературой, что очевидно из архивных материалов и документов по истории библиотечного дела края[16]. Издания на русском языке выходили в Пекине, Порт-Артуре, Харбине, Иокогаме и других городах. В Урге работала русско-монгольская типография, выпускавшая газеты, книги и иную печатную продукцию.

Полученные нами материалы позволяют не только констатировать существование зарубежного русского книжного дела в Азии, но и поставить вопрос о необходимости расширения географических границ применения термина "вольная русская печать" за счет дальневосточного региона. Вольная русская печать здесь, хотя и имела меньшие масштабы, но, в принципе, была явлением того же порядка, что и в Европе. Сегодня можно указать несколько очагов ее проявления в период первой русской революции: г.Кобе (журнал Русселя [К.Н.Судзилевского] "Япония и Россия"), лагерь военнопленных Хамадера близ г.Осака (гектографированный журнал Г.С.Новикова-Даурского "Друг"), г.Нагасаки (эсеровская газета "Воля", место жительства политэмигрантов - социал-демократов, центр пересылки нелегальной литературы)[17].

Картина истории дальневосточного книжного дела будет далеко не полной, если не остановиться на вопросе о местных социал-де-

мократических и большевистских изданиях.

Основой для пропагандистской и агитационной работы местных партийных организаций являлись произведения В.И.Ленина, поступавшие на Дальний Восток из центра страны. В начале века здесь закладывалась также база большевистской нелегальной печати[18]. Социал-демократы стремились наладить выпуск брошюр, периодических изданий, листовок. Они имели типографии и гектографы во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, Харбине. Независимое, прежде всего большевистское печатное слово подвергалось беспощадному преследованию. Материалы о репрессивных мерах в области издательской практики составляют около 40 % всех документов местной цензуры, безраздельно распоряжавшейся легальной печатью[19]. Властями подавлялись любые попытки выступать против формулы-требования "Православие, самодержавие, народность". Так, в 1906 г. была сорвана попытка группы радикальных интеллигентов Владивостока организовать выпуск демократической "Универсальной библиотеки". Удалось издать единственный небольшого формата сборник рассказов А.М.Горького, почти весь тираж которого уничтожила полиция (нами изучен экземпляр из личной библиотеки владивостокского книголюба С.А.Иванова).

Выпуск и распространение нелегальных изданий усиливается в период первой мировой войны. Однако до Октября 1917 г. отдаленность Дальнего Востока от ведущих центров революционного движения, малочисленность социал-демократических организаций, отсутствие соответствующих технических возможностей и некоторые другие причины не позволили создать в крае самостоятельное книжное издательство для выпуска литературы революционного содежания. Основным орудием распространения марксистско-ленинских идей и организации масс вокруг партии являлись периодическая печать и листовки.

Коренным образом изменить ситуацию в области книжного дела, демократизировать его и полностью поставить на службу народу стало возможным только после победы Советской власти и окончательного изгнания сторонников свергнутого режима за пределы Дальнего Востока.

Примечания

I. Вопросы, рассматриваемые в настоящей статье, частично затронуты автором в работах: Начало книгопечатания на Дальнем Востоке, - Дал. Восток, 1979, № 5, с.129-132; Книга и книжное дело Дальнего Востока, - В кн.: Книга: Исслед. и материалы. М., 1982, сб.44, с.140-156.

2. Чабров Г.Н. Начало книгоиздательского дела в дореволюционном Туркестане. - Издат. дело: Книговедение, 1970, № 5 (II), с.3-4.

3. Щебеньков В.Г. Проблемы истории русской культуры на Дальнем Востоке в эпоху капитализма: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975, с.36-37.

4. Валескалн Н.И. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод. Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1957. 300 с.; Баренубам И.Е. Книжное дело и общественное движение 60-х - 70-х годов XIX века в России. - В кн.: Книга: Исслед. и материалы. М., 1964, сб.9, с.191.

5. Выпуск отдельных непериодических изданий осуществлялся в Чите еще в 60-х - середине 70-х гг., когда область входила в Восточно-Сибирское генерал-губернаторство.

6. Отчет Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1894, с.7.

7. Крюков Н.А. Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. М., 1896, с.94-97.

8. Куфаев Н.М. История русской книги в XIX веке. Л., 1927, с.241.

9. Здесь и далее сведения о числе изданий и тиражах книг даются на основе материалов Л.Н.Павленкова, опубликованных в приложениях к "Историческому вестнику" в 1887-1896 гг., и А.Д.Торопова, помещенных в работах "Выставка произведений печати" и "Статистика произведений печати, вышедших в России" за 1908-1915 гг.

10. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск, 1975, с.122.

11. Рубинштейн Е.И. Книгопечатание в русской провинции конца XIX - начала XX в. - В кн.: 400 лет русского книгопечатания. М., 1964, т.1, с.529.

12. Скачков П.Е. На рубеже веков. - Пробл. Дал. Востока, 1975, № 3, с.181-185.

13. Пайчадзе С.А. Симеон Ванков и его книги. - Дал. Восток, 1976, № 4, с.136-138.

14. Пайчадзе С.А. Некоторые вопросы истории и современного состояния книжного дела на Дальнем Востоке. - В кн.: Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1973, вып.17, с.47-48.

15. Щебеньков В.Г. Указ. соч., с.39.

16. См., напр.: ЦГА ВМФ, ф.417, оп.1, ед.хр.25-28, № 1-111 б, л.106; там же, № 229, л.289; Краткий очерк возникновения и деятельности Николаевской Публичной библиотеки. Хабаровск: тип.канцелярии генерал-губернатора, 1899, с.14.

17. Новиков-Даурский Г.С. Отзвуки революции 1905 г. среди русских пленных в Японии. - В кн.: Историко-археологические очерки: Статьи. Воспоминания. Благовещенск, 1961, с.171; Жебрак Е.Е. Читатель и чтение марксистской книги в Сибири в годы первой русской революции. - В кн.: Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1979, вып.43, с.61-64.

18. ЦГА ДВ РСФСР, ф.563, оп.1,ед. хр.1, л.53, 65; Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900-1978 гг.). Хабаровск, 1979, с.28-30.

19. ЦГА ДВ РСФСР, материалы фондов 24, 271, 563, 721.

Ю.А.Горшков

ТОРГОВЛЯ НАРОДНЫМИ ИЗДАНИЯМИ И КОНЦЕНТРАЦИЯ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА В ЛУБОЧНОМ КНИЖНОМ ДЕЛЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (1860-1870-е гг.)

Пореформенная деревня - основной потребитель лубка - получала его из рук офеней-ходебщиков, которые, в свою очередь, приобретали лубочные издания на ярмарках или в столицах. Следует отметить одну характерную особенность народной книготорговли: преобладание базарно-ярмарочных форм распространения продукции Никольского рынка и соответствующее развитие развозно-разносной торговли народными изданиями [1]. Однако, по мере развития капиталистических отношений в стране, набирала силу тенденция к усилению стационарной, прежде всего городской книготорговли. Этот процесс отчетливо прослеживается на примере Москвы.

Значение второй столицы как крупного торгового центра продажи народной литературы определялось ее ролью во внутренней торговле России. Находясь в узле важнейших водных и сухопутных дорог, Москва распределяла товарные потоки по всем направлениям. Ни один город страны по объему торговли не мог соперничать с ней. В результате, как отмечал известный русский экономист В.П.Безобразов, "закупка товара в самой Москве и заключение сделок прямо с нею, без посредничества ярмарки, до такой степени удобнее и выгоднее, что мы не раз слыхали соображения о необходимости на будущее время заказывать товары заблаговременно в Москве..."[2].

Усилению книготорговли в первопрестольной способствовал пожар Апраксина двора в Петербурге в 1861 г. - это позволило Москве занять монопольное положение в продаже народных изданий. Именно лубочно-народная книжная и картинная торговля во многом определяла тогда ход и характер московской книготорговли (недаром лубок называли "московским товаром")[3]. Развивалась не только стационарная (лавочки, шкафы), но и разносная торговля.

Общая неразвитость местной книжной торговли в стране, а также теснейшая связь обрабатывающей промышленности Москвы с ярмарками северной и южной России определили особую роль Нижегородской, Холуйской ярмарок и украинских оптовых торжищ в развитии московской торговли народными изданиями. На самую тесную связь книжной Москвы с ярмарочной торговлей указывает тот факт, что в 1844 г. на Нижегородской ярмарке "все книгопродавцы - из Москвы, покупатели - наиболее Сибиряки и разносчики; городовые торговцы выписывают книги прямо из Москвы и С.-Петербурга"[4]. Исключительное значение ярмарок для лубочных торговцев хорошо иллюстрирует тот факт, что ярмарочные обороты "московским товаром" заметно преобладали в их общем книготорговом обороте. Так, крупный издатель и торговец народной литературой П.Н.Шарапов в год торговал на 20 тыс.рублей, причем на Холуйской ярмарке он продавал своего товара, по-видимому, на 10-12 тыс., на Нижегородской - на 4-5 тыс. (в течение только полутора месяцев) и на украинских ярмарках - до 3 тыс.рублей[5].

Таблица I

Ярмарочные торговые обороты книжного и картинного товара, руб.сер.[6]

Годы	Холуйская ярмарка			Нижегородская ярмарка			Украинские ярмарки		
	привезено	продано	% непроданного товара	привезено	продано	% непроданного товара	привезено	продано	% непроданного товара
1854	-	-	-	112320	72988	35,0	43940	16388	62,7
1857.	205700	87400	57,5	-	-	-	-	-	-

Как видно из таблицы, наибольшая сумма привоза товара наблюдалась на Холуйской ярмарке. Именно отсюда начиналось движение

московских лубочных изданий по стране. Офеня-ходебщик покупает их здесь партиями и на вес, на срок, с уплатою или на Нижегородской, или на украинских ярмарках, и там же берет с условием заплатить на Тихвинской. Таким образом, слобода Холуй Владимирской губернии, являясь начальным и главным этапом книжной торговли, служит одновременно и ее исходом. Этот циклически-замкнутый характер ярмарочной торговли (Холуйская ярмарка - Нижегородская - украинские - Холуйская) обеспечивал возможность широко использовать кредит, что позволяло в конечном итоге доводить реализацию книжного товара до 85,9 %[7].

Однако, начиная с 1860 г. Холуйская ярмарка все более утрачивает свое значение. "... Прежде, до 1865 г., в сл. Холуй приезжало из Москвы 6 торговцев-издателей книжного Никольского рынка, потом только 2, а после 1880 года уже ни одного; ярмарку перестали посещать не только приезжие, но и свои местные книгопродавцы..."[8] Падение ярмарочных книготорговых оборотов наблюдалось и в Нижнем. Так, привоз книг и картин на Нижегородскую ярмарку 1864 г. составил только 71,2 % от уровня 1854 г., а оборот по продаже и того меньше - 61,7 %[9]. Здесь необходимо отметить следующее: если Холуйская ярмарка совсем сходит на нет, то Нижегородская только замедляет свои книжные обороты, оставаясь практически до конца столетия крупным книготорговым центром. Такое положение объясняется особой ролью как самой Нижегородской ярмарки, так и книжно-картинного товара в ее оборотах.

Взамен ухода с ярмарки крупных торговцев туда, по мере развития железнодорожного строительства, стал приходить коммерсант из отдаленных и глухих углов страны, ранее не рисковавший выездом, - мелкий и средний купец из расторговавшихся крестьян. "Особенно многолюдна ... толпа всякого рода кочевых торгашей и разносчиков, между которыми самые деятельные Владимирцы (офени), играющие не последнюю роль на ярмарке; они не только забирают здесь товар для разноски по всем концам России, но, как первые знатоки ярмарки и дела, служат сводчиками, комиссионерами, посредниками и т.д. для всякого рода сделок и операций"[10].

Помимо Владимирской губернии - главного местонахождения офеней-ходебщиков, они имелись в Тульской, Московской, Орловской, Костромской, Ярославской, Рязанской, Смоленской, Вятской губерниях, а также на Дону. Общую численность офенского промысла следует предполагать в 60-70-х гг. XIX в. в несколько десятков тысяч человек. Промысел этот вели из-за тяжелых условий торговой деятельности исключительно мужчины, широко привлекая однако и подростков. Главная масса офеней принадлежала к крестьянскому сословию, и мелочный торг являлся для них подсобным промыслом к земледелию.

Недостаток средств у крестьянина для покупки или денежной аренды земли, малоземелье, низкая продуктивность земли[11], оброчная повинность, оплачиваемая не по земельному владению, а по промыслам, - вот материальная база широкого развития отходничества во Владимирской губернии. Превращению его в офенство способствовало то обстоятельство, что и в первое пореформенное двадцатилетие русская деревня все еще в немалой степени представляла из себя "сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости"[12]. Являясь единственным представителем торговли в глухих районах страны, офеня сбывал втридорога то, что купил дешево у себя на родине.

Так сложился тип мелочного торговца, производящего развозную или разносную торговлю по городам и деревням необъятной России, носящий общее собирательное название офени. Но офени - это только самый крупный отряд мелочных торговцев, занимавшихся реализацией преимущественно икон, производившихся в огромном количестве в слободе Мстера [13]. Другими категориями бродячих торговцев являлись: ходебщики - разносчики миткаля, ситцевых платков, кумача и другого текстильного товара; коробейники - торговцы мелким галантерейным товаром: крестиками, булавками, бусами и т. п. Эта торговая специализация не исключала того, что, например, в коробе у коробейника оказывался ситцевый платок или икона, а офеня дополнял свой набор товаров клеенкой.

В этой связи представляется важным определить роль книжного и картинного товара в торговом обороте офени.

При неразвитости товарно-денежных отношений в русской пореформенной деревне крестьянин очень неохотно расставался с деньгами. Именно в связи с этим обстоятельством издания Никольского рынка получили совершенно своеобразное и, можно сказать, универсальное значение для крестьянина-торговца, каковым являлся офеня. Книжная торговля в провинции была освобождена от уплаты пошлинного сбора и до 1865 г. не подлежала оформлению промысловых свидетельств и билетов. Этим-то и пользовались чрезвычайно широко мелкие торговцы, прибавляя к своему товару лубок. Яркой, красочной картиной, доступной пониманию неграмотного крестьянина, офеня заинтересует его, а войдя в дом, обязательно добьется продажи своего главного товара или в обмен за какого-нибудь "Стеньку Разина" или "Не любо - не слушай" возьмет и жито, и шерсть, и лен к обоюдному удовольствию и продавца, и покупателя. Лубочной картинкой офеня и расплачивался с хозяином дома, приютившего его.

Для уяснения значения лубочного товара весьма примечательна история развития картинного промысла[14], распространенного между крестьянами четырех волостей Серпуховского уезда и одной волости Подольского уезда Московской губернии. Промысел этот получил свое начало во время Крымской войны; до тех пор почти все, сделавшиеся впоследствии картинщиками, были набойщиками. С течением времени крестьяне, занимавшиеся набойным промыслом, чтобы извлечь больше выгоды из своей поездки в дальние края, стали забирать с собой разный мелкий товар (преимущественно картины). Постепенно между набойщиками такая торговля привилась настолько, что, когда ситцы стали вытеснять набойку, они превратились в картинщиков.

Таким образом, народные издания служили своеобразной основой для развития офенства. Лишним доказательством этого вывода служит тот факт, что торговлю исключительно лубочными книгами и картинами вели самые бедные, только начинающие расторговываться офени, так называемая "хотьба". "Деды и отцы занимались такой торговлей, - пишет офеня, - а занялись ею, потому что от нее скорее всего можно разжиться. С коробкой можно вести торговые операции и на

пять рублей"[15]. И.А.Голышев, большой знаток народного книгораспространения, замечает: "Я не раз наблюдал, как офеня, начавший торговлю книгами и картинами, мало помалу бросал этот товар ... и брался уже за "панский", т.е. красный товар"[16]. Конечно, не стоит преувеличивать роль изданий Никольского рынка в развитии офенства, но бесспорно, что они служили важнейшим фактором в этом деле.

К сожалению, отсутствуют данные о динамике численности офеней в рассматриваемый период, однако с уверенностью можно утверждать, что она увеличилась, о чем косвенно свидетельствует следующая таблица[17].

Таблица 2

Количество проданных паспортов и паспортных бланков по Владимирской губернии, тыс.

	Годы	
	1861-70	1871-80
Всего:	549,6	2004,3
в том числе		
а/ билетов кратковременных от 1 до 3 месяцев	115,5	1180,6
б/ паспортов на 6 месяцев	261,1	556,1
в/ паспортов годовых	172,1	266,3
г/ на более долгие сроки	0,9	1,3

Но рост офенства происходил не только на его исконной владимирской земле, но и в других губерниях, в частности в Тульской. Именно в первые пореформенные годы тульские коновалы начинают активно приобщаться к разносной мелочной торговле, а уже в 1880-х "редкий коновал из Алексинского уезда не занимается книжной разносной торговлей. Большинство же коновалов обыкновенно занимаются

своим ремеслом ("струментом", - как выражаются алексинцы) в течение сентября и октября, а затем ноябрь, декабрь, январь, февраль и март, т.е. целые четыре месяца, они торгуют книжками и картинками; апрель же и май опять посвящают "струменту"[18].

В.И.Ленин, давая характеристику развития пореформенной экономики страны, указывал на неравномерный и противоречивый характер процесса утверждения капиталистических отношений. Реформа 1861 г., создав все условия для роста офенства, вместе с тем породила и причины, сдерживающие его. С уничтожением крепостного права и, следовательно, ликвидацией огромной господской дворни офенская торговля по усадьбам "красным" товаром окончательно упала. Сильнейшим ударом по офенскому промыслу явилось развитие промышленности во Владимирской губернии. Многие исследователи отмечают: в местах с развитым промышленным производством офень нет. И, конечно же, "каждый шаг правильной торговли вперед для офенства и офенской промышленности есть шаг к ослаблению и уничтожению"[19].

Ускоренное железнодорожное строительство в первые пореформенные десятилетия (один лишь годичный прирост железнодорожной сети составлял 1,5 тыс. верст: это равнялось всему, что имела Россия в 1857 г.) позволяло дешево, быстро, регулярно и в больших количествах доставлять в лавки неоходимый товар и, следовательно, обходиться без посредничества офеней-ходебщиков. Число книжных лавок в провинции резко возрастает. Насколько успешно развивалась стационарная торговля, можно судить по тому факту, что владелец книжной лавки в г.Красный Холм Тверской губернии А.И.Мясников продавал в 1870-1872 гг. народных изданий около 300 штук ежегодно, в 1875-1876 гг. - 600 штук, а в 1880 г. - до 1000 в год[20].

Остается добавить, что такой местный торговец обычно менее зависим от условий кредита и случайностей торговли. Это позволяло ему реализовывать офенский товар дешевле, чем сам офеня.

Введением в 1865 г. в силу Временных правил о цензуре и печати, по которым лицам, производившим разносную или развозную торговлю произведениями печати, требовалось впредь брать промысловые свидетельства по каждому уезду, царизм нанес сильнейший удар по офенству. "Упадок торговли книгами, - пишет старый офеня

А.П.Шахов, - начался у офень с конца 60-х годов, когда книгами стало стеснительно торговать вследствие издания правил о торговле произведениями печати"[21]. Думается, что этими мерами царское правительство не только стремилось пресечь распространение под видом лубочных изданий революционной литературы (так называемой "ряженой"), но и надеялось обезопасить сословные привилегии купечества[22].

В результате этих мер сотни более бедных разносчиков совсем оставили книжную торговлю из-за неумения и непонимания возможностей получения свидетельств. "Введенные формальности, задавливая бедных, породили для богатых монополию или что-то вроде откупа"[23]. Таким образом, юридические притеснения офенства со стороны правительства оказались лишь доминирующим фактором в процессе экономической дифференциации торгового крестьянства и тем ускорили накопление офенского капитала. Размер его определяется прежде всего нормой торговой прибыли, поэтому представляется важным рассмотреть причины и условия ее образования.

Как уже отмечалось, русская деревня представляла из себя большое количество изолированных местных рынков с множественностью цен на однородную продукцию, что создавало благоприятные возможности для неэквивалентного обмена. "Дешево купить, чтобы дорого продать, - вот закон торговли. Следовательно, это не обмен эквивалентов"[24]. Даже в последней четверти XIX в. в России наблюдалось существенное различие территориальных цен. Это создавало для офенства значительные возможности обогащения. Так, офеня Шилов, открыв какой-то уголок в Сибири, где население оказалось зажиточным, продал два воза с иконами по высоким ценам. На другой год он едет туда с еще бо́льшим запасом товаров и "зарабатывает" еще больше. В короткое время из бедняка Шилов превращается в крупного торговца с капиталом в 25 тыс. рублей[25].

Следует отметить, что такой неэквивалентный обмен очень часто происходил на основе меновых отношений, что расширяло размеры сбыта, и, следовательно, приносил дополнительный процент выгоды торговцу. "Мена считается многими офенями даже более выгодным делом, чем продажа на наличные"[26]. Не только мелкий, но и всякий

почти офеня отнюдь не чурался менового торга. Главным товаром для мены служили иконы; книги и картины менялись значительно реже. В областях Терской, Кубанской и на Дону очень распространена была мена на хлеб. В других губерниях (таких, например, как Вятская и Казанская) считалась более выгодной мена на лен, так как он шел на фабрики по высокой цене. Для офенской практики являлось нормой, что часть товара, полученного в обмен, привозилась на родину и шла в уплату долга. Почти все крупные книготорговцы народными изданиями были связаны меновыми отношениями с офенями. Так, мстерский лубочный издатель и книгопродавец И.А.Голышев получал в конце 70-х гг. от офеней ежегодно до 5 тыс. аршин холста, что составляло не менее 10 % его торгового оборота[27].

Не брезговали в офенской торговле и традиционными методами получения дополнительных доходов - обсчетом и навязыванием плохого товара. "Пока торговый капитал опосредствует обмен продуктов неразвитых стран, - отмечал К.Маркс, - торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но и по большей части и действительно из них происходит"[28]. Крупный оптовый торговец обманывал мелкого, а тот, в свою очередь, потребителя-крестьянина. Современник, наблюдая торговлю офени на Холуйской ярмарке, писал: "Принес мой хозяин всего товара на 62 рубля сер., а продал на 129, умея и обмануть во-время и надуть под-час"[29].

А вот пример надувательства офеней потребителя. Когда только что появились "фолежные" иконы (т.е. убранные фольгой) некоторые из офеней ухитрялись продавать их по баснословно высокой цене: 30, 50 и даже 100 рублей за икону, тогда как действительная цена ей не больше трех рублей. "Ну, за то уж как только вышли мы из энтого дома.., - признавался офеня, провернувший эту операцию в одной из глухих сибирских деревень, - поскорее в сани, да наутек. Настегали лошадь и ай да! А то, думаем, еще нагонят, да отнимут, да, пожалуй, и в загривок-то попадет, - народ сибирский отчаянный!"[30].

Доходы офеней-купцов пополнялись и от ростовщических операций, которые комбинировались с торговлей и дополняли ее. Кредит

в торговле всегда играет очень важную роль, а для офени-ходебщика - особенно (в силу длительности его торгового периода). При этом довольно часто офеня имел кредит не у оптового офени - продавца товара, а у какого-нибудь местного богатея, так называемого "офени-домоседа", нажившего уже деньги и бросившего беспокойное торговое занятие. К нему-то и обращался только начинающий или нерасторговавшийся офеня за поручительством перед торговцем-хозяином.

За поручительство такой богатый офеня берет обычно процентов I0-20 от того, за кого ручается, и кроме того, обыкновенно I0 % от продавца товаров. Брались такие высокие проценты потому, что кредит здесь личный. Это лишний раз подтверждает ленинские слова, что "отношения кредитора к должнику неизбежно ведут к личной зависимости последнего, к кабале, к тому, что кредитор пользуется особыми случаями нужды должника и т.п."[31].

Поэтому нет ничего удивительного, что уже в середине столетия крупные офени "получают большие барыши, богатеют, строят себе каменные дома, выписывают для своих домов мебель из Москвы, одевают жен своих в левантин, да еще во французский. Когда женятся, то дай невесте шубейку соболью, да салоп на чернобурых лисицах"[32]. О высоте торговой прибыли свидетельствует и тот факт, что "если офеня, купивши два-три раза, и заплатил деньги за покупки сполна, то в четвертый раз ему отпускалось свободно потому именно, что если он и не заплатит всех денег, то с него взяты они уже прежде"[33].

Концентрация торгового капитала, опирающаяся на получение высокой нормы прибыли, имела чрезвычайно важное значение для народного книгоиздательства. Удельный вес книжного и картинного товара для богатого офени составлял всего 5-8 % общего его оборота, однако закупал он его в значительно большем количестве, чем остальные торговцы.

Таблица 3

Торговые обороты офеней, руб.[34]

Вид товара	Категории торговцев		
	Крупный	Средний	Мелкий
Иконы	3000-5000	500-1000	50-100
Картины и книги	300	100	10
Клеенки	300	100	10

Однако торговый капитал оказывал решающее воздействие не только на расширение объема сбыта лубочных изданий, но и на его структуру. "Чем беднее офеня, тем первобытнее способ его торговли; городов он не любит; там, во-первых, и без него есть купцы..; а во-вторых, народ там обтесаннее, хоть ты перед ним распереклянись, на-слово не поверит, - вот барыши-то и похуже..."[35] Напротив, крупный офеня торгует исключительно по городам и большим селам, население которых, как более грамотное и платежеспособное, предъявляло спрос на хорошую, пускай и дорогую, книгу и картину. Отражением этой нарастающей в народе потребности в улучшенных изданиях и было вызвано появление тульских офеней, торговавших дорогими олеографиями по городским населенным пунктам России.

Крупный купеческий капитал не ограничивал сферу своей деятельности только торговлей. С начала 1860-х гг. он активно проникает в лубочное издательское и литографское дело, чему способствовала высокая норма прибыли в этих отраслях книжного дела. "Весьма достойны примечания литографии, принадлежащие литографам-издателям лубочных картин, и оказывающиеся довольно выгодными. Доказательством этому могут служить каменные дома, нажитые содержателями их, как говорят из ничего, в короткое время"[36].

Проследить проникновение офенского капитала в лубочное издательское дело наиболее рельефно позволяет история обогащения и превращения в крупного московского издателя лубочной литерату-

ры второй половины XIX в. А.В.Морозова.

Происходил Морозов из бедной крестьянской семьи. До девятнадцати лет он проживал на родине - в Калязинском уезде Тверской губернии, работая "около дома". Когда в деревне стало "жить не у чего", он отправился искать счастья в Москву. Имея при себе только двадцать копеек, Морозов не теряется. Делает лоток, покупает несколько пучков зеленого лука и начинает "торговлю". От лука переходит к колбасе, сайкам и т.д. Затем он меняет занятие и, бросив торговлю, начинает чеканить пуговицы на машине собственного изготовления. Наконец, обзаведясь ручным станком, этот вчерашний торговец превращается в литографа. Печатание лубочных картинок пошло у него очень успешно, что позволило ему стать уже в середине 60-х гг. московским купцом, иметь огромный каменный дом, большую литографию и книжную лавку, а также два трактира[37].

Роль торгового капитала в развитии лубочного полиграфического производства можно иллюстрировать такими данными: в 1865 г. только 26,3 % московского купечества, занятого в лубочном книжном деле, имело литографское или типографское заведение, а в 1885 г. - уже 33,3 %[38]. Для сравнения укажем, что в середине XIX в. только 14 % купечества Москвы имело промышленные предприятия[39]. Таким образом, книгоиздательское дело являлось весьма прибыльной отраслью, в которую московская буржуазия охотно вкладывала средства. Но вместе с тем процесс превращения торгового капитала в промышленный протекал крайне медленно.

Причиной тому было то обстоятельство, что норма прибыли в полиграфическом производстве все же была ниже, чем в торговле. При недостаточном развитии железнодорожной сети в стране для торгового капитала оставалось обширнейшее поле деятельности в восточных и северных окраинах России, где "еще возможно "первоначальное накопление", дающее сотни процентов прибыли, где еще буржуазное разложение крестьянства далеко не завершилось"[40].

Проникновение офеней в Сибирь и другие восточные губернии наблюдалось еще в 40-х гг. XIX в., однако массовый характер оно приняло лишь в конце 70-х - начале 80-х гг. В немалой степени этому способствовала крайняя неразвитость в этих областях стацио-

нарной книжной торговли. О том, насколько медленно протекал процесс развития постоянной книготорговли в этих районах, свидетельствует тот факт, что еще в конце 1890-х гг. 23,8 % всех офеней Вязниковского уезда Владимирской губернии уходило на заработки в Сибирь и восточные заволжские губернии[41].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что все крупные лубочные издатели-торговцы старались заручиться связями с как можно большим числом офеней-ходебщиков. Более 500 офеней работало в середине столетия на П.Н.Шарапова. Литографию мстерского торговца книжным и картинным товаром И.А.Голышева обслуживало до 200 постоянных "комиссионеров" из числа офеней. Потеря этих покупателей означала разорение, так как лишала гарантированного сбыта, а значит и больших тиражей, обеспечивавших получение высоких прибылей.

Отмечая самую теснейшую связь лубочного издателя-литографа с офенством, нельзя не сказать о, казалось бы, очевидном противоречии. Развертывание издательской деятельности лубочников происходило на фоне падения офенства как основного потребителя дешевых народных изданий[42]. Дело в том, что под падением офенства следует понимать не только и не столько его количественное изменение (как уже указывалось, в 60-70-е гг. наблюдался даже абсолютный его рост), сколько деформацию его классовой структуры. Экономически самостоятельный мелкий торговец превращался в наемного работника при лавке разбогатевшего офени. Иными словами, разорение крестьянина-офени вело к концентрации купеческого капитала, к развитию стационарной торговли народными изданиями, что, в свою очередь, обуславливало регулярность и постоянность их сбыта, позволяло формировать устойчивый заказ на продукцию Никольского рынка.

Для характеристики процесса концентрации торгового капитала очень важно определить его размер. Мы, к сожалению, не располагаем точными сведениями на этот счет, однако с уверенностью можно предполагать значительность величины накопленного капитала. Крупным его следует считать по сравнению со средними размерами по отрасли. Так, уже в 1865 г. на одну литографскую мастерскую, принадлежащую купцу, приходилось пятнадцать станков, тогда как

у не купца их было только четыре[43]. На значительность размера капитала указывает и высокая норма прибыли как в сфере лубочно-народной торговли, так и в сфере производства. Все же по сравнению с другими - основными - отраслями народного хозяйства лубочный капитал был незначительным.

Давая общую оценку значения торговли народными изданиями в первые пореформенные десятилетия, необходимо, прежде всего, отметить ее большое значение для культуры и экономики страны. Являясь посредником в установлении связей между городом и деревней, офеня не только пробуждал интерес к печатному слову, но и подрывал монопольное положение деревенского лавочника. Офенство служило одной из причин крестьянского переселения, а также отрыва его от земли (вследствие дальности района торговли и длительности ее периода). "Подобно отвлечению населения от земледелия в города, - указывал В.И.Ленин, - неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное"[44].

Развитие капиталистических отношений в России 2-й половины XIX в. вело к количественному росту офенского промысла и к одновременному его экономическому расслоению. Юридические же притеснения мелочного торговца со стороны царского правительства лишь ускорили этот процесс концентрации торгового капитала. В образовании крупного купеческого капитала в лубочном книжном деле к 80-м гг. XIX столетия заключается основное экономическое значение народной книготорговли. Внешним проявлением этого факта служит упадок, а затем и полное прекращение торговли на Холуйской ярмарке, специализировавшейся на обслуживании только начинающего расторговываться офени-ходебщика. Отражением этого же процесса является развитие провинциальной стационарной торговли и усиление книготорговой роли Москвы.

Проникновение крупного торгового капитала в лубочное типолитографское производство позволяло не только осуществлять массовый сбыт, но и приступить к техническим преобразованиям. Таким образом, были созданы материальные предпосылки для широкого внедрения машинной техники, а следовательно - и для издательско-

полиграфического совершенствования лубочной литературы. Поэтому так называемое "улучшение" лубка нельзя связывать исключительно с издательской деятельностью интеллигенции. Оно диктовалось объективными внутренними причинами развития лубочного книжного дела.

Примечания

1. Термины "лубочное" и "народное" издание - утвердившиеся в издательско-книготорговой практике 2-й половины XIX в. понятия. Под лубочным изданием понималась прежде всего литографированная картинка, предназначенная для распространения главным образом среди крестьянства. Народное издание - книга, отпечатанная типографским способом и предназначенная для распространения среди "низших" слоев городского населения. Московские инспекторы книгопечатания и книжной торговли так и писали: "Продажа народных книг и лубочных картин". Однако отметим все же условность и искусственность такой типизации изданий для широких народных масс: лубочными являлись не только картины, но и книги, календари; очень часто термины "лубочное" и "народное"издание использовались как синонимы, да и лубочная картинка одновременно была и народной ("лубочная народная картинка"). Поэтому обобщающим термином для указанных выше типов изданий будет являться "народное издание". Выпускались народные издания в Петербурге, в слободе Мстера Владимирской губ., в ряде других городов страны, но в подавляющем своем большинстве - издателями-книгопродавцами с московской Никольской улицы (отсюда и обозначение "Никольский рынок").

2. Безобразов В.П. Народное хозяйство России. Спб., 1882, ч.I, прил., с.253.

3. Анализ книг инспекторов книгопечатания и книжной торговли в Москве позволил установить, что в 17 городских частях столицы в 1865 г. имелась 41 книжная лавка, из коих 36 заняты продажей народных изданий(ЦГА г.Москвы, ф.212, оп.I, д.161, 176, 225, 239).

4. Смирнов Н.М. Нижегородская ярмарка в I844 г. - Журн. МВД, I855, ч.I0, с.466.

5. Общий оборот и данные по Нижегородской и украинским ярмаркам см.: Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., I978, с.26; оборот по Холуйской ярмарке см.: Пругазин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции. Спб., I895, с.306. Точная дата определения общего оборота неизвестна, однако следует предполагать конец 50-х начала 60-х гг. XIX в.

6. Таблица составлена: для Холуйской ярмарки (включает 4 ярмарки, однако только на одной из них - Тихвинской - производилась продажа книг и картин) - Лядов И. Развитие и упадок Холуйских ярмарок в Вязниковском уезде. - Ежегодник Владим. губ. стат. ком., I876, т.I, вып.2, с.34; для Нижегородской ярмарки - Журн. МВД, I854, ч.9, отд.Ш, с.4I; для украинских ярмарок - Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. Спб., I858, с.380.

7. Исчислено на основании данных табл.I, причем оборот по привозу товаров взят по Холуйской ярмарке, а оборот по продаже - как сумма всех продаж на всех ярмарках.

8. Голышев А.И. Картинное и книжное народное производство и торговля. - Рус. старина, I886, № 3, с.708.

9. Сведения взяты: за I854 год - Журн. МВД, I854, ч.9, отд.Ш, с.4I; за I864 год - Кн. вестн., I864, № 23, с.482.

I0. Безобразов В.П. Указ. соч., с.233-239.

II. Так, чистая доходность на одну десятину во Владимирской губернии даже в I897 г. была в среднем 2,48 руб., в то время как в уездах с наибольшим распространением офенства она составляла: в Вязниковском - I,87, в Ковровском - I,63, в Судогодском - 0,64 коп. (См.: Материалы Высочайше учрежденной комиссии по исследованию вопроса о движении с I86I по I900 гг. благосостояния сельского населения. Спб., I903, ч.I, с.I94).

I2. Ленин В.И. ПСС, т.3, с.33I.

I3. Ежегодное производство икон в слободе Мстера в середине 60-х гг. XIX в. составляло не менее I млн. экз. (См.: Трахимовский Н.А. Офени. - Рус.вестн., I866, № 6, с.577).

14. Картинный промысел: (Разнос. торговля картинами). - В кн.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1879, т.6, вып.I, с.103-105.

15. Вестн. Владим. губ. земства, 1900, № 22, с.23.

16. Цит. по: Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции. Спб., 1895, с.341.

17. Материалы Высочайше учрежденной комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 гг. благосостояния сельского населения. Спб., 1903, ч.I, с.224-225.

18. Пругавин А.С. Указ. соч., с.368.

19. Трахимовский Н.А. Указ. соч., с.592.

20. Мичурин А.П. Какая польза от одной грамотности? - Рус. богатство, 1881, № 9, с.21.

21. Всетн. Владим. губ. земства, 1900, № 22, с.21.

22. Еще в 1845 г. гжатский купец, некто Жуков, подал записку императору Николаю I о "неправильном ходе торговли и промышленности в г.Гжатске и других местах империи". Записка эта была передана на рассмотрение министру финансов. "Неправильность хода торговли", по объяснению Жукова, заключалась в том, что в "уезде образовались промышленники, называемые прасолами, разносчиками, ходебщиками и мужиками-фабрикантами, которые производят, не платя никакой гильдейской повинности, торговлю, принадлежащую, по всем правилам, одним только городам... Подобными же промыслами занимаются и в разных уездах кругом Москвы и во Владимирской губернии, особенно в Шуйском уезде - там почти все крестьяне или фабриканты или разносчики..." (Цит.по: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1922, с.174).

23. Голышев И.А. Указ. соч., с.705.

24. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т.25, ч.I, с.362.

25. Пругавин А.С. Указ. соч., с.310.

26. Вестн. Владим. губ. земства, 1900, № 22, с.30.

27. Подсчитано по: Пругавин А.С. Указ. соч., с.343-344

28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т.25, ч.I, с.363.

29. Максимов С.В. В дороге. - Отеч. зап., 1860, т.131 июль-авг., с.236.

30. Цит.: Пругавин А.С. Указ. соч., с.314.

31. Ленин В.И. ПСС, т.3, с.367.

32. Шелехов Д.П. Путешествие по русским проселочным дорогам. Спб., 1842, с.48.

33. Лядов И. Развитие и упадок Холуйских ярмарок в Вязниковском уезде. - Ежегодник Владим.губ.стат.ком., 1876, т.I, вып.2, с.30.

34. Вестн. Владим. губ. земства, 1900, № 22, с.16.

35. Цит по.:Трахимовский Н.А. Указ. соч., с.573.

36. Типографии и литографии в Москве - Книжник, 1865, № 10-11, стб.626.

37. Пругавин А.С. Указ. соч., с.284-285; Справочная книга о лицах, получивших на 1870 г. купеческие свидетельства по I и 2 гильдиям в Москве. М., 1870, с.200.

38. В 1865 г. число купцов в московском лубочном книжном деле определено 19, причем владельцев литографий и типографий - 5 (ЦГА г.Москвы, ф.212, оп.I, д.161, 176, 225, 239), в 1885 г. - соответственно 18 и 6 (Там же, оп.I, д.182, 192, 201, 245).

39. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, с.17.

40. Ленин В.И. ПСС, т.I, с.324.

41. Леонтьев П.Ф. Офени. - В кн.: Материалы для оценки земель Владимирской губерн л. Владимир, 1903, т.4, вып.3, с.50, 53, 54. (В расчет приняты губернии: Вятская, Пермская, Уфимская, Оренбургская, а также Западная и Восточная Сибирь).

42. Проблема поставлена, но не решена А.Л.Зайчиком-Погорельским (см.: Сов. библиогр., 1937, вып.I, с.130).

43. Подсчитано по материалам ЦГА г. Москвы (ф.212, оп.I, д.161, 176, 225, 239).

44. Ленин В.И. ПСС, т.3, с.576.

А.В.Блюм

СИСТЕМА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КРУГА НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В последние годы усилился интерес исследователей к тому чрезвычайно сложному и пестрому по составу комплексу издательской продукции, который получил условное наименование "книга для народа". Не менее закономерно и то, что книговеды, все чаще используя функциональный метод исследования, вовсе не ограничиваются чисто издательской стороной вопроса. Все большее внимание уделяется изучению репертуара и процессов чтения в низовой среде, преимущественно крестьянской.

На эти процессы влияло множество факторов, оказавших мощное воздействие и на само книгоиздание, и на реальный репертуар чтения, и на распространение книги. Одним из важнейших факторов была, в частности, жесточайшая регламентация круга массового чтения, особая система подавления и ограничения его, сложившаяся в XIX в. Множественность цензур, столь характерная для охранительной политики, особенно наглядно проявилась именно в отношении к массовым изданиям, подвергавшимся самой настоящей дискриминации. Из каких же главных составных частей состояла эта система?

Борьба с массовой издательской продукцией - просветительской и, тем более, революционно-демократической - шла по двум основным направлениям. С одной стороны, правительство принимает меры заградительного и репрессивного характера, с другой - пытается противопоставить указанной выше литературе официозно-рептильные издания. Если последнее мероприятие не привело к сколько-нибудь ощутимому результату, то первое оказало крайне негативное влияние на книжное дело.

С течением времени создаются два уровня правительственной регламентации круга народного чтения, или два "фильтра": I) строжайший контроль на уровне самого книгоиздательского процесса с помощью превентивной цензуры и 2) надзор за распространением и чтением книг, хотя и разрешенных "общей" цензурой, но нежелатель-

ных в сфере "низового чтения".

Первые цензурные уставы (1804 и 1828 гг.) не дифференцируют издательскую продукцию по признаку читательского назначения, что вполне понятно: издания для народа в этот период, ограничиваясь в основном лубком, не представляют никакой угрозы. Лишь в годы цензурного террора, в эпоху "мрачного семилетия" 1848-1855 гг., власти впервые обращают внимание на сферу народного чтения. Печально знаменитый тайный сверхцензурный "Комитет 2-го апреля 1848 г." проводит "демаркационную" линию между книгами для "общего" и "простонародного" чтения. Цензорам, в частности, предписывалось не дозволять "описания особенных бедствий или нужд того состояния, к которому принадлежит многочисленный класс читателей этого рода книг, ни современных происшествий, сильно действующих на простонародье с невыгодной стороны" [1]. Цензор, говорилось далее, "обязан мысленно ставить себя на место читателя и, применяясь к его понятиям, определять, какое впечатление будет на него сделано не только господствующим в сочинении мнением или чувством, но каждою отдельною мыслью и, так сказать, каждым словом" [2].

Однако это были лишь общие соображения, не имевшие под собой сколько-нибудь реальной основы. Законченная система контроля складывается лишь в 1860-е гг., что было вызвано мощным общественным движением той поры, когда активизируется деятельность революционно-демократической и либерально-просветительской интеллигенции. Новый цензурный устав 1865 г. не выделяет "простонародные" издания в особую группу, не разделяет книги по признаку доступности. Но так кажется только на первый взгляд. В тексте устава есть одна статья, которая в скрытой, завуалированной форме предусматривает такое разделение. Отменив предварительную цензуру для определенных изданий, устав оставляет ее все же для книг небольшого объема и, следовательно, недорогих (оригинальных - менее 10 печатных листов, переводных - менее 20) [3]. Начинается период "рублевой", как иронически называли ее современники, цензуры.

Однако надо иметь в виду, что гораздо бо́льшую роль в то время играли не столько законоположения, сколько многочисленные "разъяс-

нительные" циркуляры, негласные поправки, дополнения и т.д. Напуганное ростом освободительного движения, правительство систематически издает такого рода циркуляры, ставящие массовую книгу в крайне стесненное положение. Так, уже в 1874 г. М.Н.Лонгинов, некогда заигрывавший с "Современником", а затем ставший одним из самых реакционных начальников Главного управления по делам печати, предписывает обращать "самое строгое внимание, а равно подвергать самой острой цензуре все вообще издания, предназначенные для народа"[4]. На протяжении 1870-х гг. выходит еще ряд такого рода цензурных циркуляров, появление которых вызвано усилившейся издательской деятельностью народников и просветительской интеллигенции. Особенно ужесточились цензурные правила в 90-х гг. прошлого века, когда оживляется книгоиздательская работа комитетов и обществ грамотности, земств, создаются специальные издательства для народа типа "Посредник". Направление, тенденция их работы представлялись чуть ли не "потрясением основ": радикальная интеллигенция отторгала от правительства сферу важнейшей культурной деятельности - книгоиздательское дело. Эта борьба за сферы влияния и привела к появлению особого циркуляра, который сыграл решающую и притом роковую роль для народного книгоиздательства. Он вышел 8 мая 1895 г., в то время, когда правительство решило окончательно разделаться с комитетами грамотности, превратив их в казенные учреждения. В ряду репрессивных мер циркуляр этот занял важнейшее место. В качестве причины его появления власти выдвинули то обстоятельство, что "издание книг находится отчасти в руках лиц, преследующих цели, не согласные с интересами правительства. При таких условиях в народные массы нередко проникают издания, которые, не представляя собой достаточно данных к тому, чтобы признать их подлежащими запрещению на основании цензурных правил, тем не менее в массе малоразвитых читателей далеко не могут представлять здоровой духовной пищи. Несоответствие многих народных изданий этому безусловно необходимому требованию, которое должно предъявляться к народной книге, вызывает необходимость особенно строгого и внимательного отношения к делу со стороны цензурных учреждений. В виду этого отнюдь не допускать к печати таких про-

изведений, которые по содержанию своему не могут быть признаны безусловно безвредными для народного чтения"[5]. Чрезвычайно широко сформулированное понятие - "безусловно безвредная" книга - давало огромнейший простор для проявления "индивидуальности" цензора, для прямого произвола.

Статистический анализ цензурных запрещений за 1896-1900 гг., проведенный нами по архивным материалам, дает следующую картину. В среднем на рассмотрение только одного цензурного комитета - С.-Петербургского - поступало ежегодно 6-7 тыс. рукописей (в порядке предварительной цензуры). Для народного чтения предназначалась приблизительно десятая часть этого массива. Число запрещений книг для "общего" чтения равнялось 1/50 или 1/60 части этого количества, т.е. из 5000 рукописей запрещению подвергалось примерно 100. Совершенно иное соотношение дает анализ ведомостей "народных книг": запрету подвергалась приблизительно 1/4 часть представленных рукописей (150 из 600). Однако нужно принять во внимание и другое немаловажное соображение. Лубочные книги, составлявшие около половины всей народной издательской продукции, в силу своего нейтрального "безобидного" содержания, а также в силу того, что они механически перепечатывались из года в год без всяких изменений, подвергались репрессиям в исключительно редких случаях. Нечего и говорить, что правительственные издания для народа, пользовавшиеся покровительством, вообще не страдали от цензурных притеснений. Если учесть эти обстоятельства, то можно придти к выводу, что чуть ли не каждая вторая рукопись, представленная в цензуру издателями демократического лагеря, так и не увидела света (кстати, именно такое соотношение наблюдается при прохождении рукописей, доставленных С.-Петербургским комитетом грамотности).

Но и в дальнейшем, даже в том случае, если издателям посчастливилось провести рукопись книги сквозь цензурные лабиринты и казуистику циркуляра от 8 мая 1895 г., их ждала целая система фильтров, созданных охранительным аппаратом самодержавия. Наиболее мощным из них следует считать так называемую "педагогическую" сверхцензуру. Главная ее цель - ограничение доступа к книгам по-

сетителей народных бесплатных библиотек-читален и учащихся. Эта цензура находилась в ведении Ученого комитета Министерства народного просвещения. Особый отдел его, созданный в 1869 г., значительное внимание уделял книжному делу как одному из важнейших факторов школьного и внешкольного образования. В обязанности членов Ученого комитета - в основном реакционно настроенных педагогов - входило рассмотрение ходатайств издателей, желавших получить одобрительную визу для своих книг. Лишение визы Ученого комитета - "книга одобрена для ... библиотек" - играло роковую роль для книг просветительских издательств, не располагавших разветвленной сетью офенского промысла, которой располагали издатели лубочной литературы.

Официально считалось, что Особый отдел определяет лишь "педагогическую пригодность" книг "для школ и народа". Но, как свидетельствуют многочисленные архивные документы, в частности просмотренные нами протоколы заседаний Особого отдела, эта цель была не главной. Главной для Особого отдела была решительная борьба за умы "подрастающего поколения и народа", стремление всячески сузить и ограничить сферу народного и детского чтения. Открещиваясь от обвинений передовой общественности в том, что он берет на себя типично цензурные функции, Ученый комитет пытался представить свою деятельность как чисто "научную" и "педагогическую". На деле же он тесно смыкался с цензурными учреждениями Министерства внутренних дел, координируя с ними свою работу. Более того, его практика была ещё более жесткой: ведь он рассматривал книги, уже пропущенные сквозь фильтр "общей" цензуры. В отличие от нее, он выпускал не списки запрещенных книг, а каталоги разрешенных к пиробретению в библиотеки изданий, так называемые "министерские каталоги". Пересматривались и дополнялись они крайне редко, содержали массу изданий устаревших и уже исчезнувших из сферы книжного обращения. В сущности говоря, это были особые формы охранительной рекомендательной библиографии, которыми четко регламентировался круг чтения[6]. Радикальная интеллигенция подвергла резкой критике эту практику[7]. Критики указывали на противоестест-

венность таких каталогов, которые заранее, не учитывая, так сказать, "презумпцию невиновности", объявляли криминальной любую книгу, не включенную в них. В этом смысле карательная деятельность "общей" цензуры выглядела, по крайней мере, более последовательной: она запрещала лишь определенные книги, причем мотивированно.

"Министерские каталоги" содержали очень небольшую и притом не самую лучшую часть книжной продукции России. Члены Особого отдела отдавали предпочтение серой, но зато безупречной в идеологическом отношении литературе. На выставке Северного края в Ярославле в 1903 г. была представлена картограмма, показывающая, что ежегодно Ученым комитетом одобряется не более 5 % всей выходящей издательской продукции[8]. Если же учесть, что подавляющее число "одобрений" приходится на книги официозных или рептильных издательств, то легко представить, насколько ничтожную часть рекомендованных книг составляла продукция идейных издательств. Л.Н.Толстой, на собственной практике испытавший произвол Ученого комитета (большинство его народных и детских рассказов подверглось решительному остракизму), однажды сказал поэту И.А.Белоусову, который пожаловался на запрещение сборника "Утро": "Так, значит, ваша книга прошла сквозь цедилку"[9]. Им дано очень точное и меткое определение смыслу деятельности Особого отдела, который действительно занимался "процеживанием", фильтрацией литературы. Одобрительный гриф Ученого комитета снискал себе дурную славу "патента на благонадежность". Примечателен в этом смысле рассказ Х.Д.Алчевской о встрече с Л.Н.Толстым, с большим сочувствием отнесшимся к труду харьковских учительниц "Что читать народу". Толстой спросил Алчевскую, не собирается ли она представить его на рассмотрение Ученого комитета, на что она ответила: "Колеблемся, боимся - что, как не одобрят". "Так что ж, возразил Толстой, - тем лучше. Один мой знакомый собирается приклеить на своей неодобренной книге маленький ярлычок с надписью: "Не одобрена Мин. Нар. Просв.". И, наверное, это даст ход книге"[10].

Осуществляя элитарный подход к литературе, лицемерно заботясь о "духовном здоровье народа", педагоги-охранители предлага-

ли массовому читателю взамен высочайших достижений мировой культуры (прежде всего - русской и зарубежной классики) морализирующие сюсюкающие рассказы, написанные в псевдонародном стиле. В глазах членов Ученого комитета они имели одно неоспоримое достоинство - полностью удовлетворяли идеологическим нормам и требованиям "истинной благонамеренности", не вызывая при этом, как изящно выразился один из них, "ненужную напряженность умов в народе". Итог опустошающей деятельности этого учреждения был подведен в 1913 г. А.В.Мезьер: "Школьно-народная библиотека - это библиотека без русских знаменитейших и известнейших писателей"[11].

Право veto, которым обладали члены Ученого комитета, приводило к изгнанию лучших образцов литературы из сферы массового народного чтения. Мнения, высказанные в кабинетной обстановке, в тайне, окутывавшей работу этого охранительного учреждения, не могли стать объектом общественной критики. Отметим все же, что членами Ученого комитета становились, хотя и в очень редких случаях, крупнейшие деятели отечественной культуры, смело выступавшие против обскурантизма. Такими "белыми воронами" в среде комитета выглядели Н.С.Лесков в 70-е гг. (он вынужден был демонстративно покинуть службу в 1881 г.) и И.Ф.Анненский - в конце XIX - начале XX вв. Они нередко вступали в резкую полемику со своими коллегами, беря под защиту народного читателя, но в подавляющем большинстве случаев оставались в одиночестве, когда дело доходило до голосования, решавшего судьбу той или иной книги.

Итак, новый читатель, появившийся в последнее десятилетия XIX в., - читатель из народа - находился в чрезвычайно трудном положении, отягощенном пресловутыми "независящими обстоятельствами". Мы наблюдаем настойчивое - и открытое, и завуалированное - стремление охранительного лагеря создать совершенно особые условия для массового читателя из народа. Манипулируя общественным сознанием, и цензоры, и педагоги-охранители не случайно обратили внимание на сферу народного чтения, ибо совершенно справедливо видели в ней основу формирования идейных и нравственных убеждений человека. Умозрительно создав модель массового читательского

сознания, они стремились подогнать под нее все богатство мировой культуры. Все, что не совпадало с этой искусственно сконструированой моделью, подлежало самому решительному изгнанию.

Таким образом, во второй половине XIX в. правительством была создана система особых фильтров, которая должна была отделить "зерна от плевел", оказав тем самым существенное воздействие на массовое читательское сознание. Мы замечаем, как по мере развития книгоиздательства для народных масс все более изощренной и разветвленной становится его правительственная регламентация, охватывающая все процессы и этапы книжного дела. Народная масса представляется охранителями в качестве единой, цельной и нераздельной среды, нуждающейся в патерналистском воздействии. Консервативные круги общества пытаются затормозить развитие просвещения, обосновывая это "известностью", "незыблемостью" интересов и вкусов народа, его инстинктивным якобы стремлением к сохранению "вечных" ценностей. Разница между духовными потребностями "народа" и "образованных слоев общества" представлена в качестве исторически неустранимой, да и не нуждающейся в таком устранении. Все более отчетливо проявляется социальная функция охранительного аппарата, отторгающая от народа подлинные достижения культуры, искусственно делающая их физически недоступными для него. Это закрепляется прямыми законодательными актами, которые необычайно сужают и ограничивают сферу народного чтения во второй половине XIX столетия.

Примечания

1. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700-1863). Спб., 1892, с.357.

2. Там же.

3. Изложение постановлений о цензуре и печати. Спб., 1865, с.8-9.

4. ЦГИА СССР, ф.776, оп.21, ч.1, 1874 г., д.335, л.5.

5. Там же, 1897 г., д.175, л.131.

6. Такой точки зрения придерживаются, в частности, Н.В.Здобнов и Б.В.Банк (см.: Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955, с.479-480; Банк Б.В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969, с.49-55).

7. Такая критика содержится в десятках книг и статей. См., напр.: Якушкин В. Министерский каталог народных книг. - Рус. ведомости, 1891, 18 июня, 21 июня; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912, с.133.

8. Сиб. жизнь, 1903, 5 сент.

9. Белоусов И.А. Царская "цедилка": Из воспоминаний. - В кн.: Сегодня: Альманах второй. М., 1927, с.170.

10. Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. М., 1912, с.113.

11. Мезьер А.В. Обзор библиографической литературы в 1911-12 гг. - Рус. шк., 1913, № 1, с.9 (2-я паг.).

О.С.Остро...

"ПОДРОБНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ГРАВИРОВАННЫХ ПОРТРЕТОВ" Д.А.РОВИНСКОГО

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Имя Дмитрия Александровича Ровинского (1824-1895) в истории отечественной культуры занимает одно из самых почетных мест. Коллекционер и ученый органически совмещались в нем. Собирание никогда не было для него самоцелью, но служило фундаментом для создания капитальных трудов по истории гравирования, главным образом отечественного, по русской иконографии, лубку. "Д.А.Ровинский - это целая эпоха в истории русского собирательства. Его собирательство не есть простой, ничем не оправдываемый снобизм, оно - деятельность, подлинно творческая деятельность, в детальном изучении и систематизации интересующих его произведений, в составлении трудов по всем отраслям его коллекционирования. Это громадная культурная работа - исключительный пример коллекционерства, приобщенного к научному изучению и жизненной деятельности", - отмечалось в "Вечерней Красной газете" по случаю 100-летия со дня его рождения [1].

До сегодняшнего дня работы Ровинского в полной мере сохраняют свое научное значение, в частности для историков русской гравюры и иконографии. "Это все такие капитальные, такие истинные вековые издания, которые кажутся невозможными для усилий одного и того же человека, да еще человека, занятого обязательною государственною службою... Дм.Ал.Ровинский успевал со всем этим справиться и издавать, без всякой чужой помощи и на одни собственные средства, те многочисленные томы за томами, ту огромную историческо-художественную галерею, которая навеки останется связанною с его именем", - писал В.В.Стасов [2].

Специфической чертой почти всех научных исследований Ровинского было объединение в каждом труде исследовательской и справочно-библиографической частей. Это являлось следствием широкого читательского назначения работ, предназначавшихся и ученым, и коллекционерам. При поверхностном взгляде на композицию

каждого труда может показаться, что части эти существуют раздельно[1], ибо исторический раздел выделен. Однако собственно справочник основан на таких серьезных научных разысканиях, что вполне заслуживает названия научного труда. Поэтому можно сказать, что обе части существуют в неразрывном единстве. В сущности, все капитальные исследования Ровинского носили справочный характер, но основывались на серьезной исследовательской базе, поэтому по справедливости считаются н а у ч н ы м и трудами.

Д.А.Ровинский не был по профессии ни искусствоведом, ни библиографом. Окончив в 1844 г. Училище правоведения, он стал юристом и в этом качестве оставил по себе добрую память как московский губернский прокурор, один из самых активных деятелей судебной реформы 1864 г.,а позднее сенатор. Эта сторона жизни Ровинского подробно изложена в воспоминаниях его близкого друга и соратника А.Ф.Кони [3].

Искусствоведом и библиографом Ровинский стал по душевному влечению, но материальной базой послужило коллекционерство, которым он занялся, по воспоминаниям Стасова [4], еще в Училище. Эта страсть поддерживалась в нем и родственником, известным историком, профессором М.П.Погодиным.

Близкий друг Ровинского, историк и археолог И.Е.Забелин вспоминал о начальном периоде его коллекционерства, осени 1844 г.: "Он тогда погружался в собирание гравюр и посвящал меня во все достоинства первоначальных оттисков, за которыми он охотился с величайшей неутомимостью и ретивостью, причем на приобретение редкой, единственной в своем роде гравюры не жалел никаких денег" [5]. Следует заметить, что в первые годы по выходе из Училища Ровинский был весьма небогат, скуп на траты для себя лично [6].

Уже в 1850-е гг. Ровинский не только собирал гравюры, но и изучал их. А.Ф.Бычков вспоминал, что в это время он начал посещать Публичную библиотеку для изучения гравюр в старопечатных изданиях [7].

Будучи ученым и гражданином, Ровинский понимал, какое огромное значение его коллекция гравированных портретов имеет для науки, как важно сделать ее доступной для исследователей и познакомить с ней общественность. Собрание русских портретов было пе-

редено им по завещанию на хранение в Московский Румянцевский музей, "чтобы часть его была выставлена за стеклом и чтобы ни одного листа из него не была отчуждено ни под каким предлогом"[8].

Русская иконография как специальная область исследования интересовала Ровинского не случайно. Выбор объекта коллекционирования диктовался в данном случае прежде всего гражданскими мотивами. "Главная цель Словаря состояла в том, чтобы возбудить в наших собирателях охоту к русским гравюрам и чтобы сохранить эти последние от конечной гибели... В них важно не художественное достоинство, а то, что они раскрывают перед нами, так сказать, вчерашний день русской жизни и в этом отношении для каждого Русского представляют насущный и кровный исторический интерес", - напишет он в предисловии к своему самому капитальному труду по отечественной иконографии[9].

При всем огромном уважении к имени Ровинского и его заслугам перед отечественной наукой его нельзя считать пионером в этой области, как нельзя считать новацией и самый интерес к отечественной истории. "Слава сограждан наших есть собственная наша слава", - писал "Русский вестник" в 1809 г.[10] Эта апелляция к прошлому шла и от ученых, и от художников, и от публицистов. Она была выражением общественной позиции. Мощный взрыв патриотизма, связанный с Отечественной войной 1812 г., породил острый интерес к образу современника и расцвет портретного искусства. Спрос на русские портреты в первой половине XIX в. вызвал необходимость их тиражирования, а также розысков старых портретов, которые даже в официальных кругах того времени рассматривались как акт гражданственный, служащий "к чести отечества и общей пользе"[11].

Первым предшественником Д.А.Ровинского можно считать председателя Общества истории и древностей российских П.П.Бекетова. Его главная работа этого плана - "Собрание портретов россиян..."[12], осуществленное лишь на четверть запланированного (вышла только первая часть, включающая 50 портретов деятелей XI- начала XVIII вв. с биографиями).

Работа Ровинского с гравированными портретами длилась с перерывами около 30 лет и прошла несколько этапов. Еще в 1857 г.

он представил в Археологическое общество труд "О русском гравировании на металле и дереве". Общество нашло его неудовлетворительным и вернуло молодому автору с рядом замечаний. Учтя их, он на следующий год представил рукопись в Академию наук на соискание Уваровской премии. Рецензентом был назначен В.В.Стасов, который нашел целый ряд недочетов, прежде всего неполноту источниковой базы, хотя в целом высоко оценил представленную рукопись за вложенный в исследование труд [13]. Ровинский искренне благодарил за указанные недочеты. Переработав свой труд в соответствии с замечаниями Стасова, он вновь представил его в Академию наук и получил Уваровскую премию. В 1870 г. книга была издана под заглавием: "Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств" [14]. Это был, по существу, пролог ко всем будущим капитальным исследованиям Ровинского в области отечественного гравирования. Сам автор осознавал его комплексный характер. "Исследование... представляет с в о д (разрядка наша. - О.О.) материалов по части гравирования в России", - писал он в предисловии [15].

Действительно, три вводных очерка о гравировальных техниках: на дереве, меди и черной манерой - зачатки исследований по истории гравюры. Словарь граверов с перечнями их произведений - первый набросок будущих капитальных словарей граверов и гравированных портретов (поскольку среди произведений портреты отмечены). Интерес к отечественной иконографии частично реализуется здесь в специально "портретном" разделе "Примечаний" - "Замечательные портреты русских людей, гравированные иностранными художниками". Зародыш будущего многотомного исследования о лубке - раздел "Русские народные картинки, гравированные на дереве". В приложениях приводятся подлинные документы Московской Оружейной палаты и Академии наук, относящиеся к гравированию в ХУШ в. Такого рода дополнения к основному тексту станут впоследствии характерными для справочных изданий Ровинского. Они свидетельствуют о серьезном источниковедческом подходе к подготовке подобных изданий, об основательности исторической базы.

Фундаментом для составления справочника послужили прежде всего собрания русских гравюр (10 коллекций), в том числе и

собственное собрание автора (более 3000 листов). Таким образом, уже на первом этапе собирательства коллекция Ровинского была достаточно серьезной и включала, среди прочего, портреты [16]. Это - не случайность.

Прямой предшественник Ровинского, П.П.Бекетов, составил план грандиозного для своего времени иконографического издания, которое должно было "сослужить добрую службу русскому обществу, представив ему впервые в подборе изображения его военных героев, исторических и лучших русских людей" [17]. Таким образом, исходным для него был характер личности. Тот же принцип положен в основу иконографического издания второй половины 1860-х гг. "Портретная галерея русских деятелей" [18], куда вошли изображения русских государственных, общественных, научных и культурных деятелей XVII-XIX вв. Ни в том, ни в другом изданиях не принималась во внимание техника создания портрета (живопись, гравюра, литография и т.д.). Ровинский пошел по другому пути. Для него первичным было наличие г р а в и р о в а н н о г о п о р т р е т а. Он не производил отбор имен по их значимости для истории и культуры Российского государства. Но это шло не от безразличия к предмету иконографического исследования. Напротив, уже в первом "Словаре русских гравированных портретов" [19] он выражает сожаление, что "люди дела и мысли представлены в словаре довольно бедно" [20], а "портретов русских людей, не отходивших далеко от народа, найдется в словаре еще меньше" [21].

Ровинский исходил не только из значимости данного лица, но и из ценности портрета. Для него в равной степени был важен как иконографический, так и чисто художественный материал: ценность портрета для истории отечественного искусства, в ряде случаев - его атрибуция, разыскание аналогов и т.д. Несомненно, тут сыграло роль стремление опубликовать существующие коллекции, в том числе и свою собственную, и дать коллекционерам, художникам и ученым-искусствоведам свод сведений как по иконографии, так и по искусству.

Иконографически сегодня наибольший интерес в "Словаре" представляют описания портретов выдающихся полководцев, ученых, писателей, актеров - лиц, оставивших глубокий след в отечествен-

ной истории. Но для искусствоведов интересны порой портреты, выполненные с оригиналов крупных художников, прежде неизвестные или содержащие другие важные факты, вне зависимости от значимости изображенного лица.

В издании описано 6800 портретов людей всех сословий Российского государства, разумеется, с преобладанием изображений членов царствующего дома, дворянства и духовенства. Ровинский сам несколько грустно пишет об этой односторонности: "Мы, русские, не берегли прошедшего, да и мало заботились о том, останется ли о нас какая память детям. Сколько замечательных личностей русских не вошло в словарь за неимением гравированных портретов" [22].

Портреты в "Словаре" расположены в алфавите изображенных лиц, а внутри персонального "гнезда" – в хронологии живописных оригиналов, с которых они выполнены. Приведены краткие биографические сведения о изображенных лицах. При портретах, помещенных в книгах и журналах, даны библиографические описания изданий. Все гравюры, особенно редкие листы, подробно описаны. Перечислены разные издания или отпечатки одного портрета, так как разница эта определяет ценность экземпляра. Указаны техника и композиция работы, автор живописного оригинала и гравер, размеры, цена. Имеются пометы о редкости отдельных листов. Вспомогательный аппарат состоит из двух указателей: 1) граверов; 2) живописцев, скульпторов, медальеров. Таким образом,"Словарь" удовлетворял запросы не только коллекционеров, но и историков и художников, которые могли найти в нем "краткое указание о том, существует ли портрет известного лица в гравюре, кем и когда он писан и гравирован; а если портрет особенно редок, то где находится" [23].

Несмотря на то, что автор в предисловии скромно называет свой труд справочником, он вводит туда и собственно исследовательский раздел, посвященный развитию гравюры в России с XVI по первую половину XIX в., т.е. до времени, когда ей на смену пришли фотомеханические способы воспроизведения. Сюда включены сведения также и о русских живописных портретах с древнейших времен.

"Словарь" был высоко оценен современниками. Положительные отзывы на него появились в ряде петербургских газет и журналов [24].

Выход в свет "Словаря" стал крупным событием для отечественного искусствознания, которое получило в свое распоряжение значительное количество новых фактов.

Выпуская "Словарь" в свет, Ровинский смотрел на него лишь как на предварительное издание. Он сам писал об этом в предисловии: "Надеюсь, что гг.любители не оставят его своими дополнениями и поправками, и тем самым дадут возможность со временем сделать новое издание словаря, более полное и исправное" [25]. Издание такого "более полного и исправного" словаря отодвинулось надолго: в 70-е и начале 80-х гг. автор подготовил и выпустил в свет такие фундаментальные труды, как "Русские народные картинки" [26], "Достоверные портреты московских государей..." [27], первые тома "Материалов для русской иконографии" [28] и небольшие исследования, посвященные граверам Е.П.Чемесову и Н.И.Уткину и видам Соловецкого монастыря [29].

Однако параллельно со всеми этими работами шла подготовка переиздания "Словаря русских гравированных портретов" на значительно более широкой исторической базе и с учетом появившихся новых собраний. В письме к А.Е.Викторову от 3 ноября 1881 г. Ровинский указывает предполагаемый срок окончания работы над вторым изданием справочника: "Сижу за словарем портретов денно и нощно; просто каторжная работа, хочу кончить ее к апрелю вчерне и поехать за границу для осмотра библиотек в Берлине (где 700 томов портретов) и Лондоне (в прочих местах я уже пересмотрел, что мне надо)" [30]. Таким образом, предполагаемый срок окончания работы над вторым изданием "Словаря русских гравированных портретов" намечался автором на апрель 1882 г. Значительное количество времени должен был занять досмотр заграничных материалов. Из этого же письма видна тщательность подготовки издания, в частности широкая география включаемых собраний, охватывающая, кроме России, многие страны Европы. Вероятно, основной корпус был готов к 1883 г. Во всяком случае, в

этом году сообщается о подготовке Ровинским такого труда [31].

Переработка свелась, по существу, к подготовке нового издания в 4-х томах [32]. К этому времени вышел ряд иконографических работ разного объема и охвата и был получен ряд замечаний на предыдущее издание. "С накоплением такого значительного количества новых сведений потребность в новом Словаре, более полном и подробном, становилась с каждым днем ощутительнее", - писал автор в предисловии [33].

В Государственной Публичной библиотеке хранится рукопись Ровинского "Частные и общественные собрания русских портретов с обозначением самых замечательных в них экземпляров" [34]. Несомненно, она служила автору подсобным материалом. Кроме того, в его собственной коллекции прибавляются новые материалы, ибо он коллекционировал портреты всю жизнь [35].

В содержании "Подробного словаря" автор придерживался прежней установки, т.е. включал все известные ему портреты вне зависимости от чина и сословия данного лица. В предисловии он писал об этом даже в несколько ироническом тоне: "...Мне все равно: гений ты или замечательный шут; великан или карлик; разбойник, ученый, самодур-самоучка; сделал ты что замечательное в жизни или просто промытарил ее, - есть с тебя гравированный портрет, - ну и ступай в мой Словарь и ложись там под свою букву" [36].

Однако анализ содержания "Подробного словаря" показывает, сколь внимательно и скрупулезно собирал его автор сведения о лучших людях своей родины за все время ее истории. В частности, когда издавались "Материалы для истории императорской Академии наук", к первому тому (период с 1716 по 1730 г.) были приложены портреты первых ее деятелей. В предисловии к тому говорилось: "После долгих разысканий удалось найти портреты только некоторых из первых академиков. За сообщение этих редких портретов Академия приносит искреннюю признательность своему почетному члену и члену-корреспонденту по отделению русского языка и словесности сенатору Дмитрию Александровичу Ровинскому" [37].

Издание включало 10 тыс. портретов приблизительно 2 тыс.лиц. Его иллюстрационную часть составляли 700 фототипически выполненных портретов, часть которых воспроизведена по очень редким, а иногда и единственным экземплярам. Воспроизведения были очень точными и вместе с тем изящными [38].

Композиция и описания-аннотации к портретам в принципе были идентичны предыдущему изданию, но в описательной части содержалось много новых или уточненных сведений.

Особо следует остановиться на биографических справках о лицах, чьи портреты включены в "Подробный словарь". Эта часть работы – по существу новая. Прежнее издание давало лишь самые краткие биографические сведения. Как правило, они сводились к указанию дат жизни, титула или должности. При переиздании автор резко расширил границы информации. Краткие сведения превратились в ряде случаев в более или менее подробные рассказы, включающие подлинные документы описываемой эпохи. Чаще всего это были рассказы современников о данном лице. Ровинский старался отобрать наиболее точные характеристики, даже мелкие, но существенные детали. Своими справками он стремился дать представление не о канонических образах, хрестоматийных портретах, а о живых людях. Каждая такая справка требовала кропотливой работы автора с историческим материалом, критического анализа разных источников для извлечения наиболее точных и достоверных. И хотя в их изложении не чувствуется строго научной системы, "сцепление" различных документов произвольно, извлеченные факты важны как базис характеристики. Кроме того, справки демонстрируют колоссальную эрудицию автора и его источниковедческий метод, пронизывающий все элементы этого грандиозного справочника. Характеризуя биографическую часть "Подробного словаря", А.Ф.Кони подметил еще и их литературные достоинства: "...Это, по большей части, краткие, живые характеристики, блестящие умом, вооруженным громадной начитанностью и знанием. Сжатая форма их придает им особую силу и совершенно исключает всякую условность и деланный пафос" [39].

В справках отмечены наиболее схожие портреты. Так, при портретах И.К.Айвазовского указано: "Очень похожий портрет его налитографирован Тиммом в его "Художественном листке" 1858 г., то-

го же времени портрет его, писанный Тырановым, находится в Третьяковской галерее" [40].

Основной корпус "Подробного словаря" состоял из трех томов. 4-й том содержал 8 приложений, представляющих самостоятельный научный интерес: I) Перечень изданий с портретами, гравированными и, частично, литографированными; 2) Перечень общественных и частных собраний русских портретов с обозначением интересных экземпляров в них; 3) Материалы для истории портретного дела в России до I700 г.; 4) Исследование об истоках (заимствованиях) изображений русских князей и царей от Рюрика до Ивана Грозного; 5) Перечень живописных портретов, сохранившихся в общественных и частных собраниях, а также экспонировавшихся на портретных выставках в обеих столицах (автор оговаривает неполноту этого списка); 6) Заметки о портретах на эмали и кости; 7) Цензурные правила на гравированные портреты царей; 8) Перечень сохранившихся медных досок, с которых можно получить отпечатки.

Все приложения содержат большой документальный материал, являются основой для разыскания старинных портретов и сводом их, и в ряде случаев могут рассматриваться как небольшие исторические исследования (3, 4, 7). Они значительно более разработаны, чем в издании I872 г., и в гораздо большей степени ориентированы на историков и искусствоведов. Усилена библиографическая часть (I).

Вспомогательный аппарат "Подробного словаря" состоит из двух указателей: художников и портретов. Первый из них в издании I872 г. делился на два: граверов и остальных художников. Такое деление было искусственным, и автор учел это при переиздании.

Автор не считал "Подробный словарь" исчерпывающим и специально оговаривал, что в подобного рода изданиях абсолютная полнота недостижима в принципе [4I]. Тем не менее он стремился к максимально возможному отражению существующих портретов. Уже закончив работу над "Подробным словарем", он посылал его для дополнений коллекционерам. В Публичной библиотеке хранится рукопись А.Б.Лобанова-Ростовского, датированная I5 июля I889 г. и озаглавленная "Дополнения и поправки к I-му тому "Словаря портретов" Ровинского". На одном из листов рукописи рукою Ровинского написана благодарность за дополнения [42]. Г.А.Милорадович в письме

к Ровинскому от 24 января 1891 г. дал дополнения к 4-й части "Подробного словаря"[43].

При подготовке "Подробного словаря" Ровинский пользовался советами многих знатоков. Всех их он назвал в предисловии: и тех, кто передал ему рукописи и картотеки портретов определенной тематики, и тех, чьими собраниями он пользовался. Некоторые специалисты в различных областях иконографии помогали автору в работе над рукописью. Особую ценность для Ровинского представляли заметки историка и археографа, издателя "Русского Архива" П.И.Бартенева. В письме к нему от 14 августа 1889 г. он пишет: "Заметки Ваши казались мне столь важными и ценными, что я счел своим долгом отметить их Вашей монограммой для памяти... Еще раз премного благодарен Вам за все Ваши драгоценные для меня заметки и считаю себя в этом отношении неоплатным должником Вашим"[44].

Выпустив "Подробный словарь" в свет, автор не считал его окончательным и продолжал работу над ним в последующие годы. Это видно, в частности, из его письма от 9 февраля 1893 г. к Я.П.Полонскому[45].

"Подробный словарь" был выпущен тиражом 300 экземпляров. Весь комплект стоил 40 рублей[46]. О распространении его можно судить лишь по косвенным данным. Так, в письме к Полонскому от 28 марта 1889 г. Ровинский сообщает, что весь тираж роздан на комиссию, "да очень вероятно, еще много экземпляров останется"[47]. В рукописном каталоге иконографических изданий Ровинского (см. примеч.46) эта работа не числится среди распроданных.

Кроме 4-х томного издания, Ровинский выпустил в 1889 г. удешевленное двухтомное без иллюстраций и на бумаге худшего качества тиражом в 910 экземпляров. Цена обоих томов составляла 10 рублей[48].

"Подробный словарь" вызвал восхищенные отзывы в печати и личных письмах к автору. Редактор "Исторического вестника" С.Н.Шубинский писал Ровинскому: "Изданием "Словаря" Вы соорудили себе вечный памятник, и имя Ваше будет поминаться с благодарностью и уважением из рода в род всеми любителями старины"[49]. А.Ф.Кони в письме к нему от 15 марта 1889 г. подчеркивал строгую научность этого издания: "...Но исторические и бытовые справ-

ки, которыми и переполнен, уже сами по себе составляют своего рода сокровище, поражающее разнообразием сведений, объективностью и изяществом простоты"[50]. Эта объективность или, как писал Кони, отсутствие "малейшего следа исторического прислужничества"[51] – ценнейшая черта Ровинского-ученого и Ровинского-библиографа.

В течение ряда лет в печати появлялись дополнения к "Подробному словарю", принадлежавшие коллекционерам[52]. Принципы описания в них были тождественны "Подробному словарю". Ровинский предвидел такие дополнения, более того, ждал их, поскольку думал о переиздании своей работы. Однако он понимал, что это – дело не самого близкого будущего. В предисловии он писал: "В таком составе выпускаю второе и, вероятно, последнее издание моего Словаря; мне не придется дополнять его; я потрудился над ним, сколько мог и как мог; от души желаю, чтобы мой продолжатель взялся за это маленькое дело с таким же упорством и любовью"[53].

К сожалению, это дело продолжено не было, хотя ученые, библиографы, искусствоведы, в том числе и в советский период, всячески подчеркивали важность переиздания этой работы со всеми существующими к ней дополнениями. В частности, В.Л.Адарюков, которого называли "советским Ровинским", неоднократно выступал в печати с предложением переиздать этот труд[54]. В одной из своих работ он писал: "...Словарь Ровинского – не тот сухой перечень, какими бывают подобные словари, а во всех отношениях интереснейшая книга, без которой нельзя себе представить ни одной библиотеки по русской истории"[55]. Вероятно, стоит прислушаться к словам такого знатока-иконографа, каким был Адарюков, и осуществить переиздание этого замечательного труда хотя бы в наиболее интересной для нас сегодня части и со всеми дополнениями к нему.

Примечания

1. Веч. Крас.газ., 1924, 24 окт.

2. Стасов В.В. Новые труды Д.А.Ровинского. – Рус.старина, 1892, № 3, с.794-795.

3. Кони А.Ф. Общественная и государственная деятельность Д.А.Ровинского. – В кн.: Публичное собрание императорской Акаде-

мии Наук в память ее почетного члена Дмитрия Александровича Ровинского. Спб., 1896, с.39-93. Далее в примеч.: Публ. собр. ...

4. Стасов В.В. Воспоминания товарища о Д.А.Ровинском. - Там же, с.21.

5. Забелин И.Е. Воспоминания о Д.А.Ровинском. - Там же, с.4.

6. Так, известны его письмо к М.П.Погодину от 15 января 1858 г., где он просит взаймы 5 тыс. рублей на 5 лет (ОР ГБЛ, ф.231, д.II.28.46, л.6-6об.) и вексель, выданный ему на эту сумму от 26 февраля того же года со сведениями об отсрочке уплаты (ЦГА г.Москвы, ф.1650, оп.I, д.118).

7. Бычков А.Ф. Д.А.Ровинский и Императорская Публичная библиотека. - Публ. собр. .., с.98-99.

8. Текст завещания Д.А.Ровинского. - ГМИИ, ф.27, оп.I, д.6.

9. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4-х т. Спб., 1886, т.I, с.III.

10. Исторические памятники в России. - Рус.вестн. на 1809 г., ч.5, № I, с.3.

11. Письмо П.П.Бекетову от 29 января 1825 г. - ГИМ, ф.398, д.3, л.63.

12. Бекетов П.П. Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена по чему другому сделались известными свету, в хронологическом порядке, по годам кончины, с приложением их кратких жизнеописаний. М.: тип.А.Семена, 1821-1834. Ч.I. 292 с.

13. Стасов В.В. Разбор сочинения Д.Равинского (!) "Обозрение русского гравирования на металле и дереве до 1725 года". - В кн.: Отчет о втором присуждении наград графа Уварова. Спб., 1858, с.56-57.

14. Ровинский Д.А. Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств. М.: изд.гр.Уварова, 1870. X, 403 с.

15. Ровинский Д.А. Русские граверы и их произведения .., с.III.

16. Там же, с.У.

17. Симони П.К. П.П.Бекетов. - Старые годы, 1908, № 3, с.161.

18. Портретная галерея русских деятелей: В 2-х т. Спб.: тип. и лит. А.Мюнстера, 1865–1869.

19. Ровинский Д.А. Словарь русских гравированных портретов. Спб.: тип. Акад. наук, 1872. LУI, 236 с. В дальнейшем: Словарь.

20. Там же, с.XXУП.

21. Там же, с.XXУШ.

22. Там же, с.Ш.

23. Там же, с.I.

24. Геннади Г. - Голос, 1872, 29 дек.; Ефремов П. - Спб. ведомости, 1872, 17 нояб.; Н.П.Дуров. - Рус.старина, 1873, т.7, № 1, с.119–122.

25. Словарь, с.УI.

26. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Спб.: тип.Акад. наук, 1881, кн.1-5.

27. Ровинский Д.А. Достоверные портреты московских государей Ивана Ш, Василия Ивановича и Ивана IУ Грозного, и посольства их времени. Спб.: Экспедиция заготовления гос.бумаг, 1882. /5/, 20 с., 25 л. ил.

28. Ровинский Д.А. Материалы для русской иконографии: В 12-ти т. Спб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1884–1891.

29. Ровинский Д.А. Русский гравер Чемесов. Спб.: изд.Д.А.Ровинского, 1878. 19 с., 16 л. гравюр; Он же. Николай Иванович Уткин, его жизнь и произведения. Спб.: тип.Акад. наук, 1884. /2/, 196 с.; Он же. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. Спб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1884. /4/, 10 с.; 22 л. ил.

30. ОР ГБЛ, ф.51, к.31, д.5, л.19.

31. Письмо от 11 марта 1883 г. ГМИИ, ф.27, оп.1,д.93.

32. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4-х т. Спб.: тип.Акад. наук, 1886–1889. В дальнейшем: Подробный словарь.

33. Подробный словарь, т.1, с.У.

34. ОР и РК ГПБ, ф.708, д.1313. В несколько измененной редакции была опубликована в "Словаре русских граверов "Ровинского, изданном после смерти автора. (Спб., 1895, т.1, стб.293–326

35. В письме П.А.Ефремову от 25 января 1880 г. Ровинский пишет: "За последнее время я купил у Остроглазова все его собрание бекетовцев в числе 126 портретов - все неизданное". (РО ИРЛИ, ф.357, оп.4, д.39, л.37). Полнота собственного собрания позволяла Ровинскому уточнять существующие каталоги. В письме к П.А.Ефремову от II ноября 1879 г. он сообщает, что может выслать ему печатный список портретов 1812 г., "но в нем будет много рукописных дополнений" (Там же, л.31).

36. Подробный словарь, т.I, с.УI-УII.

37. Материалы для истории императорской Академии наук. Спб., 1885, т.I, с.Ш.

38. Это обстоятельство было специально отмечено В.В.Стасовым при его оценке "Подробного словаря": Публ. собр. ..., с.35.

39. Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский. - В кн.: Кони А.Ф. За последние годы. Спб., 1896, с.3II.

40. Подробный словарь, стб.6.

41. Там же, с.XI.

42. ОР и РК ГПБ, ф.643, д.6, л.19.

43. Там же, д.8, л.40.

44. ЦГАЛИ, ф.46, оп.I, д.581, л.354-355.

45. "Вот теперь составляю Прибавление к Словарю, в котором рассчитываю поместить порядочное количество портретов с живущих знаменитостей". - РО ИРЛИ. арх.Полонских, 12399, л.5.

46. Гружинский А.Е. Каталог иконографических изданий Ровинского. ЦГАЛИ, ф.126, оп.I, д.43.

47. РО ИРЛИ, арх.Полонских, 12399, л.2.

48. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов: В 2-х т. Спб.: тип. Акад. наук, 1889. Сведения о тираже: ЦГАЛИ, ф.689, оп.I, д.89.

49. ГМИИ, ф.27, оп.I, д.120, л.I.

50. Там же, д.65, л.I-I об.

51. Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский, с.3II.

52. Остроглазов И.М. Библиографические заметки к "Подробному словарю русских гравированных портретов" Д.А.Ровинского. М.: тип.А.И.Мамонтова и К°, 1892 15 с.; Адарюков В.Я. Добавления и исправления к "Подробному словарю русских гравированных

портретов" Д.А.Ровинского. Спб.: журн. "Старые годы", 1911, 89 с., ил.; Орлов И.Д.Заметки о некоторых гравированных портретах: Доп. к "Подробному словарю" Ровинского. Спб.: т-во Р.Голике и А.Вильборг, [1912]. [4], 92 с., ил.

53. Подробный словарь, т.I, с.XI-XII.

54. См.: Старые годы, 1912, № 7/9, с.121-122; Жизнь искусства, 1919. 21 июля; Печать и революция, 1924, кн.3, с.269 и др.

55. Адарюков В.Я. Добавления и исправления к "Подробному словарю русских гравированных портретов...", с.5-6.

СООБЩЕНИЯ

В.Н.Фойницкий

ЕЩЕ РАЗ О НЕРАСКРЫТЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ ФРАЗЕОЛОГИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.И.ЛЕНИНА

Советскими учеными проделана огромная работа по изучению творческой лаборатории В.И.Ленина, в частности по выявлению круга мировой литературы, использованной им при создании своих произведений. Результаты этой работы нашли концентрированное выражение в справочном аппарате к Полному собранию его сочинений, а также в Биографической хронике В.И.Ленина (т.I-I2). Тем не менее, как справедливо отмечалось на 3-й Всесоюзной конференции по проблемам книговедения, "остается немало не изученного в том, что относится к книжному миру В.И.Ленина, к кругу его активного чтения..." [I]. Это целиком применимо и к исследованию фразеологии произведений В.И.Ленина. Высказывая предположения о не раскрытых до сих пор источниках некоторых фразеологизмов, встречающихся в произведениях В.И.Ленина, можно уточнить и дополнить сведения о прочитанной и использованной им литературе. Именно этому посвящен ряд ранее опубликованных нами работ [2].

Следует иметь в виду, что, излагая далее наши наблюдения, мы в большинстве случаев оперируем только с названиями произведений, которые мог читать В.И.Ленин, не увязывая их с конкретными изданиями этих произведений.

В начале 1980 г. в издательстве "Наука" вышли почти одновременно две книги: Иезуитов А.Н. "В.И.Ленин и вопросы реализма" и "Библиография литературы о М.Ю.Лермонтова (1917-1977 гг.)" (сост.О.В.Миллер).

Автор первой книги (см.с.82) указывает: "Слова: "добросовестный ребяческий разврат" взяты Лениным из стихотворения Лермонтова "Дума":

"И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный ребяческий разврат..."

А составитель названного библиографического пособия в разделе "Классики марксизма-ленинизма о М.Ю.Лермонтове. Использование художественных образов Лермонтова в их произведениях", собрав,

казалось бы, исчерпывающим образом все случаи такого рода, этот факт не учла (см.с.7-8).

Как же это случилось? Дело в том, что в самом первом издании сборника "В.И.Ленин о литературе и искусстве" (М.: Гослитиздат, 1957), как и во всех последующих, к широко известному ленинскому высказыванию о Д.Н.Мамине-Сибиряке из "Развития капитализма в России" ("В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с "добросовестным ребяческим развратом" "господ", с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России" [3]) не сделано никакого пояснения, а сведения о цитировании В.И.Лениным "Думы" М.Ю.Лермонтова отмечены только в указателе имен (с.667). Если бы ленинский текст был снабжен примечаниями, то это уточнение, по всей вероятности, было бы использовано при подготовке 3-го тома Полного собрания сочинений В.И.Ленина, вышедшего в 1958 г. Получилось же так, что в конечном итоге использование В.И.Лениным этих строк из стихотворения М.Ю.Лермонтова не было отмечено ни в книге И.П.Уханова "Образы художественной литературы в трудах В.И.Ленина" (М.: Политиздат, 1965), ни во 2-й части "Справочного тома к Полному собранию сочинений В.И.Ленина" ("Указатель произведений художественной литературы и критики, пословиц, поговорок и крылатых слов, используемых и упоминаемых В.И.Лениным", с.595), ни в указанном выше библиографическом пособии.

В одном фразеологическом справочнике можно прочесть: "Штурманы будущей бури. Выражение А.И.Герцена, которое стало особенно популярным после появления статьи В.И.Ленина "Памяти Герцена" (1912). Говоря о поколении революционеров-разночинцев, В.И.Ленин заметил: "Молодые штурманы будущей бури" - звал их Герцен""[4]. Но здесь не указано, из какого же произведения А.И.Герцена взяты эти слова. Советский писатель А.Коптелов приписывает В.И.Ленину следующее высказывание: "А вспомним Чернышевского: прошел по этапу - пропахал глубокую борозду. А народовольцы? Читали у Герцена в "Колоколе"? "Молодые штурманы бу-

ри!""[5]. На самом же деле этих слов нет в "Колоколе". Текстуально изучивший герценовскую автобиографическую хронику, В.И.Ленин в данном случае использовал третью главу "Молодая эмиграция" из седьмой части "Былого и дум": "Винить за это наших молодых штурманов будущей бури было бы несправедливо".

Можно указать еще на один не учтенный ранее факт использования В.И.Лениным "Писем о провинции" М.Е.Салтыкова-Щедрина. Рассматривая становление капиталистической мануфактуры, В.И.Ленин писал в книге "Развитие капитализма в России": "Давно уже замечено, что русский крестьянин всего более беден сознанием своей бедности" [6]. Здесь – цитата из шестого "Письма о провинции": "Тем не менее, невозможно ни на минуту усомниться, что русский мужик беден действительно, беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить, и – что всего хуже – беден сознанием этой бедности".

Широко известна ленинская характеристика земства, данная в статье "Гонители земства и Аннибалы либерализма": "Итак, земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством" [7]. В 7-й, заключительной главе книги М.Е.Салтыкова-Щедрина "За рубежом", неоднократно цитируемой В.И.Лениным в других его трудах, описан земский человек, "который, памятуя, что он в некотором роде исполняет должность пятого колеса в колеснице государственного механизма, не хочет, чтобы его заподозрили, что он чем-нибудь стесняется".

Бичуя извращение марксизма ренегатом К.Каутским, В.И.Ленин напомнил: "Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть, что, судя по всем писаниям Каутского, у него в письменном столе или в голове помещен ряд деревянных ящичков, в которых все написанное Марксом распределено аккуратнейшим и удобнейшим для цитирования образом" [8]. С этими саркастическими строками сопоставимы слова одного из персонажей "Дневника провинциала в Петербурге" М.Е.Салтыкова-Щедрина – старорежимного хищни-

ка Петра Ивановича Дракина – о хищниках новой формации, нениосниматслях и адвокатах: "Не человек, брат, он, а шкаф с выдвижными ящиками. На всяком ящике у него ярлык наклеен, а потому ему сразу видно, который ящик выдвинуть следует" (см.гл.IX).

Есть возможность отметить и другие не раскрытые до сих пор фразеологизмы в трудах В.И.Ленина, взятые им из русской публицистики. Например, в своем раннем труде "Экономическое содержание народничества и критика его в книге г.Струве" В.И.Ленин называя "прекрасным выражением одного марксиста"[9] слова "тесный кабинет интеллигенции". Можно предполагать, что здесь имеются в виду строки из незадолго до этого вышедшей книги Г.В.Плеханова "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю": "Но если уже давно сказано, что никто не зажигает светильника для того, чтобы оставить его под спудом, то материалисты-диалектики прибавляют: не следует оставлять светильника в тесном кабинете "интеллигенции""![10] В работе "Задачи русских социал-демократов" В.И.Ленин снова вспомнил эти слова: "... Соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, во единую классовую борьбу пролетариата не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из "тесных кабинетов интеллигенции" на улицу, в среду рабочих и трудящихся классов..."[11].

В работах В.И.Ленина часто встречаются афоризмы зарубежных философов и цитаты из произведений западноевропейских авторов. Приведем несколько примеров.

Известны строки из статьи В.И.Ленина "О значении золота теперь и после полной победы социализма" (1921 г.): "Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира"[12]. С ними можно сопоставить слова Томаса Мора: "Золото и серебро предназначены для изделий самого низменного свойства: из них делают даже ночные вазы не только для общественных дворцов, но и для отдельных домов..."[13].

В статье "Революционные дни" (январь 1905 г.) В.И.Ленин отметил: "Недаром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт

есть неудавшаяся революция" [14]. Это изречение, видимо, восходит к эпиграмме английского политического деятеля и поэта Джона Харрингтона (1561-1612):

> "Treason doth never prosper, what's the reason?
> For if it prosper, none dare call it treason".
>
> ("Мятеж никогда не бывает успешным - почему? Если он окажется успешным, никто не осмелится назвать его мятежом") [15].

В 1921 г. В.И.Ленин указывал: "...Диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, "самодвижении" (как говорит иногда Гегель), изменении" [16]. В справочном аппарате 42-го тома Полного собрания сочинений В.И.Ленина не сделано никаких пояснений к цитируемому месту, не указано, какое произведение великого немецкого философа имеется здесь в виду. В действительности же термин "самодвижение" разъяснен и применен Г.В.Ф.Гегелем в его труде "Наука логики": "...Метод есть сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания" [17].

* * *

К изучению творческого наследия В.И.Ленина всецело применим тот метод, которым сам он, по словам Н.К.Крупской, пользовался при изучении трудов К.Маркса и Ф.Энгельса: "Ленин изучал не только то, что писали Маркс и Энгельс, то, что писали о Марксе его "критики", он изучал также путь, которым шел Маркс к тем или другим взглядам, те произведения, те работы, которые будили мысли Маркса, толкали их в известном направлении, изучал, если можно так выразиться, истоки марксистского мировоззрения, изучал, что именно и как именно брал Маркс у того или иного писателя" [18].

Этот метод, как мы пытались показать, является весьма эффективным и в книговедческом аспекте. Результаты разысканий по установлению нераскрытых книжных источников фразеологии ленинских произведений дополняют сведения о круге чтения В.И.Ленина, об изученной и использованной им литературе, расширяют представление о необозримости проблем "Ленин и книга", "Ленин и ми-

ровая литература", "Ленин и передовая философская и общественная мысль мира".

Примечания

1. Мезенцев П.А. В.И.Ленин и книга. - В кн.: 60 лет советской книги: Третья Всесоюз.науч.конф.по пробл.книговедения. Секция общ. пробл. книговедения. Тез. докл. М., 1977, с.7.

2. О поэтической цитате в заметке В.И.Ленина "Среди газет и журналов". - Рус.лит., 1964, № 3, с.211; О нераскрытых литературных цитатах в работах В.И.Ленина. - Вопр.лит., 1968, № 4, с.28-31; О литературных цитатах и фразеологизмах в трудах В.И.Ленина. - Рус.лит., 1970, № 1, с.139-145; О некоторых источниках фразеологии произведений В.И.Ленина. - Там же, 1980, № 1, с.101-108.

3. Ленин В.И. ПСС, т.3, с.488, примеч.

4. Коваль А.П., Коптілов В.В. Крилаті вислови в українській літературній мові: Афоризми. Літ.цитати. Образ.вислови. 2-е вид. Київ, 1975, с.313.

5. Коптелов А.Большой зачин. М.: Сов.писатель, 1963, с.93.

6. Ленин В.И. ПСС, т.3, с.434, примеч.

7. Ленин В.И. ПСС, т.5, с.35.

8. Ленин В.И. ПСС, т.37, с.242.

9. Ленин В.И. ПСС, т.1, с.533.

10. /Плеханов Г.В./ К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Спб., 1895, с.234. Перед загл. псевд. автора: Н.Бельтов.

11. Ленин В.И. ПСС, т.2, с.457.

12. Ленин В.И. ПСС, т.44, с.225.

13. Мор Т. Утопия. /Пер. с латин. А.Г.Генкель. 3-е изд., испр. и доп. Пг., 1918, с.103. Это издание было в личной библиотеке В.И.Ленина (см.: Библиотека В.И.Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961, с.166, № 1222).

14. Ленин В.И. ПСС, т.9, с.207.

15. Эта эпиграмма вошла в сокровищницу английской фразеологии и опубликована во многих английских словарях цитат и крылатых слов (см., напр.: Bartlett J. Familiar quotations. 8 th ed. Boston, 1882, p.141; Dalbiac Ph. H. Dictionary of quotations (English). London, 1897, p.310). В.И.Ленин живо интересовался справочными изданиями такого рода: сохранились его читательские требования на книги на немецком языке – "Крылатые слова" Г.Бюхманна и "Словарь цитат" Д.Зандерса (см.: Дружба народов, 1959, № 4, с.130).

16. Ленин В.И. ПСС, т.42, с.290.

17. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М.: Соцэкгиз, 1937, т.5, с.33; см. также с.5, 173, 466, 470, 490, 521. Конспектируя "Науку логики", Ленин обратил особое внимание на эти слова (Ленин В.И. ПСС, т.29, с.88) и на этот термин (Там же, с.125,210); в наброске "К вопросу о диалектике" он даже выделен курсивом (Там же, с.317).

18. Крупская Н.К. Как Ленин работал над Марксом. – В кн.: Крупская Н.К. О Ленине: Сб.ст. и выступлений. 4-е изд., доп. М., 1979, с.313.

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РУССКИХ ИЗДАТЕЛЕЙ

Публикация С.В.Белова

Публикуемые впервые 13 писем крупнейших русских издателей второй половины XIX - начала XX вв. к своим авторам и сотрудникам раскрывают их творческие связи с известными русскими писателями, поэтами, публицистами, общественными деятелями, библиографами. Они интересны также для характеристики мировоззрения и личности издателей.

Подлинники писем хранятся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина (ОР ГБЛ) и рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (РО ИРЛИ).

Письма располагаются по издательствам, которые следуют в хронологии начала их деятельности, а внутри каждого издательства - в хронологии их написания.

Данная публикация продолжает наше изучение богатейшей переписки русских издателей (см.: Книга: Исслед. и материалы. М., 1979, сб.38, с.133-151; Там же, М., 1981, сб.42, с.129-148).

ИЗДАТЕЛЬСТВО М.О.ВОЛЬФА (с 1853 г.)

I

М.О.Вольф - Ф.М.Достоевскому

С.-Петербург, 20 февраля 1878 г.

Господину Федору Михайловичу Достоевскому

Милостивый государь.

Препровождая к Вам программу предпринимаемого мною издания "Живописная Россия" [1], я имею честь обратиться к Вам с просьбою принять участие в труде, который соединит в одно стройное целое исследования лиц, занимающихся изучением различных местностей

нашего обширного отечества. Ваши прежние, всем известные работы, дают мне право надеяться, что Вы не откажетесь принять на себя составление очерка более знакомого Вам края, исторического периода, географической, этнографической, культурной, народно-хозяйственной или бытовой картины, на основании программы, которая не должна нисколько стеснять Вас в Ваших исследованиях, а служит только для указания направления издания и размеров, каких необходимо держаться в таком обширном сочинении. Предложения и условия Ваши я буду иметь честь просить Вас сообщить мне по возможности в скорейшем времени, чтобы знать наперед, какую именно часть описания угодно Вам будет оставить за собою, для избежания исследования одной и той же местности, эпохи или картины несколькими лицами[2].

Пользуюсь этим случаем, чтобы просить Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности.

М.О.Вольф.

РО ГБЛ, 93 П, карт.20, ед.хр.50.

1. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении/Под общ. ред. П.П.Семенова. Спб.; М.: М.О.Вольф, 1881-1895. Т.1-12.

2. Ф.М.Достоевский не принял участия в "Живописной России".

II

М.О.Вольф - Н.С.Лескову

С.-Петербург. 6 марта 1879 г.

Его высокородию Н.С.Лескову.

Милостивый государь Николай Семенович!

При личных свиданиях моих с Вами мы говорили уже об участии Вашем в "Живописной России"[1], ныне же, приступив к выпуску в свет первой главы этого сборника, я считаю необходимым привести наши переговоры к окончательному результату. В силу составленного мною и редактором плана всего издания, я просил бы Вас покорнейше, милостивый государь, принять на себя составление:

1. Очерка Пензы

2. Очерка Орла,

из коих на каждый полагаю возможным уделить по I/2 печатному листу. Вместе с сим я охотно принимаю Ваше предложение об очерках замечательных русских святых мест (кроме московских, псковских, новгородских и Соловков) [2]. Посылаю Вам оба экземпляра условия, на одном из них попрошу Вас покорнейше проставить срок доставления работы (примерно начало мая месяца), возможно более близкий, затем подписать его и без замедления переслать мне по вышеприведенному адресу. Если же Вам угодно было наметить еще какие-либо предметы в программе, то я буду крайне рад, но в таком случае попрошу Вас написать мне о таковых предметах безотлагательно. Надеясь на Ваше согласие, милостивый государь, и на скорую обратную присылку условия, прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

М.Вольф

ЦГАЛИ, ф.275, оп.4, ед.хр.I7

I. См. примеч.I к предыдущему письму.

2. Н.С.Лесков не принял участия в "Живописной России".

Ш

А.М.Вольф - Н.С.Лескову

/С.-Петербург/. 6 февраля 1885 г.

Милостивый государь Николай Семенович.

Я имею основание рассчитывать, что, повидавшись еще раз с цензором, добьюсь разрешения рассказа "Старинные психопаты" [I]. Если Вы не получите от меня уведомления дня через два, - значит, рассказ прошел.

Что же касается "Рассказов котати" [2] вообще, то для меня теперь совершенно ясно, что цензура добивается от них, как и вообще от всех беллетристических произведений, отсутствия излишней реальности.

Короче говоря, я не согласен с Вами, что цензура делает невозможным продолжение "Рассказов котати". По правде говоря, она не очень мешала нам до сих пор и, надеюсь, не помешает в будущем.

Жду от Вас поскорее рассказ для 9-й книжки "Нови".

Ваше обещание - доделать теперь роман [3] - меня сильно обрадовало. Не могу скрыть от Вас, что подписчики начинают настойчиво требовать продолжения и некоторые даже упрекают редакцию в обмане, - что для меня, понятно, в высшей степени неприятно. Поэтому я вполне надеюсь, что Вы приведете в исполнение Ваше доброе намерение.

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком к Вам уважении.

А.М.Вольф.

ЦГАЛИ, ф.275, оп.4, ед.хр.17.

Александр Маврикиевич Вольф - сын М.О.Вольфа, после его смерти (19 февраля 1883 г.) вместе с братьями Е.М.Вольфом и Л.М.Вольфом возглавлял Товарищество М.О.Вольфа.

1. С 1885 по 1900 гг. Товарищество М.О.Вольфа выпускало журнал "Новь" - иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний. В этом журнале сотрудничал и Н.С.Лесков. Редактором журнала был А.М.Вольф. Рассказ Н.С.Лескова "Старинные психопаты" был напечатан в № 8 и 9 "Нови" за 1885 год.

2. "Рассказы кстати" Н.С.Лескова печатались в № 1-4 "Нови" за 1885 г.

3. Речь идет о романе Н.С.Лескова "Незаметный след", первая часть которого была напечатана в № 1-2 "Нови" за 1885 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Ф.Ф.ПАВЛЕНКОВА (с 1866 г.)

IУ

Ф.Ф.Павленков - Н.К.Михайловскому

/С.-Петербург/. 5 октября 1892 г.

Многоуважаемый Николай Константинович!

Считаю необходимым перед своим отъездом в Крым дать Вам точные и так сказать последние сведения о результате сбора в пользу семьи Г.И.Успенского [1]. После общего сочувствия к Гле-

бу Ивановичу, как к писателю и человеку, замечательный успех подписки обязан Вашему деятельному участию в этом деле. Более наглядно доказать свою дружбу и влияние было бы трудно. От души шлю Вам на прощанье поклон и горячее рукопожатие.

Преданный Вам Ф.Павленков

Деньги, полученные мною в пользу семьи Г.И.Успенского

I) От Алчевской (единовременно) 1000 р.
2) От Плещеева (за год с августа 92 г.) 600 р.
3) От баронессы Икскуль (за год с августа 92 г.) 120 р.
4) От Морозовой (за I/2 года с августа 92 г.) 600 р.
5) От детей Морозовой (за год с августа 92 г.) 600 р.
6) От Солдатенкова (за год) 300 р.
7) От "Русских ведомостей" (за I/2 года 92 г.) 300 р.
8) От Гайдебурова (единовременно) 75 р.
9) От Островинской (за I/2 года с августа 92 г.) 30 р.
10) От Н.К.Михайловского (?) 15 р.
II) От Грибоедова (за месяц ?) 15 р.
12) От Каменского (за 3 месяца) 15 р.
13) От неизвестного (единовременно) 5 р.

Ф.Павленков

P.S. К этому следует прибавить текущие платежи от меня – по 100 р. в месяц (два года), по 75 р. (два года) и по 50 р. (два года).

Ф.Павленков

Выдать семье через Ив.Ив.Успенского [2] по сегодняшнее число – 750 р. (по 250 р. в месяц, с I августа).

5 октября /18/ 92 г. Ф.Павленков

РО ИРЛИ, ф.181, оп.1, ед.хр.510.

1. Сбор в пользу семьи Г.И.Успенского был связан с душевной болезнью писателя.

2 Иван Иванович Успенский (1862- ?) – брат писателя, автор воспоминаний о нем, опубликованных в сборнике "Глеб Успенский" (М., 1939, с.347–443).

У

Ф.Ф.Павленков – Н.К.Михайловскому

/С.-Петербург. 1894 г./

Видел Коссовича [1] – он живет на даче в Парголове – и узнал от него, что Ваша заметка о Писареве была вычеркнута им исключительно по его (тома. – С.Б.) "преждевременности" – тогда-де 6-й тоже том соч.Писарева еще числился официально не вышедшим[2]. Срок его вторичного семидневного искуса по календарю цензурного комитета в то время еще не был закончен. Никаких других препятствий со стороны цензуры не имелось и не имеется. Спешу довести об этом до Вашего сведения.

Преданный Вам Ф.Павленков

РО ИРЛИ, ф.266, оп.3, ед.хр.321.

Дата письма – 1894 г. – установлена по содержанию письма.

I Смарагд Игнатьевич Коссович (1835-1898) – председатель Петербургского цензурного комитета.

2 Речь идет о вышедшем в 1894 г. 6-м томе шеститомного собрания сочинений Д.И.Писарева, изданном Ф.Ф.Павленковым.

ИЗДАТЕЛЬСТВО М.М.СТАСЮЛЕВИЧА (с 1866 г.)

УI

М.М.Стасюлевич – В.П.Орлову-Давыдову

/С.-Петербург/. 5 апреля 1873 г.

Милостивый государь
граф Владимир Петрович,

Я прочитал "Записку" с тем вниманием, какое должно было вызвать и содержание ее и имя автора [1]. Отдавая полную справедливость знанию дела и большой опытности сельского хозяина, я тем с большим сожалением вынужден отказать себе в чести поместить рукопись в журнале [2]. Журнал не будет в состоянии поддерживать впоследствии те политико-экономические и общественные мысли, которые легли в основание всей "Записки" и с которыми журнал сам

неоднократно полемизировал, по мере сил своих и возможности, предоставляемой печати в подобных вопросах нашим законом о печати [3].

Возвращая при сем портфель с рукописью, имею честь оставаться с истинным почтением и полною преданностью,

Ваше сиятельство, покорным слугою

Михаил Стасюлевич.

ОР ГБЛ, ф.219, карт.61, ед.хр.69

Адресат: Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809-1882) - доктор прав, почетный член Академии наук, писатель, библиофил.

1. "Записка" В.П.Орлова-Давыдова называется: "Земледелие и землевладение. По поводу вопроса о лучшем устройстве нашего сельского хозяйства".

2. Т.е. в "Вестнике Европы".

3. Вместе с этим письмом М.М.Стасюлевича к В.П.Орлову-Давыдову в ГБЛ (ф.219, карт.61, ед.хр.69) сохранилась "Заметка" М.М.Стасюлевича о "Записке" В.П.Орлова-Давыдова: "Вся статья, по сущности, сводится к двум главным целям: 1-е доказать экономический вред общинного пользования землею, и 2-е доказать необходимость поставления во главе земского и волостного самоуправления крупной собственности, под которою прямо разумеется богатое и влиятельное дворянство, родовая аристократия ...".

Однако, судя по тому, что "Записка" В.П.Орлова-Давыдова была все-таки напечатана в "Вестнике Европы" (1873, кн.6, с.814-860), В.П.Орлов-Давыдов сумел убедить М.М.Стасюлевича напечатать ее.

ИЗДАТЕЛЬСТВО А.Ф.МАРКСА (с 1869 г.)

УП

А.Ф.Маркс - Я.П.Полонскому

/С.-Петербург/. 18 сентября 1897 г.

Глубокоуважаемый Яков Петрович.

Вы знаете, как до[illegible]га для меня каждая Ваша вещь, и Вас, конечно, не удивило, что на Ваше колебание, кому отдать "Мир[illegible]" - "Ниве"

или "Русской мысли" - я ответил настоятельною просьбою о присылке этой вещи мне. Но я не знал, что "Мираж" уже обещан Лаврову [1] и что для исполнения моей просьбы Вам пришлось бы, как Вы говорите, "нарушить обещание, данное Лаврову". Этого я ни в коем случае не хотел и не считаю себя в праве требовать подобного, несмотря, или вернее, именно вследствие наших добрых отношений, не желая испортить Ваших отношений и к "Русской мысли" и причинить неудовольствие Лаврову, с которым и я нахожусь в хороших отношениях. Не считая поэтому возможным настаивать на отдачу мне "Миража" и возвращая при сем рукопись[2], я надеюсь, что, бог даст, - Вы найдете и досуг, и покой и в награду за лишение меня "Миража" Вы подарите моей "Ниве" еще немало хороших вещей.

С глубоким уважением душевно преданный Вам

А.Ф.Маркс

РО ИРЛИ, 12.902. LXXI б.II.

I. Вукол Михайлович Лавров (1852-1912) - журналист и переводчик, издававший с 1880 по 1912 гг. журнал "Русская мысль".

2. Стихотворение Я.П.Полонского "Мираж" было напечатано в "Русской мысли" (1897, № 12, с.149-152).

VIII

А.Ф.Маркс - А.И.Куприну

/С.-Петербург/. 16 января 1902 г.

Милостивый государь Александр Иванович.

Я весьма благодарен за переданное Вами любезное предложение Н.Д.Телешова, но принять на себя издание его шести рассказов о переселенцах, с иллюстрациями, я, к сожалению, не могу [1]. Другое дело, если г.Телешов согласится издать книгу за свой счет. В таком случае она могла бы быть отпечатана в моей типографии и поступить на склад в мою контору на известных условиях - комиссионных. Делаю это предположение в виду указания г.Телешова, что для него главным образом важна фирма, могущая содействовать распространению. В этих видах я согласен принять книгу на склад, хотя вообще моя контора чужих изданий для продажи не держит.

Если г.Телешо на это согласится, то о подробностях можно будет с ним списаться.

Примите уверения в совершенном почтении.

А.Ф.Маркс.

Его В/ысокоблагоро/дию А.И.Куприну

Адрес

Бассейная, № 35

P.S.Книга "Повести и рассказы" и 3 брошюры возвращаются.

РО ИРЛИ, ф.242, оп.I, ед.хр.166.

I. Отдельные рассказы Н.Д.Телешова о переселенцах печатались в издательстве "Посредник", а в 1903 г. вышли в издательстве "Знание".

ИЗДАТЕЛЬСТВО А.Ф.ДЕВРИЕНА (с 1872 г.)

IX

А.Ф.Девриен - А.В.Круглову

С.-Петербург. 26 августа 1908 г.

Его В/ысокоблагород/ию Г/осподи/ну А.В.Круглову

в Москве

Многоуважаемый Александр Васильевич!

Благодарю Вас за присылку Вашего журнала "Дневник писателя" с рецензией о книге моего издания [I]; рецензия эта меня заинтересовала, и я весьма рад видеть, что журнал Ваш дает обстоятельные отзывы. Разумеется, никто не может ожидать, чтобы рецензии были всегда в одобрительном смысле, но у нас уже одного того, что рецензент читал книгу, достаточно, чтоб автор и издатель были приятно удовлетворены.

Сегодня я Вам посылаю пакет с некоторыми более новыми моими изданиями, рецензии о которых могли бы заинтересовать читателей Вашего журнала: из них сборник "Сибирь" только что вышел [2]. Обращаю Ваше внимание на сказки Ткаченки и Дудина, как на попытку издать дешево и все-таки изящно [3]; Ученый Комитет Министерства

Народного Просвещения отказал в одобрении этой книги из-за дороговизны! (85 коп.!).

Согласно Вашему желанию, посылаю Вам мою фотографическую карточку. Сомневаюсь, чтобы репродукция моего или любого другого издателя портрета была интересной подписчикам Вашего журнала; ведь мы, "издатели", в русской публике не пользуемся особенными симпатиями. На нас смотрят как на эксплоататоров и авторов и публики; есть не мало и таких лиц, даже и в образованном обществе, которые не имеют ни малейшего понятия о том, что собственно "издатель", и им трудно объяснить, в чем состоит наша деятельность.

В присланной Вами книжке "Дневника писателя" я прочел крайне заинтересовавшую меня Вашу статью "О книге" [4]. Статья эта так удачно высказывает то многое, что мне на сердце лежало уже давно, что я просил бы Вас разрешить мне перепечатать эти 8 страниц, с указанием, конечно, источника, на отдельных листках почтовой бумаги; я послал бы эту перепечатку в отдельных конвертах в ответ тем, без числа, городским и земским библиотекам, сельскохозяйственным обществам, приютам и т.д., от которых я чуть ли не ежедневно получаю предложения пожертвовать хоть по I экз. всех моих изданий в их учреждения. Каково! Только по I экземпляру! А это каждый раз составило бы подарок в 1400 р.! Только на днях я получил такую просьбу, подписанную городским головой первопрестольной, где подобным способом желательно организовать библиотеку имени Льва Толстого! На это явление, которое мы встречаем уже в древности, Вы встретитесь с ответом, данным Марциалом своим знакомым, ожидавшим от него дарового предподношения его книг [5]. Если Вам угодно, я бы Вам послал небольшое мое сообщение на немецком языке из истории книги, где я собрал довольно интересные данные на эту тему.

Весной я выпустил новое (8-е) издание "Большака" [6], за которое я, по обыкновению, Вам кредитовал 200 рублей. Желательно ли Вам, чтобы сумма эта была послана Вам в Москву, или Вам угодно будет получить ее здесь, когда приедете сюда? Вместе с книгами для рецензий посылаю Вам по экземпляру нового издания "Большака" - брошюрованному и в переплете; если Вы желаете по-

лучить еще несколько экземпляров, то прошу сообщить мне.

С совершенным уважением готовый к услугам

А.Ф.Девриен

РО ИРЛИ, ф.139, ед.хр.105

Адресат: Александр Васильевич Круглов (1853-1915) - писатель, с 1907 по 1909 гг. выпускал в Москве ежемесячный журнал "Дневник писателя".

1. В февральском номере "Дневника писателя" за 1908 г. напечатана рецензия П.Россиева на издание А.Ф.Девриена: Виташевский Н.А. По тайге за золотом/ По дневнику и письмам автора перераб. Н.Я.Мануилова и Н.А.Виташевский. С 36 рис. по фотогр. автора. Спб., 1906.

2. Сибирь: Ее соврем. состояние и ее нужды. Сб.ст. Спб.: А.Ф.Девриен, 1908.

3. Сказки старухи-говорухи о животных: (Из нар.сказок)/ Рис.С.М.Дудин и Н.И.Ткаченко. Спб.: А.Ф.Девриен, 1907-1909. Вып.1-6.

4. Статья А.В.Круглова "О книге" была напечатана в февральском номере "Дневника писателя" за 1908 г.

5. Марк Аврелий Марциал (ок.40 - ок.104) - римский поэт. Возможно, речь идет о его эпиграмме:

Требуешь, Квинт, чтобы я подарил свои тебе книжки.
Нет у меня! Продает Трифон их в лавке своей.
"Деньги давать за пустяк, за стихи, да в здравом рассудке?
Глупостей не допущу", - так говоришь ты. И я.
(Марциал. Избранные эпиграммы. М., 1937, с.59).

6. Круглов А.В. Большак: Повесть для детей. Спб.: А.Ф.Девриен, 1908.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НОВОЕ ВРЕМЯ" А.С.СУВОРИНА
(с 1878 г.)

X

А.С.Суворин - М.В.Ватсон *

/С.-Петербург/. 4 февраля 1885 г.

---

* Печатается с незначительными сокращениями.

Многоуважаемая Марья Валентиновна, мне кажется спорить о значении стих. Надсона - бесполезно. Что он человек с дарованием - против этого я спорить не стану, ибо дарование его несомненно. Но он почти весь в рефлексии и образов у него чрезвычайно мало. "Борьба со злом", "цепи", "светлый день победы" - вот все. Тысячное повторение тех же слов и тех же мыслей, которые Лермонтов соединил в четыре стиха. Против его буддизма и пессимизма, как Вы выражаетесь, я ровно ничего не имею, как ничего не имею против вариаций на Думу Лермонтова. Поэт живет в обществе и принимает известные впечатления, думает о борьбе, о свободе - это все естественно. Но мне глубоко антипатичны дикие восхваления Геростратов, поэтические объяснения поступков варварских, заклейменных тысячелетиями ... Вы говорите, что "доминирующий мотив" поэзии Надсона "нирвана" - пусть и нирвана. Но я ведь не цензор, которому все можно объяснить и которому можно доказать, что объяснение характера Герострата чрезвычайно важно в ... * отношении. Мне этих объяснений совсем не нужно. Достаточно того, что я не могу разделять диких мыслей - и кончено. Пусть это скверно. Но ведь я этим никому не мешаю. Я не хочу этого печатать - вот и все, не хочу потому, что это мне противно. Вы предлагаете сами издать и заплатить мне деньги. Но я имел уже удовольствие известить Вас, что денег мне не надо и что дело идет вовсе не о них. Я десятки тысяч потерял на изданиях, которых никто не задерживал, потерять несколько сот на книге, которую задержат, - капля в море, о которой и разговаривать нечего. Если б книга печаталась в моей типографии без моего ведома - Вы имели бы дело только с типографией; но эту книгу я знаю и, стало быть, заведомо стану печатать то, что мне противно, от чего я отказался, чтобы только взять деньги! Я думал, что Вы несколько лучшего мнения обо мне.

Я не знаю, сколько листов напечатано стихотворений Надсона, - кажется, прочел 7-й лист; сегодня навести справки невозможно; но завтра я наведу справки и могу предложить Вам перене-

---

* Пропуск в рукописи.

кам...", "Мрачна моя тюрьма...", "На могиле А.И.Герцена" и т.д.), воспевающих героические черты борцов против самодержавия.

Судя по тому, что "Стихотворения" С.Надсона были напечатаны в 1885 г. в типографии А.Суворина, он согласился на печатание всей книги в своей типографии. В 1886 г. в типографии Суворина увидело свет 2-е, исправленное и дополненное издание "Стихотворений" С.Надсона.

XI

А.С.Суворин - П.И.Вейнбергу

/С.-Петербург. 1880-е гг./

Многоуважаемый Петр Исаевич.

Ибсена издавать не стану. "Нора" совсем не подходит в "Дешевую библиотеку" [1] и всегда казалась мне женщиной дикой и невозможной [2].

Ваш А.Суворин.

РО ИРЛИ, ф.268, арх.Сувориных, ед.хр.4.
Копия.

Дата письма - 1880-е гг. - установлена по содержанию письма.

Адресат - Петр Исаевич Вейнберг (1831-1908) - поэт, критик и переводчик.

1. Общедоступная издательская серия А.С.Суворина "Дешевая библиотека" выходила в 80-е - 90-е гг. и состояла, в основном, из сочинений русских писателей, главным образом конца XVIII - начала XIX вв. А.С.Суворин выпустил следующие произведения Ибсена: "Привидения" (1891), "Маленький Эйольф" (1895), "Джон Габриель Боркман" (1897).

2. Для А.С.Суворина была, очевидно, неприемлема основная идея пьесы Ибсена "Нора", считавшейся современниками одним из важнейших пропагандистских произведений в борьбе за эмансипацию женщин.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Ф.А.БРОКГАУЗА И И.А.ЕФРОНА (с 1889 г.)

XII

И.А.Ефрон - К.К.Арсеньеву

С.-Петербург. 11 сентября 191/4/ г.

Глубокоуважаемый Константин Константинович.

Мне приходится побеспокоить Вас по поводу статьи о Кассо [I]. Я не сомневаюсь в том, что статья, после Ваших последних сокращений, не может подать повода ни к каким преследованиям на законном основании. Но ведь мы находимся при особом режиме, когда администрация может весьма широко толковать свои полномочия, и, коль скоро на статью о Кассо уже обратили внимание, мы можем ждать всяческих неприятностей, если статья будет помещена даже в сокращенном виде. Между тем нам чрезвычайно важно выпустить в свет 21 том немедленно по его отпечатании, без всяких задержек, какие могут возникнуть при новом его рассмотрении в цензуре. Я очень прошу Вас поэтому исключить из статьи о Кассо все, что касается его деятельности как министра. В обычное время, конечно, мы приняли бы все меры, чтобы отстоять свое право печатать то, что не воспрещено законом, ныне же, к сожалению, необходимо считаться с фактическим положением и устранить все, что может подать повод к конфликту с цензурой. Я надеюсь, что Вы разделите эти соображения и найдете возможным исполнить мою просьбу о полном исключении из статьи политического элемента [2].

Искренно преданный Вам

И.Ефрон.

РО ИРЛИ, ф.359, ед.хр.268.

Дата письма - II сентября 191/4/ г. - устанавливается по содержанию письма.

Адресат - Константин Константинович Арсеньев (1837-1919) - публицист, литературовед, почетный член Академии наук, главный редактор "Нового Энциклопедического словаря" Брокгауза-Ефрона.

I. Лев Аристидович Кассо (1865-1914) - министр народного просвещения России в 1911-1914 гг.

2. В 21 томе "Нового Энциклопедического словаря" Брокгауза-Ефрона" в 1914 г. появилась без подписи статья о Л.А.Кассо. К.К.Арсеньев (судя по публикуемому письму, именно он был автором этой статьи) лишь отчасти выполнил просьбу И.А.Ефрона "о полном исключении из статьи политического элемента", во всяком

случае, оставил материал о деятельности Л.А.Кассо-министра. Так, например, о разгроме Л.А.Кассо в 1911 г. Московского университета в статье говорится следующее: "Меры, принятые им (Л.А.Кассо. - С.Б.) для подавления студенческих беспорядков в Московском университете (в начале 1911 г.), заставили ректора Мануилова, его помощника Мензбира и проректора Минакова просить об увольнении от этих должностей".

XIII

И.А.Ефрон - Н.И.Карееву

[Петроград]. 21 декабря 1915 г.

конфиденциально

Многоуважаемый Николай Иванович.

Препровождая при сем Ваш редакторский гонорар за 26-й том Словаря, издательство считает долгом ознакомить Вас с обстоятельствами, препятствовавшими до сих пор регулярной уплате гонорара по Словарю.

События военного времени, тяжело отразившиеся на общем положении книжного рынка, нанесли особо чувствительный удар издательству Словаря. Ряд мобилизаций, вызванные военным временем передвижения, а затем занятие неприятелем части территории России, имели своим неизбежным следствием резкое уменьшение контингента подписчиков Словаря. Равным образом прекратился приток новых подписчиков, а между тем финансовый план издания был построен на том, что по мере того, как Словарь будет приближаться к завершению, число его подписчиков будет прогрессивно расти. В 1915 г. положение книжного рынка стало несколько более устойчивым, число подписчиков Словаря также поднялось, хотя и незначительно по сравнению с начальными месяцами войны, но и сейчас оно далеко не достигло цифры подписчиков перед войной. Одновременно с этим технические расходы по изданию поднялись до размеров исключительно высоких: цены на бумагу, типографские принадлежности и переплет ныне повышены, по сравнению с ценами до войны, на 50% и более, некоторые сорта бумаги вздорожали, напри-

сти печатание и набор в другую типографию, которой можно передать отпечатанные листы; за них я ничего не возьму, ни одной копейки, и буду рад, что тем самым не задержу выпуск книги. Подобрать шрифт не трудно, а типографий много и каждая из них возьмется за работу с удовольствием, когда за нее платят. Если Вы зайдете ко мне во вторник, часа в 2, я буду рад поговорить с Вами.

Искренне Вас уважающий

А.Суворин

РО ИРЛИ, ф.402, оп.2, ед.хр.541.

Адресат - Мария Валентиновна Ватсон (1853-1932) - переводчица и литературовед, близкий друг и биограф поэта С.Я.Надсона, редактор его сочинений. В 1885 г. в типографии А.С.Суворина под редакцией М.В.Ватсон были напечатаны "Стихотворения" С.Надсона. В РО ИРЛИ (ф.402,оп.4,ед.хр.19) сохранилось неопубликованное письмо С.Я.Надсона к А.С.Суворину, которое, судя по содержанию, было написано после выхода в 1885 г. "Стихотворений" С.Я.Надсона в типографии А.С.Суворина.

Милостивый государь Алексей Сергеевич.

По сведениям, полученным мною из Вашего книжного магазина, книга моя вся распродана; я хотел бы приступить ко второму изданию. Хотя для меня и не тайна, что Вы издавали мои стихотворения не совсем охотно и хотя трудно думать, что за это время Ваш взгляд на меня, как на автора, мог перемениться, я считаю своим долгом предложить Вам и это предлагаемое второе издание. Позвольте, вместе с тем, от души поблагодарить Вас за ту аккуратную и изящную внешность, которая придана была первому изданию. Позволяю себе надеяться получить от Вас в скором времени ответ по следующему адресу.

Искренно уважающий Вас

С.Надсон.

Судя по контексту письма А.С.Суворина к М.В.Ватсон от 4 февраля 1885 г., для монархиста А.С.Суворина был совершенно неприемлем целый ряд стихотворений С.Я.Надсона ("По смутным призна-

мер - в три раза, причем все материалы стали отпускаться не иначе, как за наличный рассчет. Все это вместе взятое создало для издательства тяжелое положение, и для продолжения дела понадобились большие финансовые усилия. Но этих усилий было недостаточно. Издательство с чрезвычайной признательностью констатирует, что если издание Словаря не было приостановлено, то этим оно обязано прежде всего и главным образом исключительной предупредительности и любезности, с какою гг.редактора отнеслись к Словарю в настоящее тяжелое время.

Высоко ценя это отношение гг, редакторов к Словарю, издательство, разумеется, сознавало неудобства положения, при котором уплата гонорара производилась не всегда аккуратно, и оно было все время озабочено устранением этой неаккуратности. Ныне издательством приняты действительные меры к тому, чтобы впредь уплата гонорара гг. редакторам и сотрудникам производилась всякий раз не позднее, как в течение месяца по выходе в свет тома Словаря. В частности, за только что вышедший 26-й том ныне уплачивается гонорар всем гг. редакторам, а гг. сотрудникам уплата его будет производиться постепенно, начиная с 28 с/м. Что касается гонорара за один предыдущий том, то издательство в виду изложенных исключительных обстоятельств - вынуждено просить Вас считать эту сумму долгом издательства, подлежащим уплате Вам после войны (при сем выписка из Вашего счета).

Предлагаемый способ урегулирования счетов, устраняя всякие недоразумения на будущее время, вместе с тем даст фирме возможность продолжать издание Словаря на прежних началах, и издательство, зная Ваше неизменно доброжелательное отношение к нашему предприятию, надеется, что Вы найдете это предложение приемлемым.

Примите уверения в глубоком уважении и преданности.

Искренно предан Вам

И.Ефрон.

Причитается Вам, включая гонорар, за 26-й т., руб. 407.41, из коих руб. 207.41 при сем препровождается, а остальные руб. 200 - предполагается считать долгом, подлежащим уплате по окончании войны.

ОР ГБЛ, ф.119, карт.47, ед.хр.13.

Адресат – Николай Иванович Кареев (1850–1931) – историк, один из редакторов "Нового Энциклопедического словаря" Брокгауза-Ефрона.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Белов Сергей Владимирович - старший научный сотрудник Гос.Публичной библиотеки, кандидат филологических наук

Блюм Арлен Викторович - доцент Ленинградского института культуры им.Н.К.Крупской, кандидат филологических наук

Горбунов Юний Алексеевич - заместитель главного редактора журнала "Урал"

Горшков Юрий Александрович - младший научный сотрудник Всесоюзной книжной палаты

Кельнер Виктор Ефимович - старший научный сотрудник Гос.Публичной библиотеки, кандидат исторических наук

Острой Ольга Семеновна - старший научный сотрудник Гос.Публичной библиотеки, кандидат искусствоведения

Пайчадзе Сергей Антонович - доцент Хабаровского института культуры, кандидат филологических наук

Фойницкий Виталий Наумович - сотрудник фонда библиотековедения Гос.Публичной библиотеки

Ханукаева Инна Васильевна - младший научный сотрудник Гос. Публичной библиотеки

Шилов Леонид Александрович - директор Гос.Публичной библиотеки, кандидат исторических наук

Редактор - Фролова Ирина Ивановна, зав.сектором книговедения Гос.Публичной библиотеки, кандидат исторических наук

М-36196 Подписано к печати 26.07.83 Формат 60x84/16 Бум.тип.№ 2
Печ.л. I,93 Уч.-изд.л. 7,68 Тираж 600 экз. Заказ № 194 21.10.83
ТП-1983, Поз.24 Цена 80 коп.

Государственная Публичная библиотека им.М.Е.Салтыкова-Щедрина
Редакционно-издательский отдел,ОП.191069,Ленинград,Садовая ул.,18.